

СВѢТОЧЪ

И

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

Ноябрь.

СОДЕРЖАНІЕ.

I — ДВѢ МУЗЫ. Стих. А. В. Круглова	7
II — „ПРОЙДЕТЬ ВЕСНА... НАСТУПИТЬ МИГЪ“...—Стих. Его же	10
III — У СВѢЖЕЙ МОГИЛЫ. Стих.—Его же	11
IV — СЪ ПОПУТНЫМЪ ВЪТРОМЪ. — Романъ изъ недавно-минувшаго. Продолженіе.—Тамары Дэнъ	12
V — ВСТРѢЧА.—Стих. А. В.—ча	29
VI — ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ МУДЕНСКИХЪ БОЕВЪ. — Воспоминанія. — IV.— Л. Н. Бѣльковича.	30
VII — СКОРБЯЩЕМУ.—Стих.— А. В. Круглова	43
VIII — ВѢЧНЫЕ СТРАННИКИ. Сказка для взрослыхъ.— Е. Ѳ. Гриневиичъ	44
IX — РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕАЛЫ НАРОДА ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. I.— Л. С. Черлентовской	50
X — „СЪ ДУМОЙ ГРУСТНО-МОЛЧАЛИВОЙ“...—Стих.— И. И. Гребенщи- кова	61
XI — ВАЛДАЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ. —Очеркъ — К. С. Лебедева	62
XII — ДРУГУ-ВРОЖЕБЪ.—Стих. А. В. Круглова	72
XIII — НЕУДАВШЕЕСЯ СВАТОВСТВО.—Разсказъ.—А. А. Макка	73
XIV — ПЕРЕЖИТОЕ.—Житейскія и литературныя воспоминанія. Часть IV. Гл. XII—XV.—А. В. Круглова	80
XV — ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	94
1. Памяти М. В. Ломоносова.—Свящ. о. М. И. Менстрова — 2. Библиографія.	
XVI — НА ПОЛЯХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ	111
XVII — АРЕНА КРОВАВОЙ ТРАГЕДІИ. (Слова къ иллюстраціямъ) Бр. М. XVIII — ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.—(Бесѣды съ читателями.)—О праздни- кахъ.—А. В. Круглова	118
XIX — НА ПОМОЩЬ СЕМЬИ И ШКОЛѢ	119
1. Памяти К. Д. Ушинскаго.—2. Изъ учебной хроники.—3. Систе- матическій списокъ книгъ.	127
XX — ИЗЪ ЦАРСКАГО СЕЛА.—П. А. Россіева	133
XXI — ПОЛУВѢКОВОЙ ЮБИЛЕЙ —К.	138
XXII — НЕКРОЛОГИ	140
XXIII — НАУЧНЫЯ ЗАМѢТКИ	144
XXIV — ТЕАТРЪ	147
1. „Живой трупъ“ Л. Н. Толстого.— Б. И. Михельсона.— 2. О „Живомъ трупѣ“.— Р.	

- XXV — ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ 152
XXVI — ЦВѢТНОЕ КРУЖЕВО. — Легенды о цвѣтахъ. — М. В. Лысковскаго. — Листъ 4-й. —
Безплатное приложение (въ концѣ книги).
XXVII — ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ и страницахъ:

Памятникъ Императору Александру II въ Кіевѣ. — Памятникъ св. княгинѣ Ольгѣ въ Кіевѣ. — Галдаи и его окрестности. — 6 иллюстрацій — Набережная р. Вологды. — Портретъ М. В. Ломоносова. — Памятники: М. В. Ломоносову въ Архангельскѣ, въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ. — 3 иллюстраціи. — Караванъ въ пустынь. — Бедуинъ въ окрестностяхъ Триполи. — Типы турецкаго гарнизона въ Триполи: пѣхоты и кавалеріи. — Зданіе нынѣшняго Лицея въ С.-Петербургѣ. — Памятникъ А. С. Пушкину (первому лиценсту) въ лицейскомъ саду въ С.-Петербургѣ.

(Иллюстраціи въ текстѣ. — Виньетки и заставки.)

Къ постоянному свѣдѣнію подписчиковъ.

1) Контора журнала не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №. Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками съ городск. на многор. и обратно; и 25 коп. съ мног. на мног. и съ гор. на городск.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже какъ за 7 дней до выхода ближайшей книги журнала, и тогда она будетъ направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію или въ контору, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Сочиненія Анны Догановичъ.

Три. Бытовые разсказы. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Нананунѣ службы. Изъ записокъ фельдшерницы. М. 1904 г. Ц. 1 р.

Для дѣтей. Всѣ иллюстрированныя:

Въ родномъ гнѣздѣ. Изъ семейной хроникки. Ц. 75 к.

Вомна-дуракъ. Разсказъ. Изданіе шестое. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчель. Изданіе третье. М. 1906 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Старые и малые. Разсказы для дѣтей школьнаго возраста. Съ рисунками Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе третье. Съ портретомъ автора. М. 1907 г. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

Печальникъ земли Русской. Историческая повѣсть. Для семеннаго и никольнаго чтенія. Изданіе четвертое. М. 1908 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Ермакъ, покоритель Сибири. Для школьнаго и народнаго чтенія. Изданіе третье. Ц. 15 к.

Любимчикъ. Исторія одного попугая. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Вася-Горбунъ. Разсказъ для дѣтей. Изданіе второе. М. 1910 г. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к.

Дядь Игнатъ. Разсказъ. Для школьнаго и семейнаго чтенія. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

Маша. Повѣсть. (А. Догановичъ и А. Круглова). Изданіе третье. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к.

Васильки. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Отзывчивыя сердца. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками Ц. 40 к.

Пѣсенка маятника и другіе разсказы. Ц. 40 к.

ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ ПОДПИСЧИКОВЪ

4 РУБЛЯ ВЪ ГОДЪ **4**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1912** годъ

VI-й г. ИЗДАНІЯ **VI**-й г.

— НА —

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„СВѢТОЧЬ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

подъ редакціей А. В. КРУГЛОВА,

при раздѣленіи съ нимъ трудовъ редакціи А. Н. Кругловой-Догановичъ, при ближайшемъ участіи д-ра мед. В. К. Недзвецкаго и инженеръ-техн. М. В. Лысковскаго.

„СВѢТОЧЬ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа **РЕКОМЕНДОВАНЪ** гг. Начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній и гг. Директорамъ народныхъ училищъ.

Учебнымъ Отд. Министерства Путей Сообщенія **РЕКОМЕНДОВАНЪ** въ техническія желѣзнодорожныя и въ начальныя общія желѣзнодорожныя училища.

Главн. Управл. Военно-учебныхъ заведеній журналъ **ДОПУЩЕНЪ** въ ротныя бібліотеки воен. училищъ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при святѣйшемъ Синодѣ **ДОПУЩЕНЪ** къ выпискѣ въ бібліотеки второклассныхъ и церковно-уч. школъ

Вступая въ **6-й ГОДЪ** существования „Свѣточъ и Дневникъ Писателя“ остается вѣрныя задачи: укрѣплять сознание гражданскаго долга, отстаивать начала здоровой свободной жизни на завѣтахъ вѣчной правды и красоты. На нашемъ знамени начертано: **Знание и Широкий осмысленный патриотизмъ**. Давая читателямъ интересное, разнообразное и полезное журналъ нашелъ сочувствие какъ въ кругахъ широкой публики, такъ и среди выдающихся общественныхъ дѣятелей и педагоговъ. Онъ привлекъ и внимание молодежи, желающей трудиться на благо родины, выполняя свой гражданскій долгъ передъ родиной. Увеличивая съ каждымъ годомъ объемъ лучшей его съ вѣншей стороны и въ смыслѣ содержания,—мы въ **1912** году обратимъ внимание сокращая старыхъ отдѣловъ, на отображеніе, **перомъ и карандашомъ**, русской и иностранной жизни. Также въ обзорѣнн журналистики будетъ отмѣчено все, какъ стоящее одобрения, такъ и требующее возраженія. Въ отдѣлѣ **На помощь Семьѣ и Школѣ** печататься „Бесѣды врача“. Такимъ образомъ въ **1912** году „Свѣточъ и Дневникъ Писателя“ имѣтъ слѣд. отдѣлы:

- I. **ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ**. (Стихи, романы, повѣсти, рассказы и проч. Статьи по вопросамъ науки, искусства, литературы и политики, этнографическіе очерки, историческіе очерки, рассказы.)
- II. **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ**. (1. Критическія статьи о писателяхъ и выдающихся произвѣніяхъ литературы. 2. Книжное обозрѣніе (разборъ книгъ). 3. Журнальное обозрѣніе (изъ журналовъ свѣтскихъ и духовныхъ). 4. На поляхъ книгъ, газетъ и журналовъ.)
- III. **ИЗЪ РАЗНЫХЪ КРАЕВЪ**. (Письма изъ Петербурга и разныхъ мѣстъ Россіи, а также изъ-за границы—нашихъ корреспондентовъ, Московскія письма. Что пишутъ другимъ.)
- IV. **ПО ВЕСЯМЪ и ГРАДАМЪ**. (Обозр. русск. жизни. Отъ шки.)
- V. **ЗАРУБЕЖНЫЕ НАБРОСКИ**. (Обозрѣніе заграничной жизни преимущественно обществ. бытового характера, но со включеніемъ и **фактовъ** политической жизни.)
- VI. **НА ПОМОЩЬ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ**. (Въ области школьнаго и семейнаго воспитанія.—По совѣты изъ обл. медицины, гигиены и житейскаго опыта.—Списокъ полезныхъ книгъ.)
- VII. **ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО**.
- VIII. **ОБО ВСЕМЪ**. (Интересное въ жизни и печати—дома и на чужбинѣ: отображеніе жизни и карандашомъ.)
- IX. **ИСКРЫ**. (Сатира и юморъ.—Беллетристика, стихи, фельетоны.—Карриатуры.)
- X. **СО СТОРОНЫ**. (Шолемика и голоса изъ публики.)
- XI. **НАУЧНЫЯ ЗАМѢТКИ**. (Научн. новости, біографіи ученыхъ дѣятелей и пр.)
- XII. **ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ** (Бесѣды по текущимъ вопросамъ и вообще по вопросамъ жизни, литературы и политики.)
- XIII. **СМѢСЬ**.
- XIV. **НОТЫ**.
- XV. **КРАСНЫЯ СЛОВА**
- XVI. **ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ**.
- XVII. **ПРИЛОЖЕНІЯ**
- XVIII. **ОБЪЯВЛЕНІЯ**

Журналъ выходитъ въ 1-й половинѣ кажд. мѣсяца, при чемъ 1 за май—юнь и июль—августъ слитными книжками.

По примѣру прежнихъ лѣтъ въ журналъ будутъ помещаться **ИЛЛЮСТРАЦИИ НА ОТДѢЛНЫХЪ ЛИСТАХЪ И ВЪ ТЕКСТЪ**. Число иллюстрацій **ПОСТОЯННО УВЕЛИЧИВАЕТСЯ**

Въ 1912 году всѣ подписчики, внесшіе 4 руб., получаютъ:

12 №№ иллюстрированнаго журнала „СВѢТОЧЪ и ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

5 №№ иллюстриров. журнала „МАЛЕНЬКАГО СВѢТОЧА“—чтеніе для дѣтей. Каждый № будетъ заключать въ себѣ или одно вполне законченное произведеніе или собраніе нѣсколькихъ разсказовъ и статей.

1 книгу „ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ“ (Текстъ и иллюстраціи.)

1 книгу — о. М. А. Пеньковскаго: „НАШЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО НА БѢЛУЮ ГОРУ И ВЪ САРОВЪ“ (Очерки съ иллюстраціями.)

1 вып. „ЦВѢТОЧНОЕ КРУЖЕВО“. (Новая серия легендъ о цвѣтахъ.) М. В. Лысковскаго.

Давая—какъ премии—книги Пеньковскаго и Лысковскаго, мы отвѣчаемъ на запросы читателей, которыми были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ: соч. о. Пеньковскаго «Подъ небомъ Палестины», данное нами въ числѣ премій 1909 г. и «Цвѣточное Кружево», (вып. 1-й, одна изъ премій на 1911 годъ). По поводу этихъ легендъ мы получили массу восторженныхъ писемъ и просьбы продолжить печатаніе легендъ—«Цвѣточное Кружево». Новые очерки о. Пеньковскаго несомнѣнно встрѣтятъ со стороны члѣнъ сочувственный пріемъ, такъ какъ они написаны съ присущей автору сердечной теплотой и живостью и—производятъ сильное впечатлѣніе. Новый выпускъ «Цвѣточнаго Кружева» не уступитъ первому по яркости картинъ, образности языка и по исключительному умѣнью автора именно проникнуть въ сказочную душу цвѣтовъ.

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ 1912 г., высылающіе деньги сразу за 1912 и 1911 года платятъ за **ОБА ГОДА** вмѣсто 8 руб. всего только 7 руб. Подписавшіеся на 1912 г., и **СРАЗУ** же выпис. старые года журнала пользуются уступкой по 75 к. съ цѣны каждаго стараго года (за исключеніемъ 1907 года, на который уступки нѣтъ). См. стр. 4-ю.

Мы не будемъ перечислять всѣхъ статей, имѣющихся въ редакціонномъ портфельѣ, но назовемъ только нѣкоторые изъ нихъ:

1) МУДРЫЕ и НЕРАЗУМНЫЕ—романъ А. В. Круглова. 2) ВЪ ОТКРЫТОМЪ ГРОБУ — повѣсть А. Н. Догановичъ. 3) Новые очерки изъ серіи **БИБЛЕЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ**—А. Н. Никитиной. 4) **ДРАГОЦѢННЫЙ РУБИНЪ** (сказка для взрослыхъ)—А. Н. Догановичъ. 5) **ДЕШЕВЫЯ СЛЕЗЫ**—повѣсть А. В. Круглова. 6) **ПЕРЕЖИТОЕ**—лит.-жит. воспом. Его же. 7) **СТАРЦЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ** (Совгородъ, Киевъ, Москва, и др.) рядъ историческихъ очерковъ, написанныхъ въ формѣ живого дождств. разсказа—М. В. Лысковскаго. 8) **ДРЕВНЕЕ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ** (новыя мифологическія преданія)—Его же. 9) **РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ДУХОВНАГО БЫТА**—Р. И. Смирнова 10) **ВЛЮБЛЕННЫЙ ПЕТЕРЬ**—пов. Е. С. Станевичъ. 11) **ДОМЪ У ВОДЫ**. 12) **ПРЕЖНІЕ ЦВѢТЫ**. 13) **ОСЕНЬЮ**—разсказы А. С. В. 14) **ОЧЕРКИ ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА** 15) **ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БАБУШКИ**—А. С. В. 16) **БАЙКАЛЬ**—П. А. Россіева. 17) М. Н. Ляпуновъ и К. Х. фонъ Ландсбергъ—оч. М. Г. Сулимы. 18) **РУССКАЯ КУЛЬТУРА ВЪ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ**—С. М. Власьева. 19) **ОЧЕРКИ БАЛЫМСКАГО КРАЯ**—М. Г. Сулимы. 20) **Л. Н. ТРЕФОЛЕВЪ и ЕГО ПОЭЗІЯ**—В. Л. Маякова. 21) **СТАТЬИ ОБЪ ИСКУССТВѢ и МУЗЕЯХЪ**—Л. Д. Гончаревскаго и Б. И. Михельсона. 22) **ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ ПРОШЛОМЪ**—иллюстрированныя очерки И. И. Вологодскаго. 23) **ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ**—А. Ф. Басова 24) **СТАРАЯ ЛЮБОВЬ НЕ РЖАВѢЕТЪ**—повѣсть В. С. Воржинецкаго.

Въ каждомъ №-рѣ **БЕСѢДА** А. В. Круглова. Въ 1912 году въ журналѣ будетъ напечатано нѣмало писемъ литературн. и обществен. дѣятелей, подъ назв. **ГОЛОСА ОТОШЕДШИХЪ**.

Въ журналѣ принимали, принимаютъ и будутъ принимать участіе кромѣ А. В. Круглова и Н. Кругловой-Догановичъ, слѣд. ученые, писатели и художники: Н. А. Акимовъ, П. А. Аксаявъ, Л. Д. Александровъ, свящ. Н. Р. Антоновъ, Л. Н. Афанасьевъ, Н. Н. Бариновъ (Энбелъ), И. Барина (Е. И. Свѣтова), проф. А. Ф. Басовъ, д-ръ физ. фин. М. В. Безобразова, С. В. Веклемишевъ, С. М. Битюковъ, М. С. Бѣлкинъ, П. И. Бѣляевъ, Л. Н. Бѣльковичъ, проф. х. академикъ Д. И. Введенскій, С. В. Витимскій, С. М. Власьевъ, И. И. Вологодскій, И. Н. Греншниковъ, К. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаревскій, Н. А. Гребенкой, В. А. Грень, свящ. А. М. Держанинъ, В. С. Добржинецкій, А. П. Доброхотовъ, М. А. Дорманъ, Т. В. Дэнъ, А. В. Жиркевичъ, И. Житницкій, О. В. Иванова, В. Я. Ивановъ-Енотаевскій, П. К. Ивановъ (Ива), Н. П. Ивнистая, Б. В. Каховскій, Н. В. Каховскій, В. В. Коробковъ, Л. А. Коцевольская, Е. Н. Клегова, Н. Г. Конаржевскій, А. А. Коринфскій, М. А. Козыревъ, А. А. Красовская, проф. п. академикъ Н. Д. Кузнецовъ, Р. П. Кумовъ, В. П. Лебедевъ, К. С. Лебедевъ, Е. Н. Ловецкій, Н. Лосевъ, М. В. Лысковскій, А. А. Маккъ, В. Л. Маяковъ, А. В. Малаевъ, К. П. Медвѣдкій, свящ. М. И. Менстровъ, П. П. Мироносицкій, Б. И. Михельсонъ, Н. А. Мучникъ, докторъ еднц., В. К. Недзвецкій, А. Н. Никитина, Н. Н. Оглоблинъ, М. И. Орѣшниковъ, Д. И. Павловъ, І. Н. Петровскій, свящ. М. И. Пеньковскій, И. В. Половъ-Пермскій, Е. Н. Поселянинъ, Д. М. Ратгаузъ, П. А. Россиевъ, И. В. Рошинъ, В. Ф. Рыжковъ, В. Г. Рязанцевъ, А. И. Рукина-Кудугъ, Л. А. Самарина, И. В. Скородумовъ, В. А. Скрипицынъ, А. В. Скрипицынъ, (Скрипичъ), К. И. Смирновъ, Р. И. Смирновъ, В. В. Соколовскій, Н. П. Столпянскій, М. Г. Сулима, заслуженный профес. И. Т. Тарасовъ, проф. А. А. Тихомировъ, С. Т. Тураганъ, С. Н. Хазовъ, Л. С. Чернышевская, Ф. И. Черновъ, А. А. Чумакъ, С. Н. Шубинскій, И. П. Ювачевъ, П. Ф. Яковлевъ и

Подписная цѣна на годъ 4 руб.

съ доставкой и пересылкой по Имперіи.

Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ, и 2 р. къ 1-му марта.

Разсрочные пользуются всѣми правами годовыхъ, внесшихъ сразу 4 руб.

ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

За границу 6 руб. 50 коп. за годъ.

Выписывающіе сразу 10 экз., 11-й получаютъ бесплатно; т.-е. не одинъ изъ десятка, а 1 прибавку къ десяти экземплярамъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго д. гр. Олсуфьевой, во всѣхъ книжн. магазинахъ и въ почтово-телеграфныхъ учрежденияхъ.

Журналъ за старые годы (въ огран. кол.) по слѣдующей цѣнѣ

	Въ конторѣ.	Въ Москвѣ съ дост.	По Европ. Россіи съ л
За 1907 г.	3 р. — к.	3 р. 25 к.	3 р. 45
За 1908 г. (съ приложен. 48-ми Дневничковъ).	3 „ — „	3 „ 50 „	3 „ 85
За 1909 г. безъ премій, по съ безпл. прил. Подъ небомъ Палестины э. М. Пеньковского.	3 „ 60	4 „ —	4 „ 45
За 1910 годъ	3 „ 60	4 „ —	4 „ 45

Въ Сибирь цѣна какъ въ конторѣ, съ уплатой за пересылку въ разстоянію.

Редакторъ-издатель А. В. Кругловъ.

СВѢТОЧЪ

И

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

иллюстрированный литературно-научный

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ВСѢХЪ

ПОДЪ РЕДАКШЕЙ

А. В. Круглова.

Годъ V.

Ноябрь.

1911 г.

**Редакция СВѢТОЧА и ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ:
Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго, д. гр. Олсуфьевой**

„СВѢТОЧЪ и ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа
РЕКОМЕНДОВАНЫ гг. Начальникамъ среднихъ
учебныхъ заведеній и гг. Директорамъ народ-
ныхъ училищъ.

Главн. Управл. Военно-Учебн. заведеній жур-
наль ДОПУЩ. въ ротныя библіотеки воен. училищъ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Свя-
тѣйшемъ Синодѣ ДОПУЩЕНЪ къ выпискѣ въ би-
бліотеки второклассныхъ и церковно-уч. школь.

Учебнымъ Отд. Мин. Пут. Сообщенія РЕКО-
МЕНДОВАНЫ въ техническія желѣзнодорожныя
и въ начальныя общія желѣзнодорож. училища.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1911 г.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„СВѢТОЧЪ и ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“.

Со всѣми приложениями годовая подпис-
ная цѣна 4 руб.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго
д. гр. Олсуфьевой.

Телефонъ редакціи и конторы 83-00.

Редакторъ-издатель *А. В. Кругловъ.*

Памятникъ
ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II
въ Кіевѣ.

Памятникъ
СВ. КНЯГИНѢ ОЛЬГѢ
въ Кіевѣ.

ДВѢ МУЗЫ.

сенний день печально умиралъ,—
Уже во мракъ даль тонула...
Каминъ лѣниво догоралъ...
Мнѣ было грустно. Вдругъ пахнуло
Весны живительнымъ тепломъ,
Мелькнули милыя видѣнья,
Напомнивъ сердцу о быломъ.
Борьба и жизнь! Имъ нѣтъ разъединенья!
А я судьбою обреченъ
На прозябаніе и сонъ;
Когда душа полна борьбою,
Нельзя быть зрителемъ борьбы!
„Не проклинай своей судьбы,
Не оскверняй уста хулою!“
Вдругъ тихо голосъ прозвучалъ,
Исполненъ ласки и надежды.
Знакомый голосъ я узналъ,
Узналъ знакомыя одежды.
— Откуда ты? Зачѣмъ пришла?
Охваченный внезапной злостью,
Воскликнулъ я, встрѣчая гостью:—
— Я погибалъ... Гдѣ ты была,
Когда я звалъ тебя, рыдая?
Зачѣмъ скрывалася, когда я
Въ тебѣ спасенія искалъ,

Измученный житейской битвой?
 „Но ты спасалъ себя молитвой—
 И ею духъ свой окрылялъ“, —
 Мнѣ кротко отвѣчала Муза: —
 „Порвать стариннаго союза
 Не мнила я; но, какъ сестра,
 Хотѣла я тебѣ добра:
 Я не могла твоихъ мученій
 Не раздѣлять, но знала я,
 Что жаждала душа твоя
 Иныхъ цѣлебныхъ пѣснопѣній.
 Въ тѣ дни ты былъ не одинокъ:
 Внимая моему моленью,
 Другая Муза легкой тѣнью
 Въ твой проникала уголокъ.
 Ее не зная и не видя,
 Ея мечты ты полюбилъ
 И,—вмѣстѣ съ нею ненавидя
 Все то, чѣмъ прежде дорожилъ, —
 Ты перенесъ твои мученья
 Съ душой, открытой для небесъ,
 И для иного пѣснопѣнья
 И для иной борьбы воскресъ.
 О, знаю я: еще, быть можетъ,
 Души измученной покой
 Воспоминанія тревожатъ,
 И ты, съ невольною тоской,
 Въ порывѣ страстномъ простираешь
 Свои объятія ко мнѣ —
 И хочешь пѣсенъ о веснѣ,
 И о веснѣ опять мечтаешь.
 Но эта смутная печаль —
 Души мгновенное страданье:
 Тебѣ весны минувшей жаль,
 Но чуждо жгучее желанье;
 Ты вспоминаешь обо мнѣ
 Какъ о любви давно изжитой,
 Какъ о далекомъ сладкомъ снѣ,
 Иль какъ о повѣсти забытой.
 Я не виню... И я пришла

Въ твой уголокъ съ тобой проститься;
 Я та же все, что и была,
 Я не могу перемѣниться.
 Я буду вспоминать, любя,
 Дни добровольнаго союза;
 Но я чужая для тебя,
 Тебѣ близка другая Муза.
 Теперь она уже твою
 На ладъ иной настроить лиру,
 И пѣсню новую свою
 Пѣть будешь новому жумиру.
 Но, можетъ быть, еще и въ ней
 Порой, въ часы сердечной муки,
 Послышатся минувшихъ дней
 Незаглушаемые звуки...
 Но знай, что этотъ звукъ струны —
 Не пѣсня радости кипучей,
 А отголосокъ лишь весны,
 Всегда для памяти живучей!
 И чѣмъ все дальше — крѣпче ты
 Сроднишься съ новою мечтою
 И назовешь земли цвѣты
 Пустой и тлѣнной красотой!

А. Кругловъ.

1903 г.

пройдетъ весна... Наступитъ мигъ,
Когда замрутъ любви волненья,
И лишь душевныя мученья
Съ тобой останутся. Старикъ,
Съ разбитымъ сердцемъ, дряхлый тѣломъ,
И одинокій въ мѣрѣ цѣломъ, —
Чѣмъ будешь ты дышать и жить,
Кого любить?..

Пока еще весна — объ этомъ
Подумай ты. Неложный свѣтъ
Зажги въ душѣ, чтобъ позднихъ лѣтъ
Остатокъ животворнымъ свѣтомъ
Согрѣть, и чтобъ въ послѣдній мигъ
Ты могъ — уже больной старикъ —
Сказать: и въ эти дни ненастья

Я знаю счастье.

Не въ блескѣ — жизнь. Ищи не въ немъ
Себѣ и радость и усладу...
Тепло и свѣтлую отраду
Умѣй найти въ себѣ самомъ;
Но отъ людей не отрекайся,
Отъ нихъ въ стѣнахъ не замыкайся,
И въ жизнь, въ которой свѣта нѣтъ,
Вноси твой свѣтъ!

А. Кругловъ.

У СВѢЖЕЙ МОГИЛЫ.

(Памяти Надежды Ивановны Ацеровой.)

Молодою, прекрасною ты умерла,
Какъ видѣнье межъ насъ по зем-
лѣ ты прошла.

Ты мечтала о счастья, о свѣт-
лой любви,
А недугъ, какъ пожаръ, разго-
рался въ крови.

Вѣря въ силы свои, вышла ты
на борьбу,
Чтобы счастье добыть, побѣ-
ждая судьбу.

И погибла, какъ гибнетъ цвѣ-
токъ полевой
Подъ блестящимъ серпомъ, подъ
звенящей косой.

Разгорается шире и шире во-
стокъ,
Но для ласки лучей не проснет-
ся цвѣтокъ;

Жизнь, какъ море, шумить;
жизнь призыва полна,—
А въ могилѣ твоей тишина...
тишина!

А. Кругловъ.

СЪ ПОПУТНЫМЪ ВѢТРОМЪ.

Романъ изъ недавно-минувшаго.

XXII *).

орогая Маргарита Петровна, а я къ вамъ со свѣжей новостью!— прозвенѣлъ серебристый голосокъ Замятиной, которая входила въ гостиную Шинулиной.

— Vous avez toujours les dernieres nouvelles, ma chere,—ласково встрѣтила ее хозяйка и въ то же время подумала про себя:— „О, да какая же ты провинциальная кумушка-сплетница!“

Она указала гостѣ мѣсто возлѣ себя на диванѣ.

— Я вѣдь къ вамъ на минутку, тороплюсь къ своей портнихѣ и завернула только мимоходомъ.

— Что же такое?—поинтересовалась хозяйка.

— Представьте себѣ: теперь все объяснилось, почему Надя отказала Свирскому. Я такъ и думала, что не спроста, а сегодня и подтвердилось. Захожу утромъ спровѣдать Раису Федоровну, а она мнѣ и говорить, что Плужниковъ предложение сдѣлалъ дочери.

— Плужниковъ?—переспросила Маргарита Петровна дрогнувшимъ голосомъ.

*) См. октябрь, стр. 36.

Марина Денисовна впиалась въ нее глазами, любуясь произведеннымъ впечатлѣниемъ.

Въ душѣ Маргариты Петровны вспыхнуло негодование, но она быстро овладѣла собою.

— Плужниковъ, говорите вы?—повторила она вопросъ совсѣмъ уже инымъ тономъ.

— Да, да, онъ. Соболина рассказывала, что пріѣхалъ къ нимъ вчера и сдѣлалъ оффиціальное предложеніе.

— Что же старуха?

— Да Раиса Ѳедоровна сначала отвѣтила уклончиво, потому что не такого жениха хотѣла она для дочери... Позвала Надю, полагала, что та сама ему откажетъ, а дочь прямо сказала ей, что мы, молъ, любимъ другъ друга и просимъ вашего благословенія. Какъ ни было тяжело старухѣ, однако она дала согласіе и благословила ихъ. Что подѣлаешь! Нынче дѣвушки-то сами себя просватываютъ.

— Когда же свадьба?—перебила нетерпѣливо хозяйка.

— Это еще не рѣшено; а обручене ужъ было...

— Гдѣ же предполагаютъ жить молодые?—черезъ силу задавала вопросы Шипулина.

— Въ Москвѣ!

— Почему вы такъ предполагаете?

— Да это мнѣ все Раиса Ѳедоровна сообщила: Донатъ-то Павловичъ отъ московскаго дяди письмо получилъ: тотъ зоветъ его къ себѣ въ компаніоны. Они вмѣстѣ хотятъ пансіонъ держать. Сами и учить дѣтей будутъ и барыши дѣлить пополамъ. Должно быть, это очень выгодно, потому что Плужниковъ, говорятъ, не наладуется этому письму. Онъ давно надумалъ и все просилъ къ дядѣ въ долю. Старикъ-то не рѣшался долго, а теперь и согласился.

— А какъ же Надя?

— Да что же... вѣроятно, и ей какое-нибудь дѣло найдется.

Шипулина сидѣла со стѣсненнымъ сердцемъ, съ острою болью въ груди, едва имѣя силы превозмогать страданія. Хотя она и предвидѣла возможность этого, но все же не ожидала его такъ скоро. Послѣ злополучнаго письма Плужниковъ снова пересталъ бывать у нихъ, но ее все еще не покидала надежда. Въ душѣ она не переставала лелѣять сладкую мечту побѣдить холодность Доната и вернуть его

къ себѣ. И вдругъ все разомъ рушилось! Она не могла примириться съ этимъ. Маргарита Петровна машинально отвѣчала на бойкую болтовню гости и была несказанно рада, когда та поднялась наконецъ и уѣхала.

Оставшись одна, Шипулина поспѣшила въ свою комнату, отдавши приказаніе прислугѣ больше никого не принимать. Здѣсь она заперлась на ключъ и приблизилась къ рабочему столу. Маленькимъ ключикомъ она отперла потайной ящичекъ и достала оттуда жиденскую пачку писемъ и нѣсколько карточекъ Плужникова. Она разложила ихъ на столѣ и горько поникла надъ ними головою. Это было все, что осталось ей отъ промелькнувшей молодости. Какъ эгоистично родители распорядились ея судьбою! Они сами желали богатства и воспитали жажду его въ дочери. Старикамъ почти не пришлось воспользоваться имъ, такъ какъ оба вскорѣ умерли. А ей оно къ чему теперь, когда вырвано ея сердце? Къ чему?

Могла ли она предполагать, что богатство дастъ ей такъ мало? Она даже не получила необходимаго покоя. Ея самолюбіе постоянно страдало. Одна эта несносная Замятина способна отравить ей жизнь разными намеками. Развѣ Шипулина уже и такъ не чувствовала всей тяжести того, что связала свою судьбу съ десятипудовымъ Кузьмою Силычемъ изъ простыхъ мужиковъ, который къ тому же временами запиваетъ. И она должна все это переносить!.. Развѣ она могла полюбить его? За десять лѣтъ супружеской жизни она даже не привязалась къ нему. Она совершенно равнодушна и къ своимъ дѣтямъ только потому, что дѣвочки похожи на отца. Если бы она любила ихъ, онѣ скрасили бы, наполнили бы ея обездоленное существованіе!

Маргарита Петровна поставила передъ собою три карточки Доната. На первой Плужниковъ былъ снятъ еще совѣмъ молодымъ человѣкомъ съ коротко-остриженными волосами и маленькими усиками. Эта карточка хуже всѣхъ, но Маргарита Петровна съ особенной любовью остановила на ней долги взоръ: съ такимъ Донатомъ она познакомилась впервые. На второй карточкѣ онъ блисталъ красотою молодости и расцвѣтомъ перваго чувства, подъ влияніемъ котораго былъ начертанъ на оборотѣ фотографии нѣжный автографъ. Да, тогда онъ искренно любилъ ее и они могли быть

счастливы! Послѣдняя карточка была самой позднѣйшей снимки. Шипулина тайно утащила ее изъ альбома Ладжиной. Плужниковъ самъ бы не далъ ей. Во второй разъ сторонится онъ отъ нея. О, это несчастное письмо! Лучше бы она совсѣмъ не писала его! Но что же ей было дѣлать, когда сердце разрывалось отъ боли? Вѣдь кромѣ него она не любила болѣе никого на свѣтѣ! Онъ взялъ у нея всю душу. Онъ, одинъ онъ у нея на умѣ во всѣ эти долгие годы ея добровольной каторги. Какъ она берегла его немногя письма. Въ нихъ не заключалось ничего особеннаго: это просто коротенькия, незначительныя записочки. Но какъ дороги ей эти листки! Сколько слезъ пролила она надъ ними. Она все время жила надеждой и не чувствовала пронесившихся надъ нею лѣтъ. Могла бы, пожалуй, быть и счастливою... Но развѣ мыслимо это съ такимъ прямолинейнымъ упрямцемъ? Онъ до щепетильности чистъ и честенъ.

Истерзанная нравственно, съ истрадавшимся сердцемъ, она рѣшилась наконецъ на крайнюю мѣру: въ письмѣ она умоляла Доната сжалиться надъ нею во имя прошлаго чувства и притти къ ней для объясненій въ послѣдний разъ. Она все повѣдала бы ему! И тогда пускай онъ разиль бы ее... Хватило ли бы у него на это силы...

Но онъ не захотѣлъ даже выслушать ее.

— Кушать подано,—доложила черезъ двери горничная.

Шипулина не сразу поняла ее.

— А? что? кто тамъ? Что нужно?

Дѣвушка повторила.

— Скажи, чтобы обѣдали безъ меня. У меня болитъ голова,—отозвалась Шипулина.

Шаги за дверью удалились.

Маргарита Петровна бросилась на кушетку и неподвижно пролежала до вечера. Она не вышла также и къ ужину, велѣвъ только подать себѣ огня, послѣ чего снова заперла дверь. Бронзовые часы на каминѣ пробили полночь, когда Маргарита Петровна встала наконецъ съ измѣнившимся лицомъ; оно сразу будто похудѣло и осунулось, подъ глазами легли тѣни, губы плотно сомкнулись, глаза зловѣще сверкнули. Какъ бы толкаемая невѣдомой силой, она осмотрѣлась кругомъ и прошла по своимъ наряднымъ комнатамъ. Она оглядѣла ихъ съ такимъ чувствомъ, какъ бы видѣла ихъ

впервые. За будуаромъ слѣдовала не менѣе роскошная спальня съ широкой золоченой кроватью, подъ полосатымъ атласнымъ балдахиномъ. На вычурныхъ столикахъ помѣщались не менѣе вычурные подсвѣчники.

— И вся эта мишура отняла его у меня,—прошептала она.

Сердце ея не билось, а какъ-то судорожно сжималось въ груди, причиняя острую физическую боль.

— Къ чему мнѣ теперь все это? на что тряпки!—со злобою она дернула за бархатную портьеру:—къ чему все золото, весь ненужный блескъ, пустяя украшения!

Она съ ненавистью сдернула со своего атласнаго халата воланъ изъ дорогихъ брюссельскихъ кружевъ и, скомкавъ въ рукѣ безформенный воздушный комокъ, далеко отшвырнула его отъ себя. Затѣмъ сорвала съ себя и драгоценную брошку, осыпанную брилліантами—последній подарокъ мужа; бросивъ ее на полъ, Шипулина принялась въ изступленіи топтать ее ногами.

— Ничего, ничего не нужно мнѣ, если это оттолкнуло его, если ради этого я навсегда утратила его,—шептала она, скрежеща зубами:—проклятіе всему!

Брилліанты, выскакивая изъ своихъ гнѣздъ, раскатились въ разныя стороны; золото сплющилось въ блинокъ. Но мстительное чувство не улеглось въ душѣ Маргариты Петровны, ей хотѣлось сорвать все также со стѣнъ и подвергнуть той же участи: подымавшееся бѣшенство клокотало у нея въ груди. Она простояла нѣсколько минутъ, дико озираясь по сторонамъ, походя на безумную. Потомъ ея лицо вдругъ приняло жалкое выраженіе, душой овладѣло отчаяніе.

„На что надѣяться? все кончено... Свѣтъ погасъ, нѣтъ больше жизни!“

Трепетъ пробѣжалъ у нея по тѣлу. Она разбитой походкой приблизилась къ шифоньеркѣ, достала порошокъ мышьяка, спокойно всыпала его въ стаканъ и, наливъ воды, залпомъ выпила. Потомъ прошла въ спальню и легла на кровать...

Черезъ нѣсколько минутъ проходившая по корридору Маша услышала стоны тетки. Дѣвушка прислушалась, попыталась проникнуть въ дверь, но та оказалась запертой. Тогда Маша обѣжала другимъ ходомъ черезъ кабинетъ дяди, подняла тревогу и застала тетку метавшейся въ конвуль-

сяхъ на постели. Маша отправила дядю за докторомъ. Перепуганный мужъ снарядился въ нѣсколько минутъ съ необычайнымъ для него проворствомъ. Звягинцева позвала къ теткѣ сестру и горничную, а сама бросилась искать причину болѣзни Маргариты Петровны. Все стало тотчасъ же ей ясно, едва она увидѣла на столѣ карточки и письма Плужникова. Она поспѣшно собрала ихъ и заперла въ ящикъ стола, потомъ подняла и спрятала въ карманъ растоптанную брошь.

Это неожиданное открытіе сильно удивило дѣвушку; хотя она и слышала раньше толки о романѣ тетки, но не придавала имъ значенія, относясь недовѣрчиво къ людской молвѣ. Теперь эти толки подверждались. Случай сильно взволновалъ Машу, но она не потеряла присутствія духа и потому тщательно старалась скрыть слѣды самоубиства тетки. Ей сдѣлалось глубоко жаль несчастной женщины, которой она все простила за ея страданія.

Приведя въ порядокъ будуаръ, Маша отправилась въ спальню. Тетка лежала на постели и стонала.

Явился Ладыжинъ. Наскоро кивнувъ всѣмъ головою, онъ остановился у постели, устремивъ на больную пристальный взглядъ.

— Что вы приняли?—прямо спросилъ онъ у Шипулиной при видѣ ясныхъ симптомовъ отравы и взялъ коробочку, стоявшую на ночномъ столикѣ. Но въ ней былъ морѣи, который Маргарита Петровна принимала отъ бессонницы.

— Говорите же: что приняли?—строго повторилъ онъ.

— Мышьякъ.. по ошибкѣ...—простонала больная, побѣжденная невыносимыми страданіями.

Шипулинъ едва удержался на ногахъ отъ признанія жены. Катя и Маша подхватили его подъ руки и отвели на диванъ. Кузьма Силычъ началъ беспомощно рыдать.

Ладыжинъ, не теряя времени, позаботился о противоядїи, пославъ прислугу надoitъ царного молока.

Въ эту ночь никто не спалъ въ домѣ Шипулиныхъ. Лишь къ утру, когда Маргарита Петровна была спасена, всѣ утомленные, но успокоенные, разбрелись по своимъ угламъ, за исключеніемъ Маши, которая осталась охранять покой тетки.

XXIII.

Маргарита Петровна не скоро оправилась отъ болѣзни. За это время Шипулина успѣла оцѣнить достоинства племянницы и полюбила ее. Къ концу вербной недѣли Шипулина встала съ постели и болѣне не нуждалась въ попеченіяхъ дѣвушки.

Маша опять перебралась изъ голубого будуара въ свою маленькую и невзрачную комнатку съ голыми стѣнами, оклеенными темными обоями. Но этотъ скромный уголокъ былъ дорогъ ей. Она столько здѣсь пережила и передумала, что, наконецъ, сроднилась даже съ его стѣнами и не промѣняла бы своей каморки на щегольской голубой будуаръ.

Маша окинула вокругъ дружелюбнымъ взоромъ. Все было въ порядкѣ и чисто прибрано: постель затянута пикейнымъ одѣяломъ, швейная машинка на столѣ прикрыта деревяннымъ колнакомъ, съ книжной полки стерта пыль; письменныя принадлежности на особомъ столикѣ также приведены въ порядокъ.

„Это, навѣрное, Катя хозяйничала тутъ“, съ улыбкою подумала она и отворила дверь въ смежную комнату, походившую на ея собственную.

Сестра сидѣла, согнувшись надъ книгою, погруженная въ занятія, такъ какъ время близилось къ выпускному экзамену.

Она обернулась на скрипъ двери и улыбнулась Машѣ.

Та подошла и поцѣловала ее въ голову.

— Зубришь? А лампа-то у тебя коптитъ.

Дѣвушка привернула огонь. Въ тонѣ, которымъ она говорила съ сестрой, звучало нѣжное покровительство.

— Ахъ, какъ я рада, что тетя поправилась, — воскликнула Катя.

— А что? — спросила сестра, присаживаясь къ столу.

— Ахъ, какое горе было бы для всѣхъ: Ляля и Вава остались бы сиротками, а дядя сошелъ бы съ ума. Подумать страшно! Я не выдержала бы экзаменовъ...

Маша улыбнулась на картину, созданную фантазіей сестры.

— Такъ бы непременно все и случилось?

— Разумѣется! Я каждый день просила Бога, чтобы тетя поправилась.

— Ну, вотъ она и выздоровѣла; теперь ты не провалишься на экзаменѣ?

— Нѣтъ, какъ можно!

— Я мѣшаю тебѣ заниматься?

Маша сдѣлала движеніе, чтобы встать, но Катя не пустила ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, я уже почти все кончила, посиди со мной! Я хочу спросить у тебя...

Она обвила руками шею Маши и прижалась къ ней щекой.

Лицо ея приняло жалобное и въ то же время серьезное выраженіе.

— Что такое?— встревожилась старшая сестра.

— Правда ли говорятъ, что тетя нарочно отравилась!— спросила младшая таинственнымъ шопотомъ.

Маша нахмурилась.

— Кто говорить?

— Наши люди.

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Маша остановила любовный взоръ на невинномъ лицѣ сестры. Ей стало жаль вливать ядъ въ чистое сердце, спугнуть ея розовыя мечты...

— Не слушай ихъ, это вздоръ,— твердо произнесла она и поцѣловала Катю въ лобъ.

— Такъ это не правда?— живо воскликнула дѣвушка, отстраняя голову и впиваясь въ Машу глазами:— О, какъ я рада, какъ рада этому.

Она въ восторгѣ кинулась цѣловать сестру.

— Задушишь, пусти!— отмахивалась та.

— Нѣтъ, нѣтъ, я еще хочу сказать тебѣ...

Но теперь по ея лицу нельзя было ожидать ничего страшнаго. И Маша весело сказала:

— Говори же!

Катя, слегка запыхавшаяся, опустила на свой стулъ.

— Я хотѣла посовѣтоваться съ тобой, одобришь ли ты мою мысль... Видишь ли, я хочу послѣ гимназии отправиться на высше курсы.

— Въ добрый часъ!

— Нѣтъ еще не все: окончивъ ихъ, сюда вернуться

и самой заняться воспитаніемъ двоюродныхъ сестренокъ. А то гувернантки ихъ только портятъ.

— Что жъ, хвалю, прекрасно! Препятствіи со стороны тетки не будетъ, въ этомъ я увѣрена...

— Какъ я рада, что ты одобрила мой планъ.

Въ это время часы въ столовой пробили одиннадцать.

Маша встала, простилась съ сестрой и удалилась въ свою комнату.

Дѣвушка чувствовала себя утомленной и разбитой, но не столько физически, сколько нравственно.

Не раздѣваясь, она бросилась въ постель и съ наслажденіемъ потянулась.

Простая лампа скудно освѣщала комнату.

Спать Машѣ не хотѣлось и она лежала съ открытыми глазами. Думы осадили голову. Припомнилась ей жизнь въ родительскомъ домѣ, вѣчная нужда, болѣзнь матери, пьянство отца. Ничего не было отраднаго позади, и только любовь матери скрашивала бѣдственное существованіе малютокъ. Затѣмъ ей представились похороны отца и матери, умершихъ вскорѣ одинъ за другимъ. Дѣвочки неутѣшно плакали только по матери; отца въ гробу онѣ боялись. Ихъ нарядили въ черныя платья.

Затѣмъ наступило для нихъ время ученья. Не легко жилось имъ въ домѣ дяди; онѣ чувствовали свою отчужденность и потому сильнѣе привязались другъ къ другу, несмотря на значительную разницу лѣтъ. Катя росла слабымъ ребенкомъ, больше страдала отъ обидъ и несправедливостей тетки, и Маша всегда утѣшала и поддерживала сестру. Оттого она привыкла относиться къ ней покровительственно. Съ окончаніемъ гимназій Катя становилась уже самостоятельной и не нуждалась болѣе въ опекѣ сестры. Маша была спокойна за нее, и не ей въ тайнѣ души она хотѣла посвятить свою жизнь. Но тотъ, о комъ она постоянно думала и мечтала, вѣроятно, даже и не догадывался объ ея чувствѣ къ нему. Онъ блеснулъ яркимъ лучомъ на ея жизненномъ пути и скрылся. Но свѣтъ, зароненный въ душу дѣвушки, остался въ ней навсегда. Какъ это случилось, она не могла себѣ дать отчета. Они сидѣли однажды съ Плужниковымъ на берегу Леденки и спорили о любви. Донатъ признавалъ за этимъ чувствомъ нѣкоторую

долю эгоизма, дѣвушка же совершенно отрицала возможность послѣдняго.

— Изъ васъ выйдетъ хорошая жена, — улыбаясь замѣтилъ учитель: но вы избалуете мужа, онъ станетъ требовательнѣе чѣмъ слѣдуетъ, равновѣсїе въ отношенїяхъ нарушится.

— Если это будетъ ему нравиться... что жъ! Я полагаю, при чувствѣ нетрудно отказаться отъ своей воли.

— Развѣ это всегда легко сдѣлать?

— Нѣтъ, я не скажу, чтобы было легко, но я думаю, что меня не остановили бы жертвы, если бы въ нихъ была необходимость, — тихо, но твердо произнесла дѣвушка.

Плужниковъ съ минуту пристально смотрѣлъ на нее. Потомъ легкимъ вздохъ поколебаль его грудь, и онъ съ чувствомъ сказалъ:

— Хорошая вы, счастливъ будетъ вашъ избранникъ, только...

— Что вы остановились? Продолжайте!

— Только съ такимъ золотымъ сердцемъ люди рѣдко бываютъ счастливы. Дай Богъ, чтобы вы не принадлежали къ ихъ числу.

Эта сцена врѣзалась въ память Маши.

Потомъ она часто припоминала слова Плужникова, оказавшіяся для нея пророческими. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть тягостнѣе нераздѣленнаго чувства любви? Безъ вѣдома дѣвушки оно закралось въ ея сердце и овладѣло имъ... Донать даже не подозрѣвалъ о немъ. Но послѣднее время онъ вдругъ почему-то отстранился отъ дѣвушки, хотя она, кажется, ничѣмъ не выдала своего чувства. Ненависть скрыть легче, чѣмъ любовь. Можетъ быть онъ догадался и, не находя въ душѣ отвѣта, отстранился отъ нея. Для Маши это осталось загадкой. Разстались, однако, они вполне дружески и, при встрѣчахъ въ городѣ, онъ явно обнаруживалъ къ ней симпатю.

Маша не могла понять истины до самаго его сватовства къ Надѣ. Теперь уже нельзя было болѣе обманываться насчетъ его чувства къ ней: то было единственно только дружеское расположение. Ей пришлось примириться со своей участью. Запросы молодого сердца остались неудовлетворенными. А оно такъ трепетно билось въ груди и жаждало

взаимнаго чувства. Потеря надежды наполнило его скорбью, какъ и у тетки, только страданіе вылилось у нея въ иную форму. У Маргариты Петровны оно привело къ мрачному отчаянію, которое повлекло къ роковымъ послѣдствіямъ; у Маши оно просилось наружу, открылось для состраданія и любви ко всѣмъ людямъ. Сама, испытывая боль, она прониклась желаніемъ облегчить страданія другимъ, утѣшить ихъ скорбь... Мысли ея приняли возвышенный характеръ. Ей захотѣлось, чтобы онъ проникся къ ней уваженіемъ и вспоминалъ ее не иначе какъ съ хорошимъ и свѣтлымъ чувствомъ. Его мнѣніе было ей дорого... Она желала ему счастья отъ всей души, но стремилась удержать себя только нѣкоторую долю вниманія. Чѣмъ можно этого достигнуть? Что слѣдовало дѣлать — она не знала. А дѣлать ей что-нибудь было необходимо, того требовало состояніе ея духа.

Этотъ вопросъ гвоздемъ засѣлъ у нея въ головѣ. Тревожное состояніе владѣло ею вплоть до разсвѣта. Мучимая неотвязными думами, Маша нѣсколько разъ вставала съ постели, принимаясь ходить по комнатѣ. Сердце ея болѣло, кровь стучала въ виски. Дѣвушкѣ стало душно... Лампа догорала, огонь ея боролся съ утреннимъ разсвѣтомъ. Маша погасила лампу. Приблизясь къ окну, она стала смотрѣть. Видъ изъ него открывался на разстилавшееся внизу холма предмѣстье — Слободку, застроенную невзрачными домиками, среди которыхъ выдѣлялось зданіе больницы. При сѣромъ освѣщеніи начинавшася дня видъ этой Слободки былъ особенно убогъ и жалокъ. Маша знала, какая ютится тамъ непокрытая нищета. Она жила среди этихъ бѣдняковъ вмѣстѣ съ покойными родителями. У нея была тамъ босоногая подруга Дунька, вѣчно возившаяся съ болѣзненнымъ братишкой — Ванькой. Втроемъ они часто бѣгали на старовѣрческое кладбище играть въ камушки и рвать цвѣты. Однажды Ванька порѣзалъ чѣмъ-то ногу и расплакался. Дунька, желая унять кровь, прикладывала къ ранѣ листики растенія. Но это не помогало, и Ванька ревѣлъ все сильнѣе. Тогда Маша крѣпко завязала ему ногу своимъ носовымъ платкомъ, и кровь унялась. Они благополучно добрались домой.

Этотъ маленьки болѣзненный Ванька въ воображеніи дѣвушки выросъ въ большого Ивана, такого же безпомощ-

наго въ недугѣ, какъ и ея бывшии знакомецъ. И она теперь часто видитъ въ свое окно, какъ десятки этихъ страждущихъ Ивановъ стремятся въ больницу за врачебной помощью. При этой больницѣ недавно открылись шестинедѣльные курсы для сестеръ милосердія въ виду надвигающагося съ юга грознаго врага — холеры. Бѣдный темный *Иванъ* совѣтъ не подготовленъ къ борьбѣ со страшнымъ бичомъ и при появлении его окажется слабѣ малаго ребенка. На помощь къ нему должна явиться интеллигенція. Вотъ гдѣ ея настоящее дѣло! Незачѣмъ придумывать себѣ искусственныя задачи, когда сама жизнь выдвигаетъ на очередь насущные вопросы дня. Не даромъ же встрепенулось земство и дѣятельно готовится къ встрѣчѣ страшной гостии. Да, вотъ широкое поприще для приложенія къ дѣлу всѣхъ силъ и способностей!

Этотъ планъ возникъ и созрѣлъ въ умѣ Маши. Онъ отвѣчалъ ея душевному настрою. Медлить было нечего, и дѣвушка отбросила всѣ колебанія.

Едва дождавшись утра, Маша одѣлась и вышла изъ дома, направившись къ больницѣ.

Она вернулась домой къ завтраку.

На вопросъ тетки:

— Куда ты ходила?

Дѣвушка просто отвѣтила:

— Въ больницу, записалась на курсы сестеръ милосердія.

XXIV.

Въ Вербное воскресенье Надя встала ранѣе обыкновеннаго, чтобы пойти съ матерью въ церковь.

Раиса Ѳеодоровна уже кончала пить чай.

Поздоровавшись съ матерью и няней, Надя выпила наскоро свой чай съ кускомъ булки и направилась въ переднюю одѣваться.

Степановна помогала своей старой барынѣ. Она приготовила турецкую шаль и атласный мѣшочекъ съ поминальной книжечкой. Затѣмъ подала лисью шубу и кунью муфту.

Раиса Ѳеодоровна отдала кое-какія хозяйственныя распоряженія и вышла съ дочерью на улицу.

Погода стояла прекрасная, солнце ярко свѣтило и въ воздухѣ уже начинало пахнуть весною.

На углу одной улицы Соболины были остановлены похоронной процессией. Впереди шло нѣсколько человекъ въ черныхъ поддевахъ съ повязанными черезъ плечо полотенцами. Многие изъ нихъ несли въ рукахъ образа. За ними несли на плечахъ некрашенный простой гробъ, позади котораго, въ толпѣ народа, слѣдовалъ Яковъ Замятинъ. Всѣ шли такъ скоро, что чуть не бѣжали.

— Старика Замятина хоронять,— произнесла Надя, слышавшая о его смерти.

Мать ея перекрестилась.

— Упокой, Господи, душу усопшаго раба Симеона.

— Вишь, несутся старовѣры сломя голову, будто на пожаръ!— слышалось замѣчане въ толпѣ зрителей.

— Они всегда такъ,— отвѣтила чуйка.

— Отчего умеръ-то онъ?— спросилъ лавочникъ.

— Отъ старости,— отозвалась та же чуйка.

— Это и безъ тебя знаютъ!

— Видно не зналъ. Съ чего же иначе помирать-то ему? Денегъ много, не житье было, а масляница!..

Лавочникъ съ досадою пожалъ плечами и отошелъ.

Появилась карета. Въ ней сидѣла Замятинъ, одѣтая въ кокетливый трауръ, который очень шелъ къ ней.

— Вонъ она молодуха-то какая довольная, — сказала жена сапожника: — богатство-то все ей съ мужемъ достанется.

Она проводила карету завистливымъ взоромъ.

— Протреть она глаза отцовскимъ денежкамъ! — отвѣтила ей сосѣдка; — старикъ-то изъ бѣдности вышелъ, по копеечкѣ свое богатство собиралъ, а она съ Яшенькой не подорожить его трудами.

— Гдѣ ужъ тамъ!.. Все въ трубу спустятъ!

— Не таковские,— вмѣшалась чуйка:— то же цѣну деньгамъ знаютъ!

Въ большихъ саняхъ поѣхала Архарова, окруженная своими приживалками.

— Не любила покойника, а вотъ поѣхала же... видно приближене своего конца чувствуетъ,— сказала лавочница.

Миновало еще нѣсколько саней съ купеческой публикой.

Затѣмъ рысью пронесся въ легкихъ бѣгункахъ Шипулинъ.

— Всѣхъ обгоняетъ, на кладбище спѣшитъ встрѣтить тамъ своего благопріятеля, — пояснилъ старикъ своей со-сѣдкѣ: — сколько годовъ вмѣстѣ хлѣбъ-соль водили.

— Сказываютъ, что всѣмъ своимъ приказчикамъ онъ по тысячѣ оставилъ, — произнесла женщина.

— Не знаю... не на всѣхъ ли тысячу оставилъ.

Проползли еще нѣсколько пустыхъ сажей, пока дорога, наконецъ, очистилась, и Соболины могли перейти улицу. Онѣ повернули за уголъ и вконецъ достигли Собора, наполненнаго молящимися. Соболины не захотѣли пробираться впередъ сквозь тѣсную толпу и остановились у колонны близъ свѣчнаго ящика... Отсюда было плохо видно, зато удобно молиться.

Трогательныя слова пѣснопѣній, торжественныя пѣнны, прекрасное исполненіе большого соборнаго хора разомъ овладѣли вниманіемъ и создали настроеніе.

Соболинымъ былъ хорошо виденъ образъ Богоматери съ Младенцемъ на рукахъ. Освѣщенный благостный Ликъ выступалъ изъ рамы какъ живой. Кроткія очи Пречистой сияли любовью и милосердіемъ.

Въ душу Нади проникло умиленіе. Дѣвушка горячо молилась о ниспосланиі ей счастья въ семейной жизни, молилась о Донатѣ, о матери, о сестрѣ и всѣхъ людяхъ-братьяхъ, которыхъ она такъ любила въ эту минуту, что готова была бы всѣхъ обнять отъ избытка чувства.

Раиса Феодоровна также усердно молилась о счастья любимой дочери.

„Твоя отъ Твоихъ, Тебѣ приносяща, о всѣхъ и за вся!“ — раздавался голосъ священника.

Дѣвушка опустила на колѣни и положила земной поклонъ.

„Тебѣ поемъ... Тебѣ благодаримъ“... — пѣлъ хоръ.

Надя благодарила Бога отъ всего сердца за ниспосланныя ей милости. Ей казалось, что ничего лучшаго она и не ожидала отъ жизни, больше ничего не хотѣла, чувствуя себя вполне счастливою. И она не находила словъ для выраженія благодарности. Такъ горячо она еще никогда не молилась.

Служба кончилась.

Надя возвращалась домой въ радостномъ настроеніи.

Раиса Θεодоровна была очень довольна счастливымъ выраженіемъ лица дочери и радовалась, что не поставила препятствій на пути къ ея счастью.

XXV.

Вѣнчаніе Нади состоялось на Красной Горкѣ, въ ихъ приходскомъ Знаменскомъ храмѣ.

Дѣвушка пріѣхала въ церковь въ сопровожденіи своего шафера—Канецкаго, Аполлинари и знакомаго мальчика съ образомъ.

Хоръ встрѣтилъ ее концертомъ „Гряди, голубице!“

Она, дѣйствительно, напоминала собою чистую голубку: въ бѣломъ платьѣ, съ кружевной фатой на пышныхъ свѣтлыхъ волосахъ, украшенныхъ вѣткою померанцевыхъ цвѣтовъ. Поблѣднѣвшая отъ внутренняго волненія передъ важностью момента, Надя медленно вступила въ храмъ подъ руку съ Канецкимъ, какъ прекрасное мраморное изваяніе.

Церковь уже была полна народа, среди котораго находились и приглашенные.

Лицо встрѣтившаго ее жениха тоже было блѣдно, и только ярко горѣли на немъ отъ возбужденія темные глаза.

Народъ разступился, пропуская брачующихся и подхлѣдившихъ къ нимъ здороваться гостей.

Донатъ Павловичъ вмѣстѣ съ невѣстой приблизились къ аналою.

За ними послѣдовали и шафера—Канецкии съ Ладыжиннымъ.

Близъ аналая былъ посланъ на полу кусокъ розоваго атласа.

Дѣвушка вспомнила наставленія няньки вступить первою на этотъ атласъ. Но ей сдѣлалось стыдно, и краска залила ей щеки. Ей показалось недостойнымъ такое соревнованіе въ храмѣ въ столь торжественную минуту въ своей жизни.

Священникъ соединилъ ихъ руки и поставилъ обоихъ на коверъ. Надя нарочно промедлила немного и вступила на атласъ уже послѣ жениха.

Молилась она очень усердно, сознавая, что съ этой минуты рѣшается вопросъ всей ея жизни.

Донатъ стоялъ сосредоточенный и серьезный, проникшись святостію совершавшагося. Изрѣдка и съ благоговѣніемъ осѣнялъ онъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Надя нѣсколько разъ скользнула по немъ бѣглымъ взглядомъ. У нея явилась увѣренность, что она будетъ счастлива съ своимъ избранникомъ. И она принялась горячо благодарить Бога за дарованную ей судьбу.

Запѣли „Исаія ликуй“, и брачившихся повели вокругъ аналоя.

Канецкій высоко держалъ вѣнецъ, боясь смять прическу невѣсты. Викторъ же опустил вѣнецъ на голову шурина и придерживалъ лишь для видимости.

Надя взглянула на Аполлинарію. Та занялась интереснымъ разговоромъ со знакомымъ учителемъ гимназіи и словно забыла про сестру.

Шемаева съ Зазулиной молились. Катя Звягинцева, раскраснѣвшаяся отъ волненія, не спускала глазъ съ невѣсты.

Сестры ея не было, такъ какъ она недавно уѣхала работать на эпидемію.

Марья Павловна не могла долго стоять и, удалившись къ свѣчному ящику, опустила въ возлѣ него на скамью.

Обрядъ кончился.

Отслужили молебенъ.

Плужниковъ едва прикоснулся къ губамъ новобрачной.

Начались поздравленія.

Аполлинарія молча поцѣловала сестру. Она все еще не могла примириться съ выборомъ Нади.

Подруги, наоборотъ, расточали ей искреннія поздравленія и поцѣлуи. Но больше всѣхъ радовалась Катя, шумно выражавшая свой восторгъ.

Марья Павловна заключила поочередно въ крѣпкія объятія брата, а потомъ невѣстку.

— Поздравляю васъ, мои родные, — съ чувствомъ говорила она: — теперь вы оба мнѣ одинаково дороги!

Канецкій разсыпался въ витѣватыхъ пожеланіяхъ.

Ладыжинъ по-студенчески потряхнулъ руку Надѣ и лаконично произнесъ:

— Поздравляю!

Съ Донатомъ онъ молча облобызался по родственному.

Всѣ вышли изъ церкви.

Надя очутилась въ каретѣ наединѣ съ мужемъ.

Ей сдѣлалось страшно. Глаза ихъ встрѣтились. Глубокое чувство отразилось во взорѣ Плужникова. Онъ свѣтло улыбнулся молодой женѣ. Она слегка склонила голову къ нему на плечо. Онъ долженъ отнынѣ служить опорой ей въ жизни.

Донатъ понялъ смыслъ этого инстинктивнаго движенія жены. Онъ взялъ ея руку и, поднося ее къ губамъ, съ чувствомъ произнесъ:

— Не бойся, дорогая! Тебѣ принадлежитъ моя жизнь.

Надя подняла голову и посмотрѣла на мужа нѣжнымъ взоромъ, преисполненнымъ глубокой благодарности. Ей понравилась его сдержанность.

Лицо мужа выражало чувство благородной гордости.

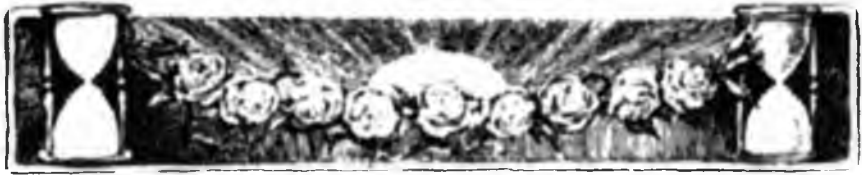
Надя поняла, что его слова не пустыя фразы. Онъ дѣйствительно готовъ на то, что говорить.

Сомнѣнія оставили ее. Миръ и свѣтъ проникли въ ея душу. Она вдругъ отчетливо сознала, что сердце ея навсегда принадлежитъ избраннику. То была сладкая минута увѣренности.

Тамара Дэнъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ВСТРѢЧА.

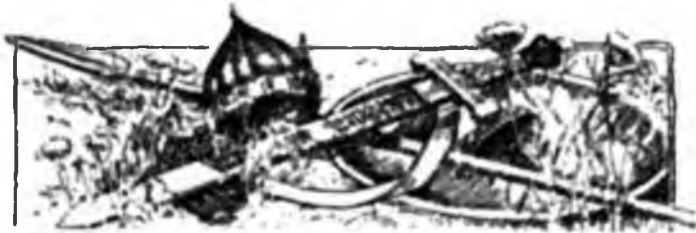
Мы опять одни, какъ прежде,
Въ полумглѣ мерцають свѣчи;
Въ той же ты простой одеждѣ,
Какъ тогда — въ былыя встрѣчи.

Все какъ было. Только взгляды,
Только рѣчи холоднѣе..
Иль свиданью мы не рады?
Иль душою мы старѣе?

Но одно для насъ не тайна,
Какъ бы это ни скрывали:
Повстрѣчались мы случайно,
Разойдемся безъ печали.

А. В—чь.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ МУКДЕНСКИХЪ БОЕВЪ.

(Воспоминанія.)

IV *).

асовъ до четырехъ ночи все было спокойно. Все замерло. Тотъ, кто могъ спать — спалъ, а кто долженъ былъ бодрствовать — тотъ не смыкалъ глазъ. И вдругъ въ этой морозной тишинѣ послышался одиночный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Так-ку, так-ку—и загрохотала сразу сильная перестрѣлка.

Такъ на пожарѣ, пока пламя не находитъ удобосгораемаго матеріала, оно дѣйствуетъ какъ-то вяло и нерѣшительно и, кажется, что вѣтъ-вотъ оно задохнется въ облакахъ чернаго дыма и погаснетъ. Кое-гдѣ мелькнетъ красный языкъ, лизнетъ онъ по клубамъ чернаго и сраднаго дыма и потомъ исчезнетъ, а черезъ секунду снова въ другомъ мѣстѣ мелькнетъ такой же языкъ, и онъ такъ же исчезнетъ, какъ бы не будучи въ силахъ побѣдить окружающія его тяжелыя и срадные дымныя облака. Но вотъ пламя находитъ себѣ настоящую пищу; вдругъ начинается сильный трескъ; уже не отдѣльные и робкіе языки лижутъ тогда черныя клубы дыма, а изъ его мрачной среды сразу взлетаетъ вверхъ огромный горячій снопъ пламени; дымъ какъ бы пугается и улетучивается, и вмѣсто него летитъ вверхъ, страшно шумя и разсыпая искрами, огненный ураганъ, противъ котораго, кажется, нѣтъ такой силы, которая могла бы справиться съ его бѣшенымъ порывомъ. Такъ было и здѣсь. Пламя нашло себѣ пищу и вмѣсто одиночныхъ робкихъ огненныхъ языковъ зашумѣлъ и заревѣлъ необъятный огненный ураганъ,—могучій и несокрушимый. Р-р-р-р... неслись непрерывные звуки, и снова казалось, что тысячи людей начали раздирать куски прочной ткани. Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ-бумъ, вторили имъ пушки и, казалось, что кто-то необъятно громадный и сильный бьетъ въ

*) См. октябрь, стр. 20.

огромный, достигающій до самаго неба, барабанъ. Ж-ж-ж... сердито ворчали въ морозномъ воздухѣ шимозы и шрапнели, какъ бы негодуя на то, что изъ въ темень и въ холодъ посылаютъ неизвѣстно куда. Шѣли на разные голоса пули свои заунывные пѣсни, звонко чмокаясь съ глиняными стѣнками. А-а-а... слышались впереди вопли тысячи людей, идущихъ на вѣрную смерть.

И въ этомъ крикѣ, который собою все покрывала и который собственно и былъ центромъ всѣхъ этихъ разнородныхъ звуковъ, было такъ много скорби и тоски. Въ немъ не слышалось тѣхъ задорныхъ нотокъ, которыя мы привыкли слышать на маневрахъ, когда идутъ въ атаку также тысячи людей, но идутъ не для того, чтобы или побѣдить или умереть, а для того, чтобы произвести только извѣстный эффектъ и порадовать этимъ наблюдающее начальство. Это не была перекатывающаяся съ одного конца огромнаго поля на другой его конецъ мощная волна звука, вылетающаго изъ тысячъ человѣческихъ глотокъ, которыя воинственнымъ крикомъ и воплемъ приветствуютъ на парадномъ полѣ любимаго вожда, или обожаемаго монарха,—идтъ, но это тоже была волна,—страшная и стремительная волна, которая не ревѣла, а скорѣе стонала,—болѣзненно, жутко стонала, посылая къ небу свою послѣднюю мольбу, а къ міру—свой послѣдній прощальный привѣтъ.

Кто слышалъ этотъ стихійный вопль на военномъ полѣ, вопль полный отчаянія и скорби, и кто сумѣлъ уловить его потрясающую гармонию, у того сердце должно было сжаться въ груди, а душа просилась вонъ — на свободу, желая улетѣть куда-нибудь далеко, далеко въ это синее высокое небо, которое только одно можетъ быть прибѣжищемъ отъ всѣхъ человѣческихъ мукъ, слезъ и страданій.

— Атака идетъ,—снова говорили солдаты, и снова лица ихъ были блѣдны, слышались глубокие вздохи, руки творили крестныя знамена, а губы тихо шептали: „Господи, помоги, Царь небесный, милостивый“!

Шла дѣйствительно ужасная бѣшеная атака на редуть, атака, въ которой японцы еще разъ доказали свою безпредѣльную доблесть, свой пылъ и энергію и свою свяую и высокую любовь къ родинѣ, ради которой они шли теперь впередъ на вѣрную смерть. Но и русскіе во время этой атаки, а равно и всѣхъ бывшихъ раньше, тоже доказали свою непоколебимую стойкость, свою рѣшимость умереть, а не уступить. Здѣсь оба народа одинаково состязались въ доблести, и грѣхъ приметъ на душу тотъ, кто осмѣлится бросить комкомъ грязи въ наши войска, которыя всегда стойко держались и выдерживали напоръ бѣшеной волны неприятельскихъ легионовъ,—держались съ молитвой на устахъ о помощи свыше и отступали съ болью въ сердцахъ только тогда, когда имъ это приказывали.

Нужно было быть самому во всѣхъ этихъ: Сандепу, Чжань-Тань, Хенаняхъ, Чжантаняхъ, Янсытуняхъ и Мукденахъ,—нужно было быть тамъ не въ качествѣ руководителя, наблюдающаго издали за боемъ и не видѣвшаго, что въ это время творится въ самомъ горнилѣ этого боя — въ цѣли и ея ближайшихъ резервахъ—для того, чтобы понять все и для того, чтобы послѣ этого оцѣнить съ психологической точки зрѣнія все то, что творится на боевомъ полѣ. И языкъ не повертывается тогда, чтобы

порипать этихъ бѣдныхъ, замученныхъ людей въ сѣрыхъ солдатскихъ и офицерскихъ шинеляхъ.

И невольно, послѣ этихъ ужасныхъ часовъ, пережитыхъ здѣсь среди пира смерти, чувствуется порывъ души къ Богу: „Господи“, стонетъ душа въ смертельной тоскѣ. „Ты далъ этимъ людямъ горькія чаши и воззри—развѣ не пьютъ они изъ чашъ Твоихъ по велѣнію Твоему;—воззри и разсуди ихъ Твоимъ праведнымъ судомъ, ибо судъ человѣческій не разсудитъ ихъ по правдѣ“.

Въ ротахъ, которыя были у пруда, конечно, сразу, по усиленной канонадѣ, почувствовали, что будетъ атака.

Тѣ, которые спали, быстро пробудились, и теперь это уже не были сонные и неповоротливые люди, а всѣ съ полнымъ напряженіемъ смотрѣли впередъ, стараясь разглядѣть въ ночномъ сумракѣ надвигающагося врага. Доблестные офицеры: поручикъ М. и подпоручикъ Я, бывшіе при этихъ ротахъ, старались успокоить людей и, ходя по фронту, говорили: смотри, ребята, не торопись стрѣлять: безтолковая стрѣльба только ободритъ непріятеля.

Но вотъ въ ночной темнотѣ начали показываться отдѣльные силуэты людей, которые, нагнувшись, перебѣгали впередъ и впередъ, скрываясь быстро за складами мѣстности и, затѣмъ также быстро, снова поднимаясь и перебѣгая.

Люди начали волноваться; задвигались суетливо затворы, и люди готовы были начать беспорядочную пачечную стрѣльбу.

— Слушай моей команды,—раздался тихій, покойный, но внушительный голосъ поручика М., и люди моментально насторожились.

— Вынь патроны!—продолжалъ командовать поручикъ.

Затворы снова защелкали.

— Съ колѣна, безъ патроновъ!—командовалъ офицеръ.

И люди примѣрно прикладывались и спускали ударники, какъ при стрѣльбѣ залпами. Порядокъ былъ восстановленъ, и рота была въ рукахъ молодца опытнаго ротнаго командира, который здѣсь, въ столь тяжелую минуту ожиданія, сумѣлъ взять ввѣренную ему часть въ руки черезъ посредство простого и не хитростнаго приема.

Между тѣмъ за одиночно перебѣгающими людьми показалась огромная черная масса, которая съ шумомъ, какъ тяжелая свинцовая туча, двигалась съ неудержимымъ порывомъ впередъ. А-а-а-а, застонала эта масса и покатила въпередъ съ еще большимъ порывомъ и стремительностью.

— Съ патрономъ!—теперь уже громко и энергично командовалъ поручикъ М.

И одинъ за другимъ загрохотали стройные и дружные залпы.

А-а-а-а, стонала несущаяся впередъ лавина. Тр ра, тр-ра, тр-ра, гремѣли въ отвѣтъ залпы за залпомъ.

Изъ редута также открыли огонь, и оттуда неслись тѣ же потрясающіе воздухъ: тр-ра, тр-ра, тр-ра, въ перемѣшку съ непрерывнымъ бѣглымъ огнемъ.

Но лавина катилась и катилась впередъ. Вотъ уже одиночные люди забрались въ наружный ровъ редута, но ихъ было не болѣе тридцати человѣкъ, и они новидимому растерялись и не знали, что имъ дѣ-

латъ дальше: идти впередъ—значило погибнуть, отступление тоже несло за собою неминуемую смерть.

Японцы атаквали колоннами, стараясь нанести ударъ въ правый фасъ редута, потому что съ этой стороны шагахъ въ 300 отъ него было много могильныхъ холмовъ, за которыми и можно было укрыться и устроиться.

Въ то время, когда шла эта бѣшеная атака, къ нашему командиру полка прибѣжалъ изъ редута солдатъ и доложилъ, что ихъ командиръ раненъ, почти всѣ офицеры перебиты и переранены и что люди остались безъ начальства. Имя этого солдата такъ до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ, а равно и то,—прибѣжалъ ли онъ съ докладомъ по собственной волѣ, или же былъ посланъ начальствомъ.

Командиръ полка сейчасъ же послалъ ординарца къ начальнику дивизии съ докладомъ о всемъ этомъ, а также и о томъ, что онъ отправился въ редутъ—принять начальство надъ его гарнизономъ.

Мы шли подъ убійственнымъ огнемъ, но слава Богу благополучно достигли до ближайшихъ окрестностей редута. Начало уже свѣтать, когда мы были здѣсь. Навстрѣчу намъ несли носилки съ ранеными; пронесли и раненаго въ редутѣ командира полка; многие раненые плелись сами, не обращая уже вниманія на огонь.

Атака японцевъ была отбита, и только нѣсколько десятковъ смѣлчаконъ, забравшихся въ наружный ровъ, сидѣли въ немъ, не зная что дѣлать; видны были торчавше оттуда ихъ острые штыки-ножи. Остальные частью полегли, устѣявъ своими трупами всю мѣстность передъ правымъ фасомъ редута, частью же засѣли за могилками и оттуда били на выборъ мѣткимъ огнемъ защитниковъ редута.

Намъ нужно было перебѣжать подъ этимъ огнемъ совершенно открытую площадку между послѣдними постройками и стѣнками деревни и редутомъ; здѣсь былъ устроенъ крытый ходъ въ видѣ глубокой извилистой канавы, но теперь ходъ этотъ былъ биткомъ набитъ солдатами, которые перестрѣливались съ японцами, залегшими за могилками. Тутъ же валялись убитые и раненые. Пройти по этому ходу было невысказанно, и мы побѣжали напрямикъ. Пули свистѣли мимо ушей непрерывно, и японцы видимо старались не допустить никого изъ насъ до редута, но какимъ-то чудомъ ни одна изъ пуль никого изъ насъ не задѣла. Мы достигли до входа въ редутъ, и здѣсь поперекъ дороги, помню, валялся трупъ убитаго солдата, черезъ который мы перешагнули и очутились во внутреннихъ рвахъ редута. Картина здѣсь была ужасная: блиндажъ для раненыхъ былъ переполненъ; большинство изъ нихъ лежало молча, но нѣкоторые тяжело и глухо стонали; одинъ же, раненый въ голову и видимо потерявши сознание, кричалъ во все горло, издавая какіе-то нечеловѣческіе звуки,—что-то въ родѣ 'ла-ла-ла; онъ вопилъ такъ громко, что его было слышно во всѣхъ концахъ редута, и нигуда нельзя было скрыться отъ этого страшнаго вопля. До наступленія темноты раненый этотъ былъ живъ, и его нельзя было вынести потому, что японцы цѣлый день держали насъ подъ страшнымъ огнемъ, и всѣ попытки вынести раненыхъ кончались смертью или ранениемъ санитаровъ. Множество убитыхъ валялось во рвахъ редута, и черезъ эти трупы живые люди ходили, какъ черезъ какия-то

полѣнья; не обращая вниманія на мертвецовъ, живые люди сидѣли тутъ же рядомъ съ ними и либо угрюмо молчали, либо изрѣдка перебрасывались между собою отрывочными словами. На банкетахъ стояли стрѣлки и перестрѣливались съ непріятелемъ, падая безпрестанно оттуда внизъ съ пробитыми черепами, шеями или грудью. Число раненыхъ и убитыхъ все увеличивалось и увеличивалось, и казалось, что скоро не будетъ уже мѣста, гдѣ бы можно было ходить, не перешагивая черезъ трупы.

Тяжелыя шестидюймовыя бомбы падали въ редутъ, и отъ ихъ могучихъ ударовъ сотрясались тяжелые бруствера и вздрагивала земля; шрапнели одна за другой рвались надъ редутомъ, и въ общемъ положеніе было скверное и тяжелое. Нужно было во что бы то ни стало удалить какъ-нибудь непріятеля, засѣвшаго за могилками; въ противномъ случаѣ за день они могли бы перебить у насъ много людей; ночью же столь близкое сосѣдство предприимчиваго противника, который могъ подвести сюда и пулеметы, было и еще того непріятнѣе. Солдаты и сами были заинтересованы этимъ вопросомъ, но ничего не могли придумать за невозможностью подойти скрытно къ непріятелю; всюду было ровное и открытое мѣсто, и площадку шаговъ въ триста шириною, отдѣляющую редутъ отъ могилокъ, приходилось перебѣгать подъ мѣткимъ огнемъ, который клалъ на мѣстѣ cadaго, кто рисковалъ на ней показаться.

И вдругъ мы увидѣли надъ могилками множество небольшихъ бѣлыхъ флажковъ, которыми японцы, не показываясь изъ-за могилъ, начали махать въ воздухѣ.

— Сдаешься что ли, ходя?— кричали солдаты, переставъ стрѣлять и высовывая голову надъ брустверомъ.

— Эй, сдавайся, пріятель,— кричали они: все одно — тутъ, „братъ“, ничего не подѣлаешь!

Флажки продолжали по-прежнему рѣять въ воздухѣ, но японцы не показывались.

— Не вылазь всѣ на брустверь-то, предупреждали людей офицеры; японецъ хитеръ.

И дѣйствительно, изъ-за могилокъ затрещали выстрѣлы, и нѣсколько окровавленныхъ людей упали въ ровъ; а флажки все попрежнему мотались въ воздухѣ. Люди озлились за такое предательство. Не любитъ русскій человекъ хитрости и коварства, а японецъ, кажется, склоненъ къ этимъ „добродѣтелямъ“ съ дѣтства.

— Погоди, ужъ наша возьметъ,— говорили со злобой люди;— выпремъ тебя, голубчика, штыкомъ, коли добрыхъ словъ не понимаешь.

Начальнику дивизіи была послана записка, въ которой просили его назначить какую-либо роту изъ деревни для того, чтобы выбить непріятеля изъ-за могилокъ. Вскорѣ въ редутъ пришелъ поручикъ С.— командиръ той роты, которая должна была произвести атаку на японцевъ. Лицо его было удивительно спокойное и, глядя на него, совсѣмъ нельзя было подумать, что вотъ пройдетъ нѣсколько минутъ и онъ уже простится съ жизнью. Говорять, что у тѣхъ, кому суждено быть убитымъ въ бою, всегда бываетъ тяжелое предчувствіе; быть можетъ, оно было и у С., но только онъ ничѣмъ не выдавалъ этого и былъ удивительно спокоенъ и хладнокровенъ. Онъ осмотрѣлъ мѣстность, не обращая никакого вниманія

на выстрѣлы изъ-за могилокъ, и рѣшили, что пойдетъ въ атаку со стороны деревни, такъ какъ отсюда удобнѣе подойти къ неприятелю. Изъ редута общана была полная поддержка атакующимъ.

С. ушелъ. Прошло полчаса, и ничего не было видно и слышно со стороны деревни. Японцы по-прежнему продолжали стрѣлять, махая въ воздухъ своими флачками, съ помощью которыхъ они вѣроятно подавали какие-либо сигналы своей артиллерии, которая не оставляла въ покоѣ нашего редута.

Вдругъ со стороны деревни раздалось громкое „ура!“, и видно было, какъ оттуда къ могилкамъ бѣжали наши солдаты, съ ружьями на перевѣсь. Изъ редута добрая половина людей также бросилась впередъ и ничѣмъ нельзя было удержать ихъ порыва. Часть японцевъ, человѣкъ около ста, не выдержала и бросилась бѣжать, но ихъ сейчасъ же догнали мѣткія пули изъ редута, и они какъ снопы падали на землю и устилали собою это и безъ того заваленное мертвецами поле. Но большая часть неприятельскихъ солдатъ осталась за могилками, рѣшивъ сдѣлаться съ нашими въ штыки. И дѣйствительно они сдѣлались. Замелькали въ воздухѣ приклады, и видно было, какъ они тяжело опускались и били по головамъ людей, послѣ чего эти люди, взмахнувъ руками, тяжело валились на землю; штыки вонзались въ человѣческое тѣло, и послѣ этого тѣло это также падало и корчилось на землѣ въ предсмертной агонии. Многие японские солдаты и здѣсь пускались на хитрость; какъ оказалось впоследствии, у многихъ изъ нихъ были ручныя гранатки, зажигающіяся съ помощью фитиля; японскій солдатъ, подпустивъ нашего шаговъ на 10—15, быстро чиркалъ фитилемъ этой гранаты подъ ногой своей шинели и затѣмъ бросалъ гранатку въ лицо бѣгущаго на него солдата; гранатка рвалась со страшнымъ трескомъ и обжигала на смерть наступающаго, ранила его и своими многочисленными жестяными осколками. Обороняющемуся также нерѣдко попадало отъ этого близкаго взрыва. Впоследствии на мѣстѣ боища было найдено нѣсколько нашихъ и японскихъ труповъ, совершенно изуродованныхъ, покрытыхъ какимъ-то желтоватымъ налетомъ и съ полупавшимися глазами; это все были жертвы ужаснаго дѣйствія ручныхъ гранатокъ.

Минуты двѣ продолжалась эта схватка, и ни одинъ японецъ не вернулся къ своимъ: всѣ легли на мѣстѣ и лишь только человѣкъ 20 было взято въ плѣнъ. Судьба тѣхъ храбрецовъ, которые сидѣли въ наружномъ рвѣ редута, была также очень печальна: они при первыхъ же крикахъ „ура!“ бросились бѣжать и конечно всѣ легли въ 20—30 шагахъ отъ редута.

Помию ужасную сцену: одинъ изъ этихъ солдатъ былъ подстрѣленъ почти въ тотъ моментъ, когда онъ выскочилъ изъ рва; пробѣжавъ нѣсколько десятковъ шаговъ и почувствовавъ, что онъ не въ силахъ больше бѣжать, началъ растерянно метаться въ разныя стороны.

— Не стрѣлай этого, не стрѣлай; вишь раненый, — кричали люди, но чья-то пуля ударила въ бѣднягу, и онъ, взмахнувъ вверхъ руками, какъ взмахиваетъ подстрѣленная птица крыльями, упалъ, уткнувшись лицомъ въ землю, и остался недвижимъ.

Бойня кончилась, и изъ-за могилокъ возвращались теперь наши сол-

даты. Многие изъ нихъ шли, размахивая руками, въ которыхъ они держали свои и японскія винтовки, и оживленно передавали другъ другу свои впечатлѣнія отъ штыковой свалки.

— Я его прикладомъ какъ вдарилъ, такъ онъ и упалъ, какъ снопъ,— говоритъ одинъ.

— А Семеновъ-то тронхъ штыкомъ запороть;— здоровъ парень: на третьемъ, говоритъ, штыкъ погнулся. Я къ нему энтю подбѣгъ, а онъ руки кверху,— прощенья сталь просить,— повѣстуетъ, проходя мимо, солдаты.

Многие солдаты вели подъ руки нашихъ и японскихъ раненыхъ. Вотъ ведетъ одинъ изъ нихъ японца, обхвативъ правой рукой его за талию. Японецъ раненъ въ ноги, а потому и не могъ итти и волочится за нашимъ, повиснувъ безпомощно у него на рукѣ.

— Стой, ходя ¹⁾, говоритъ солдатъ: не способно намъ такимъ-то манеромъ съ тобой на прогулкѣ ходить, годи маленько — приспособимся!— и солдатъ бережно кладетъ своего путника на землю, потомъ беретъ свою и его винтовку и приспособливаетъ ихъ у себя за плечомъ; сдѣлавъ это, онъ нагибается къ раненому, поднимаетъ его, и взявъ на руки, несетъ какъ мать носить своего ребенка. Раненый обхватываетъ шею солдата руками, и такъ они торжественно приходятъ въ редутъ, не обращая уже никакого вниманія на непрерывно рвущіяся шрапнели.

Много трогательныхъ, за душу хватающихъ сценъ пришлось увидѣть послѣ этой кровавой схватки и убѣдиться въ томъ, что солдатъ нашъ отличается добродушиемъ и незлобиемъ, что эти люди, которые за пять минутъ передъ этимъ раскраивали своими прикладами головы враговъ и вонзали въ ихъ груди свои острые штыки, совсѣмъ не были кровожадны и, какъ только кончилась бойня, они сейчасъ же снова стали людьми, способными на человѣколюбивые подвиги и чувства. Нужно было видѣть съ какою любовью эти люди ухаживали за японскими ранеными, которыхъ у насъ въ редутъ за этотъ день перебивало человѣкъ до 50, при чемъ большинство изъ нихъ были принесены сюда нашими же солдатами, а были и такіе, которые и сами ползли къ намъ въ надеждѣ на помощь въ ихъ тяжеломъ положеніи. Съ какою любовью и осторожностью грубыя солдатскія руки, грязныя и большею частью обогранныя кровью, распарывали и разстегивали амуницію и одежду у раненыхъ, какъ осторожно они накладывали на обнаженныя раны бинты и повязки, пуская въ дѣло свои перевязочные пакеты, какъ потомъ бережно укладывали раненыхъ враговъ на дно рва, подкладывая имъ подъ головы свои мѣшки и дѣлились съ ними своимъ послѣднимъ сухаремъ и кусочкомъ сахара. И все это дѣлалось безъ всякой рисовки, да и передъ кѣмъ же было рисоваться; просто: въ душѣ зазвучали ея лучшія струны и полились чудные и гармоничные аккорды гимна любви и жалости ко всѣму страждущему и несчастному.

Многие японцы были тронуты этой лаской; они видимо совершенно этого и не ожидали; улыбаясь и кланяясь, они благодарили, прося только, чтобы имъ дали ихнія пилюли, запасъ которыхъ имѣлся у каждаго въ ранцѣ. Пилюли эти — величиной съ горошину и издаютъ запахъ креозота:

¹⁾ Ходя — другъ.

вѣроятно, въ ихъ составъ входитъ какое-либо вещество, которое дѣлаетъ человѣка мало чувствительнымъ къ боли. Японцы съ жадностью глотали эти пилюли, предпочитая ихъ нашему сахару и сухарямъ. Только нѣкоторые японские солдаты были суровы и не обращали вниманія на ласковый уходъ за ними.

Помню двухъ такихъ унтеръ-офицеровъ: одинъ былъ худощавый, со строгимъ желтымъ и измученнымъ лицомъ; другой былъ коренастый и мускулистый парень, съ небольшими черными усами на круглой и типичной японской физиономии. Коренастый былъ тяжело раненъ въ руку — въ локтевой суставъ; пуля при выходѣ изъ руки вырвала у него большой кусокъ мяса и обнажила кость. Худощавый имѣлъ нѣсколько ранъ на рукахъ и ногахъ. Они угрюмо смотрѣли на нашихъ солдатъ, хлопотавшихъ надъ перевязками, отказывались отъ всего, что имъ предлагали, и глотали только пилюли. Все время они сурово молчали и на всѣ вопросы трясли только отрицательно головами. Когда имъ сдѣлали перевязку и уложили ихъ въ ровъ, то они покрылись съ головой своими плащами, какъ бы не желая видѣть тѣхъ людей, которые о нихъ заботились, и которыхъ они такъ безпредѣльно презирали и ненавидѣли.

Помню, былъ еще одинъ раненый, о которомъ не могу не упомянуть, потому что исторія ранения этого солдата была довольно оригинальна.

Когда атака на могилки была окончена и когда наши люди возвращались въ редутъ, неся свои трофеи, то я, помню, вдругъ увидѣлъ японскаго солдата, который медленно и хромая на одну ногу шелъ между нашими, но не въ сторону редута, а отъ него. Люди, переносившие раненыхъ, не обращали почему-то на него вниманія и проходили мимо; но вотъ этотъ японецъ поравнялся съ нашимъ солдатомъ, который возвращался въ редутъ одинъ. Когда они поравнялись другъ съ другомъ, то нашъ, флегматично посмотрѣвъ на японца, схватилъ его за рукавъ шинели, намѣреваясь забрать его въ плѣнъ; но японецъ быстро выскользнулъ изъ своей шинели и, какъ кошка, во всю прыгъ понесся въ сторону отъ нашихъ, прыгая съ необычайной ловкостью и скоростью по газоляновымъ грядкамъ. Очевидно, онъ не былъ раненъ и прибѣгивалъ таковымъ только для того, чтобы дойти какъ-нибудь до могилокъ, а оттуда какъ-нибудь скрытно добраться до своихъ.

— Держи, держи, — заоралъ нашъ, пускаясь въ погоню за бѣглецомъ, но сразу же стало замѣтно, что не въ нашей неуклюжей амуниции и не въ нашихъ тумбообразныхъ валенкахъ можно было пускаться въ это предпріятіе; разстояніе между нашимъ и японцемъ все увеличивалось и увеличивалось. Въ редутѣ поднялся гвалтъ. „А-ту его! — кричали солдаты: „пала-пали; пулей его с...“, слышались голоса, и выстрѣлы затрещали. Пули падали около бѣглеца, но онъ все бѣжалъ и бѣжалъ. Наконецъ, пробѣжавъ шаговъ 400 и, вѣроятно, утомившись, онъ пошелъ шагомъ. Нашъ отсталъ отъ него шаговъ на 100 и также шелъ, не оставляя надежды взять плѣнника. Двое другихъ нашихъ солдатъ побѣжали на помощь товарищу, а японецъ шелъ, оглядываясь временами назадъ.

— Эхъ, если и теперь промахнусь, — сказалъ кто-то возлѣ меня, — то больше и стрѣлять не буду!

Сказавшій долго цѣлился, наконецъ выпалилъ, и японецъ тяжело

повалился какъ разъ возлѣ самаго холмика, за который онъ рассчитывалъ укрыться. Трое нашихъ подбѣжали къ нему и хотѣли его взять, но раненый упирался, не желая подниматься съ земли. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ нашихъ приставилъ ему штыкъ къ груди, и это, видимо, подѣйствовало. Его повели и вскорѣ онъ, вися на рукахъ у нашихъ солдатъ, прибылъ въ редутъ. Это былъ молодой парень, съ неимпатичнымъ, звѣрскимъ лицомъ и съ блуждающими страшными глазами; онъ все время какъ-то глупо мычалъ, и что-то безумное было въ его взорѣ. Пуля перебила ему ногу. Его перевязали и уложили, но онъ, какъ бы въ бреду, не переставалъ бормотать самъ съ собою, и только когда одна изъ непріятельскихъ шпанелей очень удачно разорвалась надъ редутомъ, то онъ съ ехидной, злобной улыбкой, тихо произнесъ по-китайски: „шанго“ (хорошо), зная, вѣроятно, что это слово понятно каждому изъ насъ.

Все та же обстановка, тѣ же стоны и вопли, тѣ же окровавленные трупы, тотъ же огонь и визгъ шпанелей да громахання тяжелыхъ бомбъ, — все это было передъ глазами людей до наступления темноты. Подъ вечеръ пальба умолкла, и начали выносить раненыхъ, но носилокъ не хватало, и несчастнымъ долго приходилось ожидать своей очереди. Уже при полной темнотѣ вынесли наконецъ и того раненаго, который цѣлый день кричалъ не своимъ голосомъ. Онъ, когда его несли, продолжалъ издавать тѣ же непріятные звуки, и долго въ темнотѣ слышалось удаляющееся ла-ла-ла, похожее на собачій лай, — ужасное и безумное. Начали уносить и убитыхъ и складывать ихъ на площадкѣ за редутомъ. Прибрали и того солдата, который цѣлый день пролежалъ передъ входомъ въ редутъ, какъ бы закрывая его своимъ трупомъ. Убитыхъ тащили за шинели, и всѣ они казались необычайно тяжелыми, такъ что иной разъ четыре человѣка не въ силахъ были справиться съ этой тяжелой ношей. По всему редуту какъ-то вдругъ пошелъ трупный запахъ, хотя день былъ не изъ особенно теплыхъ, но все же свѣтлые лучи здѣшняго февральскаго солнца очевидно успѣли сдѣлать свое дѣло. Вскорѣ вся площадка за редутомъ была покрыта трупами нашихъ солдатъ; отсюда ихъ брали другіе люди и переносили въ общую могилу — куда-то въ деревню.

Ночь настала темная и морозная. Часовъ въ 10—11 пришло приказаніе о томъ, что гарнизонъ редута сейчасъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, а намъ приказано было отойти въ деревню, гдѣ и отдохнуть до 4 часовъ утра, а послѣ этого полку уже въ полномъ его составѣ занять снова тогъ же редутъ и смежныя съ нимъ стѣнки деревни.

Вскорѣ дѣйствительно пришла къ намъ смѣна, но пока она пришла, да пока мы смѣнялись — прошло добрыхъ два часа. Наши секреты, съ наступлениемъ темноты были высланы впередъ, и командиръ полка предупредилъ по окончаніи смѣны командира заступившей въ редутъ части, прося его смѣнить и секреты и отнюдь не открывать огня до тѣхъ поръ, пока эти секреты не отоидутъ въ редутъ. Все было сдѣлано, и намъ оставалось только идти въ деревню и воспользоваться 2—3 часами отдыха. И вотъ въ первомъ часу ночи мы пошли въ хвостѣ послѣдней, вышедшей изъ редута роты. Не успѣли мы отойти и 200 шаговъ, какъ въ редутѣ послышались сначала одиночные выстрѣлы, а затѣмъ затрещала настоящая ружейная перестрѣлка, вмѣстѣ съ которой послышались ихъ громкіе вопли

передъ редутомъ: свои! свои! — вопли люди во все горло; куда палите черти! По своимъ, діаволы! — неслохъ изъ темноты. Крики были настолько громки и настолько внушительны, что перестрѣлка какъ бы сразу затихла, но и послѣ этого крики и ругательства еще продолжались вѣкторое время.

Оказалось, что люди смѣнившаго насъ полка, будучи нервно настроены, приняли отходяще наши секреты за непріятеля и открыли огонь. Къ счастью, онъ продолжался недолго, но и этого было достаточно для того, чтобы изъ людей секретовъ оказалось 9 человекъ раненыхъ.

Придя въ деревню и закусивъ, чѣмъ Богъ пошлалъ, мы заснули, хотя и короткимъ, но свинцовымъ сномъ, а въ 4 часа утра полкъ въ полномъ составѣ потянулся по мрачнымъ улицамъ Янсытуя, направляясь все къ тому же редуту, гдѣ уже пришлось пережить столько мучительныхъ и тяжелыхъ часовъ.

Это было 23 февраля утромъ.

Къ разсвѣту мы снова были на своихъ мѣстахъ, и такъ какъ непріятель насъ почему-то не беспокоилъ, то и занялись чисткой и уборкой редута, а равно и починкой всѣхъ тѣхъ изьяновъ, которые были сдѣланы въ его брустверахъ непріятельскими снарядами. Изъ рвовъ редута были вытащены цѣлые вороха разнаго окровавленнаго тряпья, мусора, жестянокъ отъ консервовъ — и все это было вывалено на бруствера. Кровавыя пятна, которыя во многихъ мѣстахъ остались какъ слѣды отъ вчерашнихъ труповъ, были засыпаны землею; блиндажи выметены и вычищены; изъ пустыхъ цинковыхъ коробокъ отъ патроновъ мы устроили на брустверахъ бойницы, наполнивъ предварительно эти коробки землею и присыпавъ землю къ ихъ наружной поверхности, чтобы она не блестяла на солнцѣ. Вообще черезъ часть подобной работы мы и сами не узнали своего редута. Люди, расхаживая по чистымъ рвамъ, какъ-то повеселѣли, ободрились. „Ишь чистота какая, — говорили они, — словно бы въ хатѣ подъ образами“. Разнесся слухъ, что съ правой стороны движется нашъ огромный отрядъ, подъ командой храбраго и популярнаго въ армии генерала Гернгросса. Говорили, что этотъ отрядъ, наступая четырьмя колоннами чуть ли не по дивизии каждая, имѣлъ задачу потѣснить обходящія нашъ правый флангъ силы непріятеля, и что когда генералу это удастся, то мы ударимъ на японцевъ съ фронта и окончательно сомнемъ ихъ. Этотъ плачь былъ всѣмъ понятенъ, и люди, быстро усвоивъ себѣ эту не хитрую комбинацію, безусловно вѣрили въ успѣшность ея осуществления.

— Какъ же, говорили они: силы-то сколько идетъ, ажъ 4 дивизии; гдѣ жъ ему устоять супротивъ такой силнщи, а тутъ какъ значитъ еще мы поднатиснемъ, такъ и совсѣмъ ему капутъ придетъ.

Всѣ жили этой надеждой и внимательно прислушивались въ правую сторону — не загромышаютъ ли, молъ, тамъ пушки, которыя могли оповѣстить своимъ грохотомъ подходъ войскъ генерала Гернгросса.

Потомъ прошелъ слухъ, что генералъ раньше, какъ къ вечеру, инокимъ образомъ подойти не можетъ, потому что болно великъ маршъ, да и „онъ“ на каждомъ шагу будетъ задерживать. Къ вечеру безиремѣнно подойдуть, успокаивали себя люди. Дай-то, Господи: довольно ужъ насъ-то обходить; теперь, стало быть, насталъ „его“ чередъ.

Но судьба рѣшила все это иначе, и всѣ наши надежды и упования разлетѣлись въ прахъ.

Отъ нечего дѣлать люди сидѣли на ступенькахъ рвовъ, а нѣкоторые лежали въ блиндажахъ и спали мирнымъ сномъ. Нѣкоторые, вооружившись биноклями, разсматривали впереди лежащую мѣстность. Я тоже взялъ бинокль и началъ смотрѣть. Вотъ шаговъ 800 отъ редута тянется какой-то окопъ, вѣроятно сооруженный японцами; онъ, повидимому, никѣмъ не занятъ. Вотъ дальше за нимъ видны небольшіе кусты явняка и на опушкѣ въ разныхъ положеніяхъ лежатъ 4 убитыхъ японца. Къ нимъ осторожно подбираются два огромныхъ мохнатыхъ пса, которые, должно быть, еще не вполне увѣрены, что передъ ними мертвецы, мясо которыхъ можно кушать съ великимъ наслажденіемъ. Они потихоньку крадутся къ мертвецамъ, дѣлаютъ петли, какъ бы разсматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, садятся, потомъ опять начинаютъ подкрадываться; а мертвецы лежатъ грузно и неподвижно, и ихъ освѣщаетъ ясное февральское солнце, которое теперь также привѣтливо и ласково свѣтитъ гдѣ-нибудь въ далекомъ уголку ихъ прекрасной родины и согрѣваетъ своимъ теплымъ лучемъ какую-нибудь убогую деревушку, изъ которой пришли сюда эти люди затѣмъ, чтобы въ видѣ падали валяться на опушкѣ этихъ кустовъ. Этихъ псовъ видитъ стоящій рядомъ со мной молодой парень, и у него является желаніе поугатъ ихъ, но самъ онъ почему-то не рѣшается этого сдѣлать и обращается къ содѣйствию другого.

— Дядька Федоръ, а дядька Федоръ,—говоритъ онъ флегматично сидящему на ступенькѣ бородачу запасному, который готовъ погрузиться въ сладкую дремоту, — пугни ихъ изъ винтовки.

— Кого пугнуть?— апатично спрашиваетъ Федоровъ, не мѣняя своей позы.

— Собакъ, вонъ что къ мертвякамъ крадутся; а я здоровущія же, чтобы имъ пусто было, — ровно волки, — добавляетъ онъ.

— А на што ихъ пугать; не все одно, что песь сожреть, что такъ сопрѣетъ. Пусть ихъ,—отвѣчаетъ Федоровъ, зѣвая.—О, Господи, Господи,— добавляетъ онъ: — сегодня ихъ жрутъ, а завтра можа и до насъ чередъ дойдетъ. Пусть ихъ; брось!— говоритъ онъ парню;—неровень часть, ротный узнаетъ, что по собакамъ палимъ, — сердчать зачетъ.

Молодой не унимается. Онъ беретъ винтовку и выпаливаетъ по псу, который, сѣвъ недалеко отъ мертвеца, жадно смотритъ на эту лакомую закуску. Пуля рикошетируетъ шагахъ въ 3 отъ него, и онъ испуганно вскакиваетъ и скрывается въ кустахъ, изъ которыхъ ночью онъ вындетъ къ своей ужасной добычѣ.

Японцы утромъ насъ не тревожили, и впереди вообще не было замѣтно никакого движенія. Обстоятельство это навело даже на мысль о томъ — не ушли ли они и вовсе отсюда. Съ пѣлю разслѣдовать это была послана команда охотниковъ, которые по одиночкѣ собрались у мгилокъ, гдѣ вчера была штыковая схватка, и отсюда, отъ этой груды мертвыхъ тѣлъ, охотники повели наступленіе, идя рѣдкою цѣпью. Отойдя шаговъ 500—600 впередъ, они принуждены были остановиться, такъ какъ изъ деревни Нингуантунъ ихъ встрѣтили довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Убѣдившись такимъ образомъ, что деревня Нингуантунъ по-

прежнему занята неприятелемъ, охотники вернулись, и вскорѣ послѣ этого неприятель, какъ бы въ отместку за наше предпринятое ничтожными силами наступление, открылъ артиллерійскую канонаду по Ясытуню и по нашему редуту. Нѣсколько тяжелыхъ шестидюймовыхъ бомбъ грохнулось въ самый редутъ, и снова его валы вздрагивали отъ ихъ могучихъ ударовъ и разрывовъ. вмѣстѣ съ бомбами падали и шимозы, но сила ихъ разрыва казалась уже какой-то шуткой въ сравненіи съ мощностью бомбъ. Тѣ снаряды, которые были направлены въ деревню, пролетали надъ нашими головами съ необычайной скоростью; эта скорость, казалось, даже опережала собою звукъ, такъ какъ сначала надъ головой слышался какъ бы шелестъ лежащаго снаряда, и вслѣдъ уже за этимъ каждый разъ слышался не громкій и почему-то всегда двойной звукъ орудіяго выстрѣла. Вообще японскія пушки и ружья всегда почему-то издаютъ двойной звукъ при выстрѣлѣ: бумъ-бумъ, слышите вы голосъ неприятельской пушки. Та-к-ку, та-к-ку, выговариваютъ ихъ ружья, но почему эти непременно двойные звуки, — насколько помню, объяснить никто не могъ. Повидимому, въ данномъ случаѣ, ужасная начальная скорость снаряда и пули и есть причина этого страннаго явленія. Пули, вылетая изъ канала ствола, сверлить въ воздухѣ тоже въ своемъ родѣ каналъ и сверлить его въ первый моментъ по вылетѣ изъ дула настолько быстро, что воздухъ не успѣваетъ заполнить его моментально же вслѣдъ за полетомъ пули. Словомъ, послѣ выстрѣла образуется длинная пустота, какъ въ каналѣ ружья, такъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдняго. Воздухъ, врывается въ каналъ ствола, даетъ первый звукъ, а потомъ, заполняя собою болѣе длинную пустоту, даетъ какъ бы нѣсколько протяжный второй звукъ. Быть можетъ, это объясненіе отдаетъ профанацией, но я только и могъ на немъ остановиться и ничѣмъ не объясняю себѣ этого страннаго явленія. Часа два по полудни стрѣльба затихла.

Удивительно, какое слабое дѣйствіе производить въ общемъ артиллерійскій огонь по хорошо укрытымъ дѣлямъ, а въ особенности зимою, когда земля хорошо промерзла и представляетъ собою очень сильное сопротивление фугасному дѣйствию снарядовъ. Про шимозы и говорить нечего: снарядъ этотъ, несмотря на то, что обладалъ непомерною силой разрывнаго дѣйствія, благодаря своему разрывному заряду изъ какого-то особаго пороха, все же, попадая въ земляной валъ, дѣлаетъ въ немъ ничтожную воронку. Шестидюймовая бомба, ударяя въ валъ, сотрясаетъ собою не только послѣдній, но даже и весь редутъ, и все же воронка, пробиваемая этимъ могучимъ снарядомъ, невелика. Помню, что за время этой послѣдней бомбардировки у насъ было очень мало раненыхъ.

Другое дѣло лѣтомъ: тутъ бомба въ состояніи показать всю свою мощь; она разворотитъ сразу всю толпу бруствера, разнесетъ землю въ разныя стороны.

Во время бомбардировки люди прятались въ блиндажи, или прижимались къ отлогости вала и были въ безопасности. Интересно было слѣдить за полетомъ шестидюймовыхъ бомбъ; полетъ ихъ, въ сравненіи съ полетомъ шимозъ и шрапнелей, очень медленный. Во время движения бомба издаетъ звукъ, очень похожій на тотъ, который вы услышите, если пойдете лѣтомъ на сѣнокосъ и начнете смотрѣть, какъ возятъ конны сѣна,

не погружая ихъ на вozy: копы эти ставятся на такъ называемыхъ „ометяхъ“ (длинный хворостъ); и вотъ прицѣпляютъ лошадь къ комлямъ ометинъ и тянутъ копы. Она при движеніи издаетъ почти такой же звукъ, какъ и шестидюймовая бомба во время своего полета. „Копы повезля“, говорили обыкновенно солдаты, слыша полетъ бомбы. Вы слышите, какъ эта „копы“ шуршитъ гдѣ-то высоко и далеко, все приближаясь и приближаясь; звукъ становится яснѣе и яснѣе; вотъ-вотъ сейчасъ рухнетъ что-то мощное и тяжелое; невольно плотнѣе прижимаешься къ валу. Въ это время вздрагиваетъ земля, слышится громкій трескъ разрыва; воздухъ застываетъ отъ разлетающихся осколковъ; поднимается огромный фонтанъ земляныхъ комьевъ, подброшенныхъ на значительную высоту, и затѣмъ все успокоится, а черезъ нѣсколько секундъ ползетъ уже и другая „копы“, и та проявляетъ себя подобнымъ же образомъ.

Помню, въ этотъ же день къ редуту изъ деревни Нягуантунъ подошелъ старикъ-китаецъ, — оборванецъ и крайне грязный и неопрятный. Онъ какъ бы въ изнеможении сѣлъ у наружнаго рва. Его сочли за шпиона и привели въ редутъ. Старикъ смотрѣлъ на всѣхъ мутными, гноящимися глазами, которые были безъ всякаго выраженія. Ему связали руки и посадили вмѣстѣ съ плѣнными японцами. Временами они о чемъ-то между собою перебрасывались словами, и солдаты, глядя на эту компанію, добродушно посмѣивались и говорили, что старикъ рассказываетъ японцамъ смѣшныя прибаутки, занимая ихъ отъ скуки. Вечеромъ какъ плѣнныхъ, такъ и старика увели.

Л. Бѣльковичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СКОРБЯЩЕМУ.

(Б. В. К-му.)

Тебя, какъ брата, я люблю,
И о тебѣ, какъ братъ, скорблю,
Но утѣшать тебя не стану:
Не залѣчить словами рану,
Душевной мглы не освѣтить,
Сердечной муки не смягчить
Ни лаской нѣжной, ни участиемъ,
Когда все блѣдно предъ несчастьемъ,
Когда какъ праздная молва
Звучать участія слова.

Есть скорби безъ границъ, безъ мѣры,
Когда цѣленья нѣтъ безъ вѣры
И безъ покорности судьбѣ.
О да поможетъ Богъ тебѣ
Остаться крѣпкимъ въ дни страданій,
И пламень свѣтлыхъ упованій
Не загасить, не остудить,
Чтобъ даже крестъ благословить!

А. Кругловъ.

ВѢЧНЫЕ СТРАННИКИ.

Сказка для взрослыхъ.

I.

авно, давно было то время, когда люди обращали свои взоры къ небу и только по его свѣтиламъ узнавали, долго ли еще продлится ночь и скоро ли настанетъ желанный день. Ранними зорями они наблюдали восходъ солнца. Поднималось горячее свѣтило, и оживалъ мѣръ. Все сильное и могучее не боялось свѣта и выходило радостно навстрѣчу яркому солнцу. Согревало оно иззябшаго за ночь, голоднаго человѣка, наполняло теплотой и свѣтомъ его продрогшее тѣло, и человѣку становилось хорошо.

Лучъ солнца проникалъ въ глубину моря, и тамъ зарождалась жизнь. Все ликовало въ этотъ часъ, и каждая живая тварь по-своему возлавала хвалу Источнику тепла и свѣта. Скрывалось солнце, на смѣну ему являлись звѣзды и снова привлекали людскіе взоры своей небесной красотой. Въ такіе часы покоя человѣкъ прислушивался къ своему сердцу и создавалъ простыя пѣсни. Эти безхитростныя пѣсни давали человѣку простое, немудрое счастье.

Проходили вѣка... Юноши становились дряхлыми старцами, внуки обращались въ дѣдовъ. А день все также вѣчно смѣнялся ночью и не было счета ни днямъ, ни часамъ. Человѣкъ не зналъ: старъ онъ или молодъ, и не спѣшилъ жить. Если ноги его носили, а руки кормили, то онъ былъ молодъ. Что такое для него была старость? Это была слабость, невозможность добыть пиццу на сегодняшній день. Люди не мучились цѣлые годы мыслью о приближеніи страшной, беззащитной

старости. Они жили, пока могли, и умирали, когда не могли больше жить. Но кто-то, какой-то, мудрецъ произнесъ невѣдомое дотолѣ міру слово: „время“.

— Время, время!—подхватили люди на лету это загадочное слово.— И понеслось оно изъ края въ край по всему свѣту.

— Гдѣ оно? Что это такое?— И все устремили тревожные взоры къ небу. Но тамъ все было попрежнему.

— Время, время,—повторяли въ недоумѣніи люди, и каждый почувствовалъ какую-то роковую силу, носящуюся надъ его головой. Каждый почувствовалъ недоступность и неутомимость этой страшной силы, которую нельзя было умиловить никакими жертвами, потому что она была невидима.

Она своей холодной рукой клала печать на лицо человѣка, и онъ долженъ былъ ей поклониться и сосчитать свои прожитые годы. Тогда-то появилась часовая стрѣлка и поползла по полю циферблата, неся на кончикѣ своего острія счетъ человѣческой жизни, счетъ годамъ молодости и счастья,—горя и разочарованій. На томъ же остромъ кончикѣ несла она ему и смерть.

Не такъ уже радостно люди встрѣчали солнце, и невольная грусть закрадывалась въ душу, когда наступалъ вечеръ. Унылая пѣсня неслась къ звѣздамъ: человѣкъ зналъ, что „сегодня“ ушло и никогда не возвратится,—что день минувшій вычеркнуть изъ жизни. Умирающіи зналъ, что ни мольбы, ни вопли не остановятъ ни на минуту его „время“. Доползетъ стрѣлка до своей черточки и вырветъ его душу изъ слабаго тѣла. А въ больной груди, какъ бы издѣваясь надъ нимъ, въ ритмъ съ этой слѣпой силой, бьется его сердце. Какимъ бы горячимъ чувствомъ оно ни было полно, какъ бы ни жаждало любви и счастья, но остановится и замреть. А стрѣлка часовъ поползетъ дальше...

Полумертвые глаза съ нѣмой тоской глядятъ на этотъ ползущій призракъ, и все большимъ ужасомъ наполняется грудь, и умъ мутится, и стынетъ кровь... Молнией пронесется послѣдняя мысль, грудь вздохнетъ безсильной скорбью и остановится измученное сердце...

А стрѣлка—вѣчная странница—отсчитала годы, часы и мгновенья и поползла безучастно впередь...

II.

Въ широкой, знойной степи идетъ кровавый, страшный бой. Пули покрываютъ мертвыми тѣлами горячую землю.

Зной, дымъ, пламя!.. Все смѣшалось. Въ страшномъ усилии борьбы люди забыли „время“. Они потеряли счетъ днямъ и часамъ. Небо и солнце скрылись отъ взоровъ. Кругомъ

была смерть. Но и страхъ смерти забыли люди. Передъ ними безпощадный, грозный „врагъ“. Кто онъ?—Онъ тотъ, что движется, какъ туча, или та лава, что затопила уже тысячи жизней!

А тамъ, вдали, на помощь спѣшать братья. Они уже за ближней горой!

— Продержитесь еще часъ, и вы побѣдите!

Часъ? Но какъ пережить этотъ часъ, и что онъ такое? Успокойтесь, несчастные люди! Въ свою положенную секунду придетъ этотъ часъ и рѣшитъ вашъ бой...

Настала снова ночь, и все утихло.

— Кто же побѣдилъ? Кто погибъ? Кто спасся?

— Считайтесь сами. Ночь прикрыла васъ всѣхъ, живыхъ и мертвыхъ, и примирила враговъ.

Взойдетъ теплое солнце и освѣтитъ ваши мирныя поля, и ваши родныя хаты, куда не доносились стоны и дымъ. Тамъ живетъ еще надежда, тамъ ждутъ еще васъ. Не знаютъ они, что пронеслось надъ вами „время“ и покрыло васъ саваномъ.

А стрѣлка все ползеть и ползеть впередъ...

III.

Глядитъ въ зеркало красавица и залюбовалась на себя, а мечты роємъ несутся въ ея головкѣ. И грезится ей пышный праздникъ. Блеститъ она звѣздой среди другихъ красавицъ, а впереди вся жизнь соткана изъ счастья. На ея шейкѣ вьется золотая цѣпочка и сверкають бриллантовые часики,—подарокъ жениха. Какъ хороша эта, чудная игрушка! И тѣшитъ ея красавица. Часики покажутъ время, когда придетъ желанный и съ любовью поведетъ къ счастью. Когда настанетъ этотъ мигъ, тогда часики могутъ остановиться, а счастье будетъ длиться вѣчно.

Но... они не остановились и все идутъ впередъ.—А гдѣ же счастье?—Гдѣ же милый?

Ушелъ и не вернулся болѣ!..

На лбу морщины, въ сердцѣ холодъ.

Нѣтъ свѣтлаго пира жизни. Одноко и грустно. А старыя часики еле-еле тикають. „Будетъ, красавица, усни. А мой путь дологъ, безконеченъ“.

И поплыла впередъ золотая стрѣлка...

IV.

Вдали у рѣшетки сидитъ молодая дѣвушка. Ей некуда было пойти и она пришла сюда. Здѣсь никто не спроситъ:—кого вамъ надо?

Тотъ, что стоитъ тамъ вдали, среди звуковъ, онъ знаетъ все ея горе. Онъ знаетъ, что былъ у нея дорогой человѣкъ, котораго она уже никогда не увидитъ. Не услышитъ она болѣе его милого голоса. Тотъ пѣвецъ знаетъ все. И все это онъ поетъ въ своей пѣснѣ: „Какъ король шелъ на войну и вернулся онъ со славой“; а Стахъ пошелъ, но легъ въ могилу.

И поетъ пѣвецъ прощальное слово ея милому, а колокольцы лиловые звенятъ о погибшемъ Стахѣ.

Растворилось злое горе въ звукахъ пѣсни, и побѣжали по лицу дѣвушки тихія слезы, а губы шепчутъ:—Прощай, прощай, милый!—И смягчается боль свѣжей, щемящей раны. Пусть несется твоя пѣсня вѣчно для измученныхъ людей!

А стрѣлка ползетъ и приближаетъ часъ успокоенія.

V.

Гордо и высокомерно глядя на пѣвца, у самой эстрады, сидитъ старикъ-мудрецъ, а рядомъ съ нимъ... красавица, вся разукрашенная, вся сияющая... Ей поклоняется весь праздный и шумный свѣтъ.

Глядитъ на нее старикъ, и злоба кривитъ его губы. Вотъ она, одна изъ тѣхъ, что губятъ мѣръ, пьютъ силы и кровь и потоками слезъ заливаютъ обездоленныхъ и слабыхъ!

Ея золотое, шумящее платье стоитъ тысячи; многіе несчастные должны слѣзнуть и чахнуть въ своихъ холодныхъ и темныхъ подвалахъ, чтобы, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, создать для этой „счастливицы“ ея золотое платье!

А оттуда, съ эстрады, несется голосъ пѣвца: „Ее въ грязи онъ подобралъ, чтобъ все достать ей, красть онъ сталъ“...

Вздрогнула красавица, распустила свой драгоценный вѣеръ и прикрыла имъ блескъ своихъ чудныхъ глазъ.

Ползетъ стрѣлка часовъ.

Усталыми глазами смотритъ старикъ на пѣвца, и та же злая насмѣшка скользитъ по его лицу. „Что можешь ты мнѣ сказать отраднаго? Твоя пѣсня, какъ дѣтскій лепетъ, годна такимъ же наивнымъ дѣтямъ, какъ ты. Ошибка, случай привелъ меня сюда къ твоей жалкой эстрадѣ; а что она въ сравненіи съ той кафедрой, съ которой я вѣщала миру свои рѣчи? Какъ ничтоженъ полетъ твоей пѣсни въ сравненіи съ той высотой, куда подымался мой разумъ! Но люди не поняли меня и не стали лучше“...

И ползутъ въ его головѣ укору прожитой жизни, и горечь наполняетъ душу.

„Мудрость человѣческая! давно ты мнѣ извѣстна. Вездѣ ложь, вездѣ измѣна и развѣ была хоть одна истина, кото-

рую не распяли бы люди? О, позоръ, позоръ! Мой суровый, холодный разумъ, и ты мнѣ измѣнилъ! Тебѣ одному я вѣриль, за тобою слѣдовалъ долгие годы жизни и шелъ къ счастью. Впереди я уже видѣлъ славу, она манила меня, какъ яркая звѣзда! Еще одно усилюе, еще годъ, еще день и я протяну руку къ своему счастью, къ своей славѣ! И вотъ, наконецъ, она моя!.. Но гдѣ же мое лучезарное счастье, отчего я не чувствую его въ своей груди? Шли годы, дни, минуты, голова моя посѣдѣла, тѣло износилося, заснули и потухли страсти!.. Жизнь ушла! Понимаешь ли ты, юный пѣвецъ, весь трагизмъ этихъ словъ?“

„А смерть ужъ тутъ. Вотъ она! Стоишь за спиной моей и хочешь, и издѣвается надъ моей мудростью, надъ моей славою! А мое счастье? Моя звѣзда? Гдѣ она? Она все такъ же прекрасна, но какъ далека, какъ далека! И поникла гордая, сѣдая голова. Прикрыли глаза тяжелыя вѣки, а смерть притихла—не хочеть болѣе, и чудятся старику вдали родныя горы со стадами козъ и оленей. Играетъ пастушья свирѣль, и ясное, теплое солнце грѣетъ русую голову. По плечамъ вьются кудри, молодая, гибкая ноги несутъ легко и радостно въ родныя горы...“

Въ горахъ мое сердце, не въ этой странѣ — пость звонкій голосъ счастливой юности, любви и энтузиазма.—Въ горахъ мое сердце!

И позабылъ старикъ свою дряхлость, свою мудрость, свою разбитую вѣру. Блеснула въ глазахъ искра жизни, и кровь горячей волной ударила въ голову. Разгладились морщины, и поднялъ онъ смягченный взоръ на юнаго пѣвца.

„О, другъ мой, въ чемъ твоя сила, сокрушившая бремя моихъ лѣтъ?! Горяча твоя пѣсня—она согрѣла мой духъ. Неси же ее, какъ факель, освѣщай намъ мракъ бѣдной человѣческой души, застывшей отъ холода жизни!“

Доползла стрѣлка часовъ до своей черточки, и потухли огни и кончился дивный сонъ. Каждый дальше пойдетъ своей дорогой, унося лучъ свѣта, брошенный другомъ-пѣвцомъ. Долго звучать будетъ голосъ и чудиться пѣсня въ свистѣ паровоза, когда онъ понесется широкой степью, и въ шумѣ вертящихся машинъ, и въ одинокой комнатѣ старика. Передъ глазами дѣвушки мелькнетъ милый образъ, погибшій въ груди изуродованныхъ, человѣческихъ тѣлъ, и шепнетъ ей: живи, люби, а счастье на мигъ придетъ съ пѣснейю и съ нею же умчится въ невѣдомую даль. Придетъ твоя часть и будешь тамъ, гдѣ я!

На башнѣ свѣтилися часы и показывали полночь.

Кончилъ пѣвецъ свои пѣсни и влѣдъ за толпой вышелъ на улицу. Онъ взялъ людскія слезы и понесъ ихъ въ темную даль. Мимо него и рядомъ съ нимъ шли люди. Онъ не пѣлъ своихъ хорошихъ пѣсень и они не узнавали его.

Какое было имъ дѣло до того, кто шелъ одиноко среди нихъ? Чѣмъ дальше шелъ пѣвецъ, гѣмъ тяжелѣе становилось ему тащиться по шумной улицѣ: тѣ, что шли рядомъ, больно задѣвали его; тѣ, что шли навстрѣчу, сшибали его съ ногъ; а онъ все двигался впередъ, пока ночная мгла не скрыла его вдали отъ шумнаго города.

А стрѣлка часовая все ползла и ползла многие годы, кружась по своему циферблату.

Вспомнилась старуку роскошная витрина и въ ней портретъ юноши въ расцвѣтѣ жизни и силъ.

Сколько восторговъ несла толпа къ ногамъ своего любимца.

Громъ аплодисментовъ, корзины цвѣтовъ, лавровые вѣнки, все это несли ему! А онъ, безумецъ, вмѣстѣ съ розами бралъ и человѣческія слезы и отдавалъ имъ всего себя.

Когда же изъ груди вмѣсто чарующихъ звуковъ молодого голоса, понеслись хриплые стоны надорваннаго горла,— съ витрины сняли красивый портретъ и... замѣнили его другимъ...

И потянулась передъ пѣвцомъ узкая тропинка. Не было на ней ни шумной, нарядной толпы, ни свѣтящихся часовъ на башнѣ, и только въ темномъ небѣ горѣли яркія звѣзды да пѣлъ соловей въ кустахъ за оградой съ маленькимъ деревяннымъ крестомъ надъ входомъ.

„Подожди немного, отдохнешь и ты“, — шепталъ гихи вѣтерокъ.

Оглянулся пѣвецъ, но пусто и тихо было вокругъ.

„Гдѣ вы, всѣ тѣ, что несли когда-то лавры и розы, восторги и ласки? Въ пустыню что ли обратился большой и шумный свѣтъ? Откликнись, человѣкъ!“

У ограды тихо прошла согбенная фигура ночного сторожа, который простучалъ полночь въ деревянную доску.

Е. Гриневичъ.

Л. С. Черленювская.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕАЛЫ НАРОДА ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

I.

Тоска по раю. — Тоска по правдѣ. — Прекрасная пустыня. —
Аскетизмъ. — Мужикъ Марен и Достоевскій. — Толстой. —
Юродивые. — Данченко.

аю, мой пресвѣтлый раю!

Закрылся рай для падшаго человѣка, но земля, напоминая ему о паденіи, напоминаетъ и о раѣ. Земля, говоря о грѣхѣ, нашептываетъ и сладкую пѣсню объ искупленіи. И народная пѣсня, вѣрная выразительница духа народнаго, поетъ о свѣтломъ раѣ, прекрасномъ, но далекомъ. Далекомъ, потому тоскою звучитъ эта пѣсня. Далекомъ, — „а въ раю-то ангелы, свѣтъ, облака“, — такъ обрисовываетъ настроеніе народное, *тоску по раю* Гл. Успенскій („Парамонъ Юродивый“).

Тамъ же, въ раю, и правда - матушка. Боролась она съ кривдою, но здѣсь, на землѣ, неправда оказалась сильвѣе, и ушла Правда на небеса, къ Самому Христу Царю Небесному, какъ говорится въ Голубиной книгѣ.

„Правда съ Кривдою сходилися,
Промежду собой бились, дралися,
Кривда Правду одолѣть хочеть,
Правда Кривду переспорила,
Правда пошла на небеса
Къ Самому Христу — Царю Небесному,
А Кривда пошла у насъ по всей землѣ“.

Такъ объясняетъ народъ происхожденіе зла въ мірѣ, такъ выражаетъ онъ свою *тоску по правдѣ*. Эту же тоску народной души подмѣтилъ и Тургеневъ и живо изобразилъ въ своемъ Касьянѣ, этомъ простомъ кре-

стыяниѣ, даже юродивцѣ, который тоскуеть, что „справедливости въ челоуѣкѣ нѣтъ, вотъ оно что“... Тоскуеть... да и онъ ли одинъ?— „Много, тужить онъ, другихъ крестьянъ по міру бродягъ, правды ищуть... да! А то что дома-то, а?

Гдѣ же выходъ, куда бѣжать?

„Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я, нищій,
И вотъ въ пустынѣ я живу“...

Но еще задолго до того, какъ прозвучалъ печальный голосъ поэта-пессимиста, голосъ, олакивающий пороки братьевъ-людей, — задолго до того народная душа искала правды — и также въ пустынѣ.

И пѣлъ народъ о прекрасной пустынѣ, и была она для измученнаго сердца „второй матушкой“, и какъ грѣшное, но любимое „чадо“, приходилъ къ ней народъ и съ грѣхами и съ печалью своею, приходилъ и богатый и знатный, чтобъ отказаться ото всего.

И говорила „мать-пустыня“ со своимъ изстрадавшимся въ суетѣ мірской сыномъ, говорила съ нимъ она — „архангельскимъ своимъ глазомъ“.

Такъ поется въ народной пѣснѣ: „Стихъ объ Асафѣ-царевичѣ“. Что могла дать пустыня? Ни „сладкой пищи“, ни „питья медвянаго“, ни „платы свѣтлаго“, ни „царскихъ палатъ“, — ничего не предлагаетъ она, но народъ любитъ воспѣвать бѣдность, „святую бѣдность“, любитъ жалобный стихъ „о Лазарѣ“, любитъ стихъ „объ Алексѣѣ челоуѣкѣ Божиємъ“, о томъ, какъ богатый юноша, подобно „Асафу-царевичу“, бѣжалъ изъ дома родного навсегда, чтобъ стать одинокимъ и нищимъ.

Суровымъ аскетизмомъ вѣетъ отъ этихъ идеаловъ. Тоска по свѣтлому раю и правдѣ, что тамъ, „у Царя Небеснаго-Христа“, — тоска эта въ крайней формѣ своей выражается въ жаждѣ подвига, отреченія, въ стремленіи къ прекрасной пустынѣ, вообще въ отреченіи отъ земнаго.

Отречене, подвигъ... Во имя чего? Во имя того всецѣльнаго стремленія къ небесамъ, стремленія, что овладѣло когда-то на берегахъ Генисаретскаго озера, среди чудной Палестины, душою пламеннаго Петра и нѣжнаго Іоанна и другихъ, подобныхъ имъ.

Таковы идеалы народа — идеалы, можно сказать, не отъ міра сего; потому можетъ показаться, что я идеализирую народъ; нѣтъ, я говорю только объ идеалахъ, а они, дѣйствительно, не отъ міра сего, говорю о томъ, какъ выражены эти идеалы самимъ народомъ въ его произведеніяхъ, и какъ воспроизведены они лучшими писателями, говорю о томъ, какъ живо чувствовалъ народъ, что „міръ во злѣ лежитъ“, но не говорю о томъ, какъ самъ онъ жилъ въ этомъ грѣховномъ мірѣ и насколько увеличивалъ зло и грѣхъ міра. И этотъ грѣхъ, и зло, и соблазны, парствующие въ мірѣ — все это изображено въ пѣснѣ; „О Горѣ-Злосчастьи“, но о ней позднѣе, въ связи съ монашествомъ.

Въ этой атмосферѣ росли дѣти, выростали новыя поколѣнія средь свѣтлыхъ идеаловъ. Конечно, я говорю не о всѣхъ: идеаль доступенъ не каждому, но все же дѣтямъ онъ болѣе понятенъ. И дѣти не изъ народа

растутъ также подъ влияніемъ народа, и первые дѣтскіе годы ихъ озарены свѣтлыми лучами народныхъ идеаловъ.

Всѣ эти странники — юродивые, монахи и раскольники — все это живая связь между народомъ, изъ котораго, по большей части, вышли всѣ эти „люди Божьи“, и другими классами общества, такъ какъ они бывають вездѣ, доходя и до теремовъ царскихъ. Да и позднѣе — между нашей интеллигентней въ лицѣ писателей и народомъ не существуетъ ли крѣпкая связь?

Взгляните, какъ изображены идеалы народа въ произведеніяхъ народныхъ и у лучшихъ писателей нашихъ. Какое сходство. Съ какою вѣрностью изображаетъ писатель идеаль народа — и съ какою любовью! Какъ захватываютъ эти идеалы и эти образы, взятые изъ народа у нашихъ писателей.

Чувствуется глубокая, глубокая связь, и народные идеалы перестаютъ быть только простонародными, чтобъ стать *общенародными*, національными, а можетъ быть, и общечеловѣческими идеалами*). Да, глубокая, тѣсная связь между писателемъ и народомъ. И вспоминается мнѣ „*мужикъ Марей*“.

Въ образѣ этого простого русскаго мужика воплотились для лучшаго писателя нашего — Достоевскаго идеалы народные и недаромъ критика придаетъ такое значеніе этому самому простому, самому обыкновенному „мужику Марей“, этому „Микулѣ Селяниновичу“, какъ называетъ его Мережковский. Разсказъ простой, онъ помѣщается въ хрестоматіяхъ для дѣтскаго чтенія, — разсказъ о томъ, какъ испугался маленькій Федя Достоевскій волка, и какъ успокоилъ его простыми словами и ласкою своею мужикъ — пахарь Марей: „Что ты? Что ты? Какой волкъ?.. Померещилось... Ужь я тебя волку не дамъ... Христосъ съ тобою“. И мужикъ перекрестилъ мальчика „съ почти материнскою улыбкою пальцами, запачканными въ землѣ“. Вотъ простой, почти дѣтскій разсказъ, но въ немъ смыслъ, и смыслъ глубокій. Тотъ же критикъ говоритъ объ этомъ такъ: „Въ этомъ разсказѣ преобразована вся религиозная жизнь Достоевскаго. Маленькій Федя выросъ и сдѣлался великимъ писателемъ. вмѣстѣ съ Федей выросъ и мужикъ Марей въ великій „народъ-богоносецъ“. Но таинственная связь между ними осталась неразрывною. Съ тѣхъ поръ часто слышалъ Достоевскій страшный крикъ: Волкъ бѣжить! Звѣрь идетъ! Антихристъ идетъ! — и каждый разъ кидался къ мужику Марейу вѣбъ себя отъ испуга. И тотъ защищалъ его и успокаивалъ съ почти материнскою улыбкою: „Ужь я тебя волку не дамъ. Христосъ съ тобой!“ И крестилъ. Такимъ образомъ связь между нашимъ прославленнымъ писателемъ и безвѣстнымъ мужикомъ-пахаремъ велика: это какъ бы связь религиозная.

*) „Раю, мой пресвѣтлый раю“, и „Мать прекрасная пустыня“ — такъ выражаетъ народъ свою тоску по раю и радостямъ его. „Духовной жаждою томимъ“ — такъ выражаетъ ту же тоску поэтъ. „Правда ушла на небеса“, вздыхаетъ народъ. „Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ“, съ грустью замѣчаетъ писатель, описывая безправное положеніе крѣпостнаго раба. О горѣ-злосчастьи говорить народъ; о невѣжествѣ скажетъ писатель свое разумное слово, и Погосский, напр., очень часто писалъ повѣсти именно какъ бы на тему русскаго пословицы, что „ученье свѣтъ, а неученье — тьма“.

Другой писатель — „великій писатель земли Русской“, — задаетъ себѣ вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни, — и передъ нимъ встаетъ тотъ же мужикъ Марей — и крестить его. Русский „мужикъ Марей“ Толстого — это тотъ же мужикъ-пахарь, мужикъ-работникъ, въ общеніи съ которымъ, проникаясь его идеаломъ трудолюбивой, простой и полезной жизни, успокаивается Левинъ-Толстой; это тотъ мужикъ-солдатъ, который, „молясь предъ битвой, съ серьезнымъ выраженіемъ лица, „жадно смотритъ на икону“, тотъ мужикъ солдатъ, на лицѣ котораго „выраженіе сознания важности наступающей минуты“, короче, тотъ *Платонъ Каратаевъ*, который какъ бы открываетъ смыслъ жизни для Пьера Безухова, лучше чѣмъ интеллигентные братья-масоны, а для Толстого является типичнымъ русскимъ мужикомъ — выразителемъ всего русскаго. Этотъ Платонъ Каратаевъ — это мужикъ Марей для нашего Толстого.

Но о немъ довольно: къ нему придется намъ вернуться еще разъ, когда рѣчь будетъ о томъ, какъ „удивительно умираетъ русскій мужикъ“.

И, наконецъ, мужикомъ Мареемъ является для Толстого Гриша — юродивый странникъ, но „великій христианинъ“ Гриша.

Юродивые! Въ различныхъ формахъ проявлялось стремленіе народа къ небу и справедливости, но главныя формы, въ которыхъ воплощались народныя идеалы, были: *юродство* Христа ради, *монашество* также ради Христа, или „Бога-для“, *сектантство и расколъ* — все во имя того же Христа и правды Его, и обнимающее нерѣдко всѣ три первыя формы — *странничество* — тоже подвигъ вѣры. Всѣ эти формы, въ которыя отлились идеалы народныя, носятъ характеръ аскетическій, характеръ подвижническій; вездѣ на первомъ планѣ вѣра и подвигъ — отреченіе отъ собственной воли, трудности, опасности, обиды и невзгоды, а для иныхъ — и смерть — вотъ путь истинныхъ „людей Божьихъ“.

Въ основѣ всѣхъ этихъ подвиговъ лежитъ увѣренность въ томъ, что „міръ во злѣ лежитъ“. Но если такъ, если зло царитъ въ мірѣ, въ душѣ челоѵка, то бѣжать ли надо отъ міра или говорить людямъ о Богѣ и правдѣ Его, о радѣ и сладостяхъ его? Оставался въ міру, но осуждая его соблазны и отвергая „вся красная и благая міра сего“, многие вели благочестивую жизнь и интересовались идеалами народными, носителями которыхъ являлись странники, а среди нихъ выдавались юродивые, — юродивые древней Руси. Да въдъ это воплощенная правда народная, это голосъ народа, это сила, противъ которой безсиленъ былъ даже всемогущій Петръ.

Такъ понимаетъ значеніе юродивыхъ въ древнее время Мордовцевъ, но у меня его нѣтъ сейчасъ подъ руками, да къ тому же, если говорить вообще о писателяхъ, посвящавшихъ свои строки народу, выйдетъ слишкомъ уже подробно; потому я остановлюсь на двухъ юродивыхъ, изображенныхъ лучшими нашими писателями — на Гришѣ, юродивомъ изъ „*Дѣтства и Отрочества*“, и на „Парамонѣ юродивомъ“ изъ разсказа подъ тѣмъ же заглавіемъ Гл. Успенскаго. Конечно, *юродивый* приходилъ и уходилъ снова, а жизнь текла своимъ чередомъ, но на смѣну одному приходилъ другой юродивый или странникъ, и хоть на мгновеніе будили они душу отъ житейскаго сна, говорили о другомъ мірѣ и сами были какъ бы не отъ міра сего, и въ отвѣтъ имъ глаза устремлялись къ небу и наполняя-

лись слезами, и слышались вздохи, — то плакала и тосковала душа и осуждала себя, а это самоосуждение, это раскаяние, сознание своей „мерзости предъ Богомъ“ не есть ли хотя отчасти уже начало возрождения? Для многихъ это былъ лишь мигъ, потому что у многихъ, очень многихъ, лишь —

„Крылья души надъ землею поднимаются,
Но не покинуть земли“ (Вл. Соловьевъ).

Такъ и слова юродиваго будутъ забыты. Но совѣмъ ли забыты? Не бываетъ ли, что забытое, исчезнувшее давно, вдругъ вспоминается ярко-ярко? И хорошо и отрадно станеть, когда раньше было тяжело и грустно.

Такъ изобразилъ силу вліянія юродиваго Толстой.

Хороша эта сцена, когда, затаивъ дыхание, слѣдять дѣти за тѣмъ, какъ молится этотъ странный, чуждый имъ человекъ, какъ кладетъ поклоны, шепчетъ молитвы. Имъ смѣшно, имъ весело, имъ только смѣшно, потому что они ничего не понимаютъ, но Николенька, который понялъ, вѣрнѣе, почувствовалъ здѣсь присутствіе Бога, скрывшаго многое отъ разумныхъ и премудрыхъ, чтобы открыть младенцамъ, — „вмѣсто веселья и смѣха чувствовалъ дрожь и замираніе сердца“. Но вотъ что-то упало, дѣти зашумѣли — и впечатлѣніе исчезло. Исчезло ли?

Исчезло въ эту минуту, но не умерло — и „никогда не умретъ“, какъ не умеръ для Достоевскаго мужикъ Марей, прибавлю я. И какъ хорошъ этотъ Гриша! И кажется, онъ такъ необходимъ для того, чтобы дѣтство — эта счастливая, невозвратимая пора жизни, — стало еще счастливѣе — и, скажу, еще невозвратнѣе, потому что „вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которой обладаешь въ дѣтствѣ?“ А образъ Гриши, несомнѣнно, напомнитъ все это и усилитъ грусть о прошедшемъ и подумаешь: „Гдѣ тѣ горячія молитвы, гдѣ лучши даръ — тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангель-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ грезы неспорченнаго дѣтскаго воображенія“. Юродивый Гриша! — Свѣтлый образъ! Критикъ останавливается передъ нимъ въ благоговѣйномъ удивленіи: „Гриша — простой, бѣдный юродивый, но великій христианинъ Гриша“; Гриша — въ домѣ *comme il faut*; Гриша — среди насмѣшливыхъ дѣтей; Гриша — передъ гордымъ и легкомысленнымъ аристократомъ, и Гриша — наединѣ со своимъ Богомъ, — „великій христианинъ Гриша“, — чуткая „душа ребенка поняла простую душу“. И какъ онъ молится! Любуясь Катериной въ церкви, Борисъ говорить: „Ахъ, Кудряшъ, какъ она молится, кабы ты посмотрѣлъ! Какая у нея на лицѣ улыбка ангельская, а отъ лица-то какъ будто свѣтится“. Да, человекъ прекрасенъ, если онъ умѣетъ молиться, а Гриша — какъ онъ молился! Какъ онъ молится, когда въ восторгѣ повергается на землю, принося Богу лучшую хвалу — умиленіе и восторгъ своей пламенной души.

„Горяча и свѣтла та молитва“.

Хороша и свѣтла, и потому о впечатлѣніи, оставленномъ на мнѣ Гришей и его молитвой, я могу сказать словами Толстого.

„Оно никогда не умретъ“.

О если бы никогда, никогда земное не принижало души, и она радостная и свободная уносилась къ небесамъ! Но... но снова повторю, — увы —

„Крылья души надъ землей поднимаются,
Но не покинуть земля“.

„Юродивый Парамонъ былъ самый настоящій *крестьянскій*, *мужицки святой человекъ*. Происходилъ онъ изъ мужиковъ, былъ женатъ, но повинувся гласу и видѣнью, оставилъ домъ, жену, двухъ дѣтей и ушелъ спасать свою душу. Душу онъ спасалъ также русскимъ крестьянскимъ способомъ, т.-е. самымъ подлиннымъ умерщвленіемъ плоти“. Такъ начинается свой рассказъ о Парамонѣ юродивомъ Гл. Успенскій. Интересная фигура этотъ юродивый — въ немъ и поэзія, и сила, и вѣра, глубокая, пламенная, т.-е., вѣриѣ, одна только вѣра, а въ ней — сила, въ ней — красота. Предметомъ его глубокой, его постоянной вѣры было будущее блаженство — предметъ всѣхъ его помысловъ, всѣхъ стремлений его души. Во имя этой вѣры въ будущее онъ отрекается отъ настоящаго, этой вѣрою живетъ, этой вѣрою силенъ и, воспламененный ею, даже дѣлается прекраснымъ. Въ минуты религиознаго восторга — „его обыкновенное, рябое, съ веснушками, мужичье лицо и его обыкновенные, маленькіе, блѣдые мужичьи глаза дѣлались истинно-прекрасными, до того прекрасными, ангельскими, что всѣ, какія бы то ни были при этомъ черствыя, сухія, охолодѣлыя души — всѣ чувствовали, хоть на мгновенье, пробужденіе чего-то дѣтски-радостнаго, чего-то легкаго, свѣтлаго, безконечнаго“.

Таковъ онъ, этотъ своеобразный русскій праведникъ, для котораго небесный міръ, населенный ангелами и святыми, несомнѣнно реальнѣе, ближе міра земного, и тѣмъ лучше для него, а рядомъ стоитъ этотъ другой міръ, да, именно другой, совсѣмъ другой, совсѣмъ чужой. Въ свою очередь, и люди этого міра сразу почувствовали въ немъ нѣчто высшее, постороннее, „не отъ міра сего“, т.-е. не отъ ихъ міра, сразу поняли, что „человѣкъ великъ, святъ, необыкновененъ“.

И забытой правдой, забытымъ раемъ повѣяло на нихъ — „и почувствовали радость чего-то новаго, незлого, свѣтлаго и высшего. Нѣчто *совсѣмъ постороннее* пришло, осчастливило, оторвало мысли отъ земли, по которой ползали ползкомъ, подняло уныло согнувшуюся голову къ небу и звѣздамъ“. То было сладкое чувство „ощущенія чего-то посторонняго земному и, несомнѣнно, великаго“. Вообще — „впечатлѣніе, произведенное имъ, было громадно“, громадно, потому что это въ заснувшихъ душахъ пробудилась *тоска по раю*, по раю, — гдѣ „ангелы, свѣтъ, облака — и ничего этого нѣтъ“ — ничего низкаго, земного. И пробудилась душа, хоть на мгновенье, потому что не умеръ Богъ въ сердцахъ людей“. И Богъ пробужденъ въ людскихъ душахъ „*безграмотнымъ*“ *мужикомъ*, но то былъ юродивый „*мужикъ - подвижникъ*“, и онъ шелъ „по дорогѣ въ небо, тогда какъ эти люди, къ которымъ пришелъ онъ, они „ползли въ какой-то темной, земной ямъ“. Вѣдныя! Имъ такъ и не удалось выбраться изъ этой „ямы“, а казалось... „Боже мой! Сколько открывалось новыхъ, небывалыхъ и немыслимыхъ до сихъ поръ перспективъ! *Рай, адъ, правда, совѣсть, подвиги*“... Но все это было слишкомъ, чересчуръ

новымъ, не имѣло связи со старымъ, а старое было такъ сильно. Новое и старое... Рай и земля... Стать новымъ человѣкомъ — да вѣдь это дѣлать духовный переворотъ, это—„рождение свыше“, „второе рождение“.

Вотъ къ чему стремился самъ и призывалъ другихъ юродивый, безграмотный мужикъ Парамонъ, т.-е. не Парамонъ, какъ отдѣльная личность, а Парамоны вообще—юродивые. Великая, святая миссія! Иной въ отвѣтъ вздохнетъ лишь о свѣтломъ раѣ, а иной и устремится на новый путь. Но и этотъ вздохъ—это вздохъ покаянія, а покаяние—начало возрождения, сознание своихъ обязанностей передъ чѣмъ-то высшимъ, а вмѣстѣ и сознание своего человѣческаго достоинства, сознание того, что „мы что-то должны“, и того, что „мы что-то можемъ“.

„Вотъ какія необыкновенныя ощущенія пришли въ наше почти совершенно утраченное сознание“, продолжаетъ Успенскій.—„Пришли и ушли... Но ужъ навѣки!“

Исчезло небо, забыть рай, а какъ было хорошо! „Никогда наша семья и мы (дѣти) не чувствовали такой близкой связи насъ всѣхъ съ высокими небомъ, и вообще никогда не было такой глубокой внутренней гармонии между Парамономъ, его молитвой, нашими мыслями, небесами... Хорошо былъ вечеръ“...

Передъ нами два юродивыхъ. Одинъ дополняетъ другого. О Гришѣ извѣстно мало, о Парамонѣ также немного, но все же нѣсколько больше. Да и къ чему знать больше? Какое значеніе имѣетъ біографія, т.-е. земныя отношенія, для людей „не отъ міра сего“. Здѣсь другое важно—святость и влияние этой святости, а остальное загадка, вѣдь въ юродивомъ всегда какая-то тайна. Вліяніе обоихъ юродивыхъ, такъ сказать, обоимъ ихъ личности, — очень велико, но Парамону суждено было вліять не на дѣтки лишь чистую душу. И свѣтлый образъ Парамона такъ же не забывается, не тускнѣетъ, какъ свѣтлый образъ Гриши. И снова — это тотъ же мужикъ Марей для Гл. Успенскаго:

„Я не забуду этой фигуры. Она припоминается мнѣ всякій разъ, когда жизнь, давъ хорошій урокъ, заставитъ задуматься хотя бы о томъ, отчего въ тебѣ нѣтъ того-то и того-то? *Корявый, необразованный, невѣжественный Парамонъ*, этотъ простецъ — святой въ такія минуты припоминается мнѣ“. Такъ и народъ не забывалъ своихъ юродивыхъ. Я иду, а предо мной встаетъ величавый, старинный храмъ. Воздвигнуть онъ въ честь Василія Блаженнаго, и въ немъ гробницы двухъ Христа ради юродивыхъ—Василія и Іоанна. То — соборъ Василія Блаженнаго, живой памятникъ старины, живая дань уваженія народнаго къ тѣмъ, кто во имя Христа принималъ на себя тяжелый подвигъ юродства. Гриша и Парамонъ юродивые странники, т.-е. люди, сравнительно вольные, но несравненно тяжелѣе былъ подвигъ юродства для монаховъ, и бывали юродивые и среди монаховъ. О нихъ говорить, напр., Немировичъ - Данченко, составившій любопытныя замѣтки о нѣкоторыхъ нашихъ монастыряхъ, при чемъ особенно интересовалъ его типъ монастырей, которые носятъ у него характерное названіе „*крестьянскаго, или мужицкаго царства*“.

Посмотримъ же, каковы здѣсь идеалы — народные идеалы, и какъ этотъ писатель относится къ идеаламъ народа. Кстати, такимъ образомъ,

переходимъ ко второй формѣ, въ которой проявляются идеалы народные—*къ монашеству.*

Женская обитель... „Тихая пристань“... Знаменскіи женскій монастырь *). И это — „крестьянское царство“; грамотныя или выучившіяся гѣнню крестьянскія дѣвицы уходятъ сюда, и лишь подѣхалъ Немировичъ-Данченко къ монастырю, а „навстрѣчу, стоя на полозьяхъ, ѣдетъ крестьянская баба, въ полушубкѣ и въ монашескомъ головномъ уборѣ“. А кучеръ поясняетъ: „Монахиня! Какъ трудится! Какъ трудится! Т.-е. до-бѣла. Иной мужикъ столько не сробитъ“. Оказалось, — бывшая помѣщица, но смиренная ради, въ нивелирующемъ крестьянскомъ царствѣ стала „крестьянской бабой“. Таково оно — крестьянское царство труда и смирения! Но это еще что! Есть характеры посильнѣе. И представляется путешественнику, какъ здѣсь „въ безсонныя ночи и трудные дни исходили кровью и слезами“, потому что „борьба въ одинокой кельѣ достается не легко, и подѣ черной рясой человѣкъ переживаетъ много драмъ“. Кто же эти подвижницы, эти твердыя духомъ, сильныя въ борьбѣ?

Вновь прибывшему монахини спѣшатъ показать свои достопримѣчательности; ихъ, увы, мало, но уже обязательно, и прежде всего, ведутъ на могилку „*матушки Меланьи*“, а ксати сообщаютъ и свѣдѣнія изъ жизни этой замѣчательной личности, которой гордится теперь монастырь. Безграмотная Меланья — какая сильная душа! Сколько пришлось перенести ей, пока успокоилась здѣсь, въ „тихой пристани!“ Да и какой то былъ покой? Но непреклонная воля, но горячая вѣра не сломились. Затворъ, юродство въ монастырѣ, а до того дома, — жестокіе побои за отказъ женихамъ и, наконецъ, лишения и труды монастырской жизни и потомъ — вмѣсто отдыха — полный и строгій затворъ, да къ тому же — злоба и зависть сестеръ, а въ отвѣтъ имъ — лишь смиренная молитва: „Ты еси терпѣливое мое, Господи, упование мое отъ юности моея“, — это ли не характеръ, это ли не сила въ простой, безграмотной дѣвушкѣ? И вотъ „она уже не боялась Бога, она Его любила“.

И выносить отсюда намъ писатель заключение о сильныхъ людяхъ, о крупныхъ типахъ за монастырскими стѣнами.

Побывалъ нашъ путешественникъ и на Св. Горахъ и здѣсь познакомился съ характерами сильными, нашелъ и здѣсь „характеръ упорный, настойчивый, презирающій внѣшнія условия, сбрасывающіи прочь всѣ препятствія“. Кто же это? Кого такъ выдѣляетъ авторъ? Такъ говоритъ онъ объ *Іоаннѣ Затворникѣ. Полуграмотный крестьянинъ*, изъ грубой, невѣжественной среды, гдѣ били за самое желаніе учиться, изъ суровой семьи попавши къ суровому мастеру, затѣмъ самъ зажиточный хозяинъ, наконецъ, уже подѣ 40 лѣтъ осуществивши дѣтскія мечты и ставши монахомъ, затѣмъ иеросхимонахъ и затворникъ, проведенный въ полномъ затворѣ цѣлыхъ 17 лѣтъ, — таковъ этотъ Іоаннъ, полуграмотный русский крестьянинъ.

Вотъ — „характеръ, питающийся лишениями и страданиями, укрѣпляющійся ими, какъ организмъ здоровую пищу; характеръ, какъ желѣзо въ горниль, твердѣющій подѣ молотомъ“.

*) На Ельцѣ.

„И это—не характеръ?“ Этимъ и закончимъ о Св. Горахъ и объ юродивыхъ.

Перенесемъ на сѣверъ.

„Крестыанское царство“... Валаамъ... „Дикія скалы“... „Молчаливые лѣса“... И иноки „строгие и суровые“... А въ прошломъ — рядъ бѣдствій и опасностей отъ иноземнаго врага. И „здѣсь монахи - мужики“... И „черезъ всю историю Валаама проходитъ одна замѣчательная черта. — „чисто-мужицкая, сильная, несокрушимая энергія“.

Здѣсь остановимся также на одной лишь личности.

Игуменъ Дамаскинъ, извѣстный здѣсь какъ создатель монастыря, „личность замѣчательная“. Онъ — „самый крупный представитель крестьянъ - дѣятелей, которыми отличаются наши сѣверныя обители, и наиболѣе полный типъ монаховъ - строителей“. Ему посвящена въ книгѣ отдѣльная глава. Уже у Юанна Затворника сквозь аскетическую жилку ярко просвѣчивалъ крестьянинъ-работникъ.

Въ Дамаскинѣ удивительно гармонично сочетается небесное и земное, аскетъ и хозяинъ. Въ немъ и смиреніе, и непреклонная воля, и трудолюбіе. Бывши простымъ монахомъ, онъ очень долго не гнушался самыми низкими послушаніями; ставъ игуменомъ — все подчинилъ себѣ; будучи крестьяниномъ, онъ и въ монастырѣ и на игуменскомъ мѣстѣ не забылъ уваженія къ самому простому, черному труду, однимъ словомъ, идеалы народа всегда жили въ немъ. Эти идеалы — смиреніе и трудъ. Здѣсь подошли мы къ идеаламъ народа нѣсколько съ другой стороны — со стороны, такъ сказать, болѣе житейской, но во главѣ угла и тутъ стоитъ вѣра; смиреніе — Бога-для и трудъ тоже какъ религиозный подвигъ, простота подобасть монаху, потому что онъ посвятилъ себя Богу. Вотъ могила схимонаха. „Чѣмъ же онъ замѣчательнъ былъ?“ спроситъ посѣтитель — и слышитъ въ отвѣтъ: „Своею простотою“. Вотъ и скитъ, вотъ и пустынный — „совсѣмъ чистая крестьянская душа“. Вотъ идеалы крестьянскаго царства, въ нихъ его сила.

И идутъ сюда простые русскіе богомольцы, и не теряется тѣсная связь народа съ монастыремъ. Приходить сюда народъ со своею мукой: кто съ совѣстью нищетъ примиренія, кто о нищетѣ своей скорбитъ. Нашему автору особенно симпатиченъ этотъ типъ богомольца — простая русская скорбящая душа, приходящая такъ довѣрчиво къ Богу. Особенно одинъ произвелъ на него впечатлѣніе: „Стоитъ въ соборѣ на колѣняхъ... Ни слова, даже губы молитвы не шепчутъ. Пристальный взглядъ уперся въ образъ Богоматери и не отрывается отъ него. Въ этомъ взглядѣ все: и надежда, и скорбь, и радость духовная, и тоска безмѣрная. Онъ не слышитъ богослуженія, въ немъ самомъ, очевидно, совершается свое священнодѣйствіе. А то вотъ цѣлая семья распростерлась и молится... Плачетъ баба, всѣмъ своимъ нутромъ плачетъ“. У нея горе: сына въ тюрьму угнали. И въ такомъ горѣ идетъ баба, идетъ мужикъ въ монастырь, къ угоднику, по обѣту или такъ. По обѣту же идутъ въ монастырь, обыкновенно на годъ, и даровые работники — „трудники“, или за себя дѣтей посылаютъ. То же и въ Соловкахъ. И сюда идутъ крестьяне - богомольцы, крестьяне-трудники, идутъ и за помощью, идутъ и со своею посильною лептою. Дальній сѣверъ... Бѣлое море...

Соловки... Крестьянское царство... Въ воспоминаняхъ пронесится прошлое, и чѣмъ-то самобытнымъ, непреклоннымъ, сильнымъ вѣсть на насъ. „Какъ Соловки на сѣверѣ, такъ и Валаамъ на западѣ, — одинъ среди чуди бѣлоглазой, другой среди корелы и финскаго племени — оба высоко держали свѣточъ русскаго народа и, ни разу не склонивъ, пронесли его черезъ вѣсколько вѣковъ“. И здѣсь видѣнный врагъ не щадилъ порою одинокаго монастыря на далекомъ сѣверѣ (и во дни раскола свои же войска осаждали его, но монахи безстрашно и твердо возстали на защиту того, что считали „правою вѣрой“). И природа сурова, и льдины, и море вокругъ, и трудъ, непрестанный, упорный трудъ — все закалило здѣсь волю и воздвигло „крестьянское царство“, сильное и могучее, и удивляется ему образованный путешественникъ, въ принципѣ вообще отрицающій монашество — Немировичъ-Данченко. И онъ говоритъ, что все, имъ видѣнное тамъ, заставляетъ его преклониться предъ умомъ и энергій нашего простолюдина, и думаетъ онъ о томъ, какъ много бы могъ сдѣлать тотъ же крестьянинъ, столь много потрудившійся здѣсь надъ созданиемъ этого крестьянскаго царства, если бы работалъ такъ же дружно, жилъ такую же сплоченною общиною, какъ здѣсь въ монастырѣ. Какой бы прекрасный хозяинъ вышелъ тогда изъ нашего простолюдина, — вотъ о чемъ думаетъ нашъ писатель. Но этого мало, народный идеаль выше; трудъ — лишь средство, не цѣль (единение людей — также не конечная цѣль). Что же движеть ихъ трудомъ, что объединяетъ ихъ? Идеалы небесные здѣсь вновь соприкасаются съ идеалами земными.

Самъ Немировичъ-Данченко, человекъ свѣтскій, замѣчаетъ это. Онъ пишетъ: „Огнямите Зосиму и Савватія у Соловецкой рабочей общины и Сергія и Германа у таковой же валаамской, и онѣ не простоятъ и дня“. И здѣсь — сильные характеры, непреклонная въ трудѣ и борьбѣ воля.

Но тамъ, на Валаамѣ, можетъ быть, это видѣне: сама природа — лѣса и скалы давятъ; „здѣсь кричатъ хлопотливыя чайки, тамъ же, тамъ — безлюдье кругомъ“. Какъ тутъ жилось, въ этой глуши лѣсной, „одинокому, особливо въ темныя ночи, когда тысячеглазая тѣма смотрѣла въ эту убогую лачугу сквозь одинокое оконце“.

Вообще же, вспоминая слова Спасителя, можно сказать заключительными словами книги: „Св. Горы: Моги въмѣстити — да въмѣститъ. Но нужны для этого *особыя силы* и великая жажда подвига“.

Что же сказать о связи народа съ монастыремъ?

Скажу словами того же автора, книги котораго я разбирала сейчасъ:

„Я видѣлъ много монастырей, и всѣ они имѣли подъ собою почву. Соловки, Валаамъ, Святыя Горы — не чужедныя растения, выросшія среди народа, и еще вопросъ, кто больше помогъ, они ему, или онъ имъ. Въ старое время — куда спасался крѣпостной, измученный рабъ, гдѣ онъ находилъ права и достоинство человекъ на Ладожскомъ озерѣ, или на Бѣломъ морѣ, на Валаамѣ, или въ Соловкахъ! Куда теперь уходитъ рабочій, и гдѣ его избрѣтательность, гений, если хотите, развертывается въ полномъ блескѣ — все тамъ же! Куда дѣваться ливенской или елецкой мѣщанкѣ отъ побоевъ отца, отъ пріятной перспективы драчливаго и пьянаго мужа, куда ей уйти изъ темнаго царства русской средней семьи? — Но это, такъ сказать, связь въ силу необходимости, это бѣгство отъ міра,

но не отъ радостей, а отъ скорбей міра, т.-е. это еще не отречение отъ міра.

Нѣтъ, этого мало, и самъ Немировичъ-Данченко замѣчаетъ, что „должно быть, идеалы аскетизма свѣтятъ народу, понятны ему, если онъ бѣжитъ сюда искать правды“. Но нельзя забывать и только что высказаннаго мнѣнія, что монастыри — „отрада для труждающихся и обремененныхъ“; тѣмъ болѣе не слѣдуетъ этого забывать, говоря о связи народа съ монастыремъ, что самъ народъ живо помнитъ объ этомъ и не только въ жизни, но и въ литературѣ.

Живой образъ человѣка, спасающагося отъ житейскихъ невгодъ, за грѣбкой стѣной монастыря, воспроизведенъ въ повѣсти: „Горе - Злосчастье“.

Горе житейское теряетъ надъ человѣкомъ власть, если потеряла надъ нимъ власть земля. — Изсушила молодца бѣдность да горе неотвязное; всюду, какъ тѣнь, слѣдуетъ оно за нимъ; тогда

„Спамятуеть молодець спасенный путь,
И оттолѣ молодець въ монастырь пошелъ постригаться,
А горе у Святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впередъ не привяжется“.

Вотъ въ чемъ для простой народной души „спасенный путь“. Вотъ! гдѣ спасеніе, единственное спасеніе отъ „Горя - Злосчастья“ неотвязнаго, которое такъ упорно, такъ настойчиво всюду слѣдуетъ за молодцомъ, но безсильно надъ монахомъ.

Гонимые этимъ Горемъ-Злосчастьемъ, идутъ въ монастырь странники и странницы, хотя и не всегда затѣмъ, чтобъ, какъ „добрый молодець“, остаться тамъ навсегда, но чтобъ получить хоть временное утѣшеніе и успокоеніе, а затѣмъ — бредутъ снова въ другіе монастыри, иные къ себѣ домой. Особенно же идутъ въ монастырь, гдѣ есть „старецъ“ - утѣшитель.

Лидія Черленовская.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

съ думой грустно-молчаливой,
Въ обаяннн мечты,
Я храню теперь ревннво
Подаренные цвѣты.

Пусть они уже завяли,
Чуть ихъ слышенъ ароматъ,—
Сколько радостной печали
Мнѣ они еще сулятъ!

Дни осенне настанутъ,
И раздастся вьюги стонъ,—
Навѣвать цвѣты мнѣ станутъ
Золотой весеннн сонъ:

Будто съ думой молчаливой,
Съ той же грезой о веснѣ,
Кто-то близкнй, кто-то милый
Вспоминаетъ обо мнѣ!

Ив. Гребенщнковъ.

К. С. Лебедевъ.

ВАЛДАЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Городъ Валдай стоитъ при станціи того же имени Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги и на шоссеиной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Когда подъѣзжаешь къ нему по желѣзной дорогѣ отъ Бологого (отъ Валдая до Бологого 48 верстъ), то городъ мало замѣтенъ: видна только часть построекъ; большая же часть города скрывается, имѣя сильный наклонъ къ востоку (къ Валдайскому озеру). Одна дорога отъ станціи къ городу лежитъ прямо мимо кладбища, — довольно красиваго уголка, особенно весною и лѣтомъ; красоту ему придаютъ зелень деревьевъ и каменная ограда; на кладбищѣ тамъ и сямъ свѣтятся огоньки лампадъ, на памятникахъ. Здѣсь стоятъ двѣ церкви: во имя свв. апп. Петра и Павла и другая—во имя св. пр. Іоакима и Анны. Первая довольно старая, вторая же недавно выстроенная.

Другой путь отъ вокзала къ городу лежитъ немного вправо отъ станціи, черезъ такъ называемую Солдатскую Слободку.

Городъ вообще невеликъ, такъ что длина его съ сѣвера на югъ немного болѣе 1 версты, а ширина различна.

Главную улицу его составляетъ шоссе, проходящее съ сѣвера на югъ и дѣлящее городъ на двѣ половины: верхнюю или западную и нижнюю — или восточную.

Всѣ остальные улицы идутъ или параллельно шоссе, или пересѣкаютъ его прямоугольно.

Если отъ станціи итти Солдатской Слободкой, то въ концѣ ея замѣтно съ правой стороны большое бѣлое зданіе земской

Валдай. Посадская улица.

Валдай. Базарная площадь и Соборъ.

больницы, а съ лѣвой стороны почти напротивъ — колокольный заводъ бр. Усачевыхъ.

У противоположнаго конца больницы съ лѣвой стороны на площадь выступаетъ кирпичное зданіе Валдайскаго вольнаго пожарнаго общества, верхній этажъ котораго отдается подъ вечера, спектакли (клуба въ городѣ нѣтъ).

Лѣвая сторона площади занята зданіемъ почтово-телеграфной конторы, рядомъ съ которымъ стоятъ остатки сгорѣвшаго дома.

Въ городѣ во многихъ еще мѣстахъ можно встрѣтить такіе же остатки сгорѣвшихъ зданій, слѣды часто посѣщавшихъ Валдай пожаровъ.

Съ правой же стороны площади расположенъ Лѣтний садъ, центральнымъ пунктомъ котораго является красивой архитектуры церковь св. Екатерины, бѣлѣющая среди окружающей ее зелени.

Въ лѣтнее и даже осеннее время садъ этотъ — главное мѣсто прогулокъ жителей.

Насупротивъ церкви расположенъ рядъ каменныхъ строеній бѣлаго цвѣта, занятыхъ присутственными мѣстами: казначействомъ, тюрьмой, полицейскимъ управленіемъ и т. д.

Изъ сада открывается прекрасный видъ на Валдайское озеро, на которомъ весною и осенью во множествѣ видны огоньки рыбаковъ, ловящихъ рыбу острогою.

Прямо противъ церкви стоитъ часовня Иверской Божіей Матери, принадлежащая Иверскому монастырю; по обѣимъ сторонамъ часовни разведены небольшіе бульварчики.

Влѣво отъ часовни стоитъ церковь Истоchnицы, построенная на мѣстѣ прежней деревянной, сгорѣвшей во время пожара.

Влѣво отъ нея находится другая часовня, поставленная земствомъ въ память спасенія царской семьи 17 октября 1888 г.

Въ сѣверномъ направленіи отъ нея, по шоссе, налѣво, стоитъ небольшое зданіе школы имени В. П. Острогорскаго.

При школѣ находится библиотека имени А. С. Пушкина, довольно впрочемъ небогатая.

Извѣстный педагогъ и писатель В. П. Острогорскій жилъ здѣсь по лѣтамъ, отдыхая отъ трудовъ, и устроилъ школу, которую въ настоящее время содержитъ «Общество попеченія о безплатной школѣ имени В. П. Острогорскаго».

Въ школѣ въ одной изъ классныхъ комнатъ виситъ портретъ В. П. Острогорскаго, а подъ нимъ небольшая витрина, гдѣ собраны всѣ произведенія В. П. Острогорскаго.

Немного далѣе на правой сторонѣ шоссе высится большое и красивое зданіе земской управы, лучшее во всемъ городѣ, построенное предсѣдателемъ ея А. А. Поповымъ.

Отсюда недалеко и городской Соборъ.

При спускѣ къ Собору съ правой стороны стоитъ зданіе Александровскаго женскаго 2-хл. училища.

Около Собора расположена большая рыночная площадь, на

Валдай.

Затопше.

Валдай.

Два брата Усачева.

которой торгъ производится по пятницамъ. Тутъ же находится больше всего лавокъ, а также устраивается и ярмарка.

Лѣвѣ Собора стоитъ церковь Введения Божіей Матери.

За Соборомъ расположено здание городского 3-хл. училища, а за нимъ, при спускѣ къ озеру, налѣво, стоитъ здание, гдѣ хранится катеръ, присланный въ Валдай императоромъ Александромъ II (ранѣе хранилась и лодка Александра II, на которой онъ, еще будучи наслѣдникомъ, ѣздилъ въ Валдайскій монастырь. Она сгорѣла во время пожара).

Здѣсь при озерѣ устроена пристань для освященія воды въ Крещение и другіе праздники.

Направъ отъ пристани расположенъ бульварчикъ, въ серединѣ котораго стоитъ небольшая часовня въ честь свв. апп. Петра и Павла, поставленная въ память пребыванія въ городѣ Петра Великаго въ Петровъ день. Бульварчикъ приводитъ къ пароходной пристани Иверскаго монастыря.

Вправо отъ бульварчика стоитъ деревянный домикъ сѣраго цвѣта съ садикомъ, принадлежавшій В. П. Острогорскому. На ближайшей площади находится здание уѣзднаго сѣзда, а немного далѣе — видна небольшая часовня Короцкаго женскаго монастыря, во имя Тихона Задонскаго.

Влѣво отъ сѣзда идетъ торговая Посадская улица, упирающаяся въ шоссе.

Осматривать въ городѣ больше почти и нечего.

Изъ мѣстныхъ производствъ славятся: колокольное и бараночное. Баранки продаются на рынкѣ по Посадской улицѣ (о нихъ упоминалъ еще Радищевъ въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву»). Валдайскіе же колокольчики изготовляются фирмою «Бр. Усачевыхъ».

Одинъ ихъ колокольный заводъ расположенъ недалеко отъ вѣзда въ городѣ (близъ земской больницы); другой же вблизи станции желѣзной дороги. Колокольчики продаются и въ kiosкѣ на станции.

Небольшой по величинѣ, храня въ себѣ мало историческаго, Валдай является лишь красивѣйшимъ уголкомъ Новгородской губ. благодаря своему расположенію, живописному виду на озеро и обилію зелени, въ которой онъ утопаетъ.

II.

О Валдаѣ впервые упоминается въ лѣтописяхъ въ 1495 году, какъ сообщаетъ прот. Михайловскій въ своей рѣчи по поводу «Столѣтія г. Валдая».

Когда Іоаннъ Грозный шелъ въ Новгородъ, чтобы наказать его за мнимую измѣну, по пути онъ раззорилъ и селеніе Валдай.

Въ 1602 году здѣсь отдыхалъ герцогъ Іоаннъ, братъ дат-

Валдай. Іверскій монастирь.

Валдай. Часовня Іверскаго монастиря в саромъ.

скаго короля, ѣхавши въ Москву для брака съ дочерью Бориса Годунова, Ксеней.

Въ 1611 году Валдай былъ разоренъ шведами, которые были призваны русскими противъ поляковъ, но обратили оружіе противъ самихъ же русскихъ.

Въ 1654 году 6 мая Валдай былъ приписанъ къ устраивавшемуся тогда Иверскому монастырю. При Алексѣѣ же Михайловичѣ сюда были переселены поляки, о чемъ сообщаетъ Радищевъ въ своемъ «Путешествіи», а при Петрѣ Великомъ сосланы стрѣльцы.

Съ того времени Валдай сталъ понемногу расширяться, украшаясь новыми храмами, такъ была сооружена деревянная церковь Живоноснаго Источника, обращенная изъ часовни, по преданію выстроенная стрѣльцами, и церкви: Троицкая, Никольская и Введенская.

Впоследствии были воздвигнуты уже каменные: Троицкая (теперешній Соборъ) и Введенская (существующая донынѣ).

Никольская же церковь, по ветхости, была разобрана, а другія сгорѣли.

Въ дальнѣйшей жизни Валдая заслуживаетъ вниманія день 22 июня 1754 года, когда жители села Зимогорья (селеніе въ 2 верстахъ отъ города къ югу), вздумали отнять у валдайцевъ землю, прилегающую къ Короцкому озеру, которую будто бы тѣ овладѣли неправильно.

Собравъ большую рать изъ ямскихъ сосѣднихъ селеній, зимогоры двинулись на валдайцевъ, за которыхъ вступился Иверскій монастырь. По преданію, произошла жаркая схватка, въ которой принимало участіе до 10.000 человекъ, вооруженныхъ чѣмъ попало.

Не мало участниковъ погибло въ этомъ побоище, но еще больше было раненыхъ и изувѣченныхъ. Зачинщики потомъ понесли суровое наказаніе, а прочіе помилованы по манифесту о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II.

Въ 1764 году жители Валдая, до этого времени принадлежавшіе Иверскому монастырю, были объявлены свободными, а въ 1772 году 17 июня Валдай обращенъ въ городъ. Съ этого времени городъ сталъ усиленно обстраиваться и заводитъ училища (сперва приходское, преобразованное въ 1828 году въ уѣздное, а потомъ городское 3-хлассное). Въ Лѣтнемъ саду возникли казенные каменные дома: одинъ изъ нихъ для пребыванія Высочайшихъ Особъ при проѣздѣ изъ Петербурга въ Москву, а другой — для судебныхъ и благотворительныхъ учрежденій.

Противъ этихъ зданій на средства Екатерины II была построена церковь св. Екатерины, основано кладбище, куда перевезена была церковь свв. Іоакима и Анны, купленная въ 1780 году у Иверскаго монастыря.

Благосостояніе города поддерживалось главнымъ образомъ

тѣмъ. что онъ стоялъ на шоссе, по которому всегда было много проѣзжающихъ изъ одной столицы въ другую, и ямщицкіи промыслы давали большіе доходы. Но онъ сразу былъ сильно подорванъ, съ открытіемъ движения по Николаевской желѣзной дорогѣ. Затѣмъ городъ посѣщали нѣсколько разъ пожары, изъ которыхъ первый произошелъ 6 августа 1854 года, когда жители провожали икону Иверской Божіей Матери въ село Зи-могорье.

Въ городѣ погибло тогда въ огнѣ больше 200 домовъ, Соборъ, верхній ярусъ Введенской церкви и много лавокъ. Черезъ 2 мѣсяца послѣ этого событія произошелъ и второй пожаръ, истребившій опять до 40 домовъ.

Въ 1881 году новымъ пожаромъ уничтожено также много построекъ. Посѣщали городъ и другія бѣдствія, какъ, напри-мѣръ, холера въ 1848 году, прекратившаяся лишь послѣ того, какъ жители съ крестнымъ ходомъ обнесли кругомъ города икону Иверской Божіей Матери, (взятую изъ Валдайскаго монастыря). Съ того времени въ память этого избавленія ежегодно 27 июня приносится изъ монастыря въ Валдаѣ икона Иверской Божіей Матери, которая и остается въ городѣ до 6 августа.

Слово «Валдаѣ» объясняютъ двояко: 1) по преданію около Валдайскаго озера жилъ въ давнія времена финнъ волхвъ—Валда, намять о которомъ съ теченіемъ времени исчезла, а имя перешло къ мѣстности; 2) другіе же объясняютъ такъ, что здѣсь была таможня для сбора пошлины съ проѣзжающихъ и товаровъ, а такъ какъ по этому пути прогоняли и гурты скота, то фраза: «вола дай» (въ видѣ пошлины) и дала будто бы имя городу.

III.

Нѣкоторыя окрестности города отличаются особенною красо-тою и живописностью. Къ нимъ принадлежитъ (верстахъ въ 2-хъ отъ города) озеро Высокодно, куда ведетъ хорошая дорога по насыпи желѣзной дороги.

Но главная достопримѣчательность и святыня этого края—Валдайскій Иверскій монастырь, лежащій (въ 3-хъ верстахъ отъ берега на одномъ изъ острововъ Валдайскаго озера.

Въ монастырь можно проѣхать на лодкѣ. Владѣльцы лодокъ живутъ по берегу озера. Подъ праздникъ и въ праздникъ рейсы совершаетъ монастырскій пароходъ.

Есть и сухопутная дорога въ монастырь, но болѣе дальняя въ объѣздъ озера (9 верстъ пути).

Величественное Валдайское озеро простирается въ длину на 25 верстъ; оно усаѣно рядомъ острововъ, съ растущимъ на нихъ прекраснымъ лѣсомъ; все это представляетъ живописную картину, на переднемъ планѣ которой ярко выступаютъ бѣлыя стѣны монастыря и рядъ прилегающихъ къ нему построекъ.

На одномъ изъ острововъ и находится монастырь, основанный святымъ патріархомъ Никономъ.

Изъ монастыря открывается восхитительный видъ на городъ.

Главный монастырскій Соборный храмъ во имя Успенія Божіей Матери, гдѣ за правымъ клиросомъ находится икона Иверской Божіей Матери, принесенная съ Афонской горы по желанію патріарха Никона; за лѣвымъ же клиросомъ почиваютъ въ ракъ мощи св. праведнаго Іакова Боровичскаго чудотворца.

Недалеко отъ иконы Иверской Божіей Матери хранятся въ ковчегахъ частицы свв. мощей: св. митрополита Петра, Алексія, Іоны, Филиппа и др. Святыхъ.

Второй теплый храмъ — во имя Богоявленія Господня, а надъ нимъ церковь Сошествія Св. Духа на Апостоловъ.

Въ братскомъ саду стоитъ церковь во имя св. пр. Іакова Боровичскаго.

Надъ внутренними монастырскими воротами есть еще церковь св. Архистратига Михаила, а надъ входными въ монастырь воротами церковь во имя св. Филиппа, митрополита московскаго.

Въ монастырской ризницѣ хранится много старинныхъ вещей.

Архимандритъ совершаетъ служение въ митрѣ, съ палицею, съ сулкомъ на коврѣ, рипидами и съ осѣнемемъ, при которомъ вмѣсто „Ис полла эти деспота“ поютъ: „Кирие, элейсонъ“.

Въ монастырѣ совершаются крестные ходы вокругъ обители съ иконою Божіей Матери: во вторникъ св. Пасхи, 25 марта и 21 мая, въ память возобновленія обители послѣ пожара.

Дорога изъ монастыря влѣво, вскорѣ вступающая въ лѣсъ, очень красива: по обѣимъ сторонамъ ея расположено озеро. Она приводитъ къ парому, который соединяетъ монастырскій островъ съ сухопутною дорогою въ городъ.

Близъ моста вѣтся лѣсная дорожка къ небольшой монастырской часовнѣ. Окружающая мѣстность очень красива.

По дорогѣ къ монастырю, слѣва, видна небольшая церковь.

Это — Затншье, тоже очень красивое мѣстечко на берегу Валдайскаго озера.

Когда ректоромъ петербургской семинари былъ архимандритъ Сергій, (впослѣдствіи епископъ Ямбургскій, викарій Петербургской митрополи и ректоръ Петербургской Академіи), то онъ устроилъ на этомъ мѣстѣ, уступленномъ ему городомъ, зданіе для школы и общежитія для студентовъ семинари сербовъ, болгаръ и др., которые не имѣли возможности, по дальности разстоянія, уѣзжать лѣтомъ въ каникулы на родину.

Здѣсь же епископъ Сергій поставилъ и себѣ небольшой домикъ, а вблизи и деревянную церковь, гдѣ служилъ лѣтомъ самъ, прѣзжая на время въ Валдаи для отдыха.

Неизвѣстно, сохранится ли все это, сооруженное съ такою любовью и стараніемъ, съ перемѣщемъ епископа Сергія въ Японию, гдѣ онъ назначенъ епископомъ Кіотосскимъ.

Въ Валдаѣ, такимъ образомъ, жили: В. П. Острогорскій,

епископъ Сергій, прїѣзжалъ по лѣтамъ же иногда І. І. Ясинскій, а также жилъ и романистъ Вс. С. Соловьевъ, домъ котораго сохранился и доселѣ на концѣ города за кузницами.

Въ 3-хъ верстахъ отъ Валдая за желѣзною дорогою расположенъ Короцкин женскій монастырь по берегу Короцкаго озера, въ верстѣ отъ котораго находится и село Короцкое.

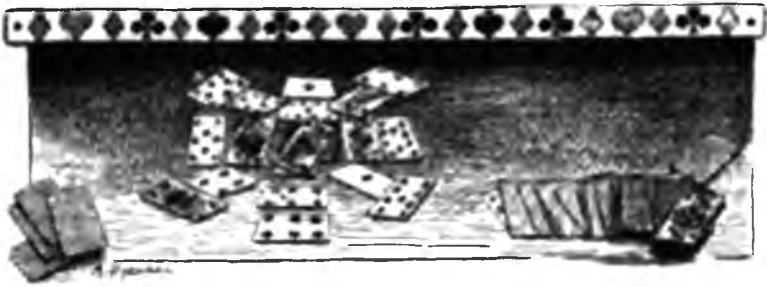
На пути въ село Короцкое встрѣчается, такъ называемая, Поклонная гора, съ которой открывается живописный видъ на городъ.

Село Короцкое было извѣстно еще во времена Никона. Въ немъ и тогда существовало двѣ церкви. Въ Никольской церкви былъ крещенъ сынъ мѣстнаго дьячка св. Тихонъ Воронежскій, который въ ней пѣлъ и читалъ будучи ребенкомъ. По окончаніи ученья онъ постригся въ монашество. Отсюда онъ былъ поставленъ на Воронежскую кафедру, проведя послѣдніе годы своей жизни на покой въ Задонскомъ монастырѣ.

Въ честь его и была устроена женская обитель св. Тихона.

К. Лебедевъ.

ДРУГУ-ВОРОЖЕЪ.

Если бь сердцемъ своимъ управлять я умѣлъ,
Какъ свѣча на вѣтру я тогда бь не горѣлъ;
Если бь счастьемъ считалъ не борьбу, а
покой—
За другихъ бы всю жизнь не томился тоской;
Если бь въ лютой нуждѣ не растратилъ я
силъ,
Если бь казни себѣ я въ душѣ не носилъ,
Если бь я не усталъ отъ неожиданныхъ потерь,—
Я бы не былъ еще инвалидомъ теперь,
И, пожалуй, повѣрить бы могъ ворожбѣ
О спокойной и свѣтлой—грядущей судьбѣ!
Брось гадать, добрый другъ, перестань воро-
жить:
Знаю самъ, что недолго осталось мнѣ жить!

А. Кругловъ.

НЕУДАВШЕЕСЯ

СВАТОВСТВО.

А. А. Макъ.

Разсказъ.

Какъ-то лѣтомъ я получилъ приглашеніе на свадьбу: священникъ сосѣдняго села выдавалъ дочь за сына соборнаго протоіерея. Гости съѣзжались со всего уѣзда.

Обѣдъ былъ чуть ли не изъ десятка разныхъ деревенскихъ яствъ; послѣ обѣда сразу же начались танцы, продолжавшіеся до ужина, — точнаго повторенія обѣда.

Наконецъ, когда всеобщее утомленіе сдѣлалось очевиднымъ, гости рѣшили дать отдыхъ хозяевамъ и начали прощаться, но ихъ не пустили.

— Куда вы? Да развѣ свадьба однимъ днемъ кончается?— возражали радушные хозяева.—Что вы, что вы!

Гости не протестовали и вскорѣ были размѣщены на почлегъ по комнатамъ, амбарамъ, кладовымъ и прочимъ хозяйственнымъ постройкамъ, могущимъ служить опочиwalней. Время близилось уже къ разсвѣту.

Помѣстившись на сѣновалѣ, наша компанія изъ нѣсколькихъ человѣкъ учащейся молодежи долго не могла заснуть: запахъ сѣна казался удушливымъ и крыша слишкомъ низкой.

— И дернула насъ нелегкая забраться на эту вышку!— замѣтилъ кто-то.

— Да, на „воздусѣхъ“ оказалось скверно, — замѣтилъ длинный семинаристъ:—А я было мечталъ, что, дескать, воспаримъ и прямо въ объятія Морфея.

— Жарко, — чихая на весь сѣноваль, согласился веснушчатый гимназистъ:—И потомъ эта труха въ носъ лѣзеть...

— Вотъ въ саду бы теперь превосходно, — сказалъ реалистъ:—Дышать легко и аромать яблочный.

— И солнце въ самые глаза.

— Ну такъ въ кладовой бы...

— Или въ ригу...

— Туда всѣхъ лошадей свели и работники тамъ.

— А кладовую дѣвьемъ набили, — вздохнувъ, съ сожалѣниемъ промолвилъ гимназистъ и добавилъ:—Покурить, развѣ, братцы?

— Да вы въ своемъ умѣ?!—воскликнулъ ветеринаръ:—Курить на сѣнѣ?

— Да вѣдь я только предложилъ: — отвѣтилъ сконфуженный гимназистъ:—Чего вы орете и горячитесь безъ толку?

— Лучше бы спали, чѣмъ ерунду пороть, — проворчалъ ветеринаръ.—А то и сами не спите и другимъ не даете.

Гимназистъ не возражалъ, и вскорѣ на сѣновалѣ воцарилась глубокая тишина.

— Охъ! — раздался вдругъ чей-то полузаглушенный стонъ.

— Кто тамъ?—крикнулъ гимназистъ.

— Это, должно быть, дѣвицы вздыхаютъ въ кладовой послѣ танцевъ, — попытался сострить длинный семинаристъ.

— Или какой-нибудь неудачникъ вздыхаетъ о дамѣ сердца.

— Пѣтъ, надо узнать кто тутъ, — заявилъ ветеринаръ:—Могутъ оказаться воры... Сейчасъ же весь сѣноваль переворочу и ужъ если отыщу кого-нибудь, такъ все ребра ему переломаяю!

— Пѣтъ, оно собственно зачѣмъ же-съ... Не извольте беспокоиться, это я-съ,—раздался нискливый голосокъ надъ нами.

Мы невольно подняли головы и при свѣтѣ пробивавшихся сквозь щели утреннихъ солнечныхъ лучей увидали лежащаго подъ самой крышей кругленькаго человѣчка съ тоненькими ножками и робкимъ взглядомъ бѣлесоватыхъ глазъ.

Незнакомцу, очевидно, было жарко: на лбу его крупными каплями выступилъ потъ и смочилъ длинныя косицы желтоватыхъ волосъ, лицо было красно и лоснилось.

— Это я-съ, — повторилъ смущенно онъ. — Извините, ежели напугалъ.

— Никто не испугался, а просто... неожиданность, — буркнулъ ветеринаръ.

— Кто это? — спросилъ я у него.

— Учитель изъ сосѣдней деревни... Кончилъ семи-

нарію и навѣки закись въ учителяхъ. Большой оригиналь... Онъ въ углу больше сидѣлъ, такъ вы его среди гостей и не замѣтили... По-моему онъ не совсѣмъ нормаленъ: мы съ нимъ рядомъ за ужиномъ сидѣли, такъ онъ прямо блаженненькій какой-то! Я чуть съ хохоту не умеръ.

— Я, собственно, не подумавши вздохнулъ и не предполагалъ, что можетъ произойти безпокойство, — продолжалъ незнакомецъ послѣ паузы.

— Пикто не тревожился, — отозвался ветеринарь. — А съ чего вы вздыхаете? Видно жарко тамъ на вышкѣ-то?

— Нѣтъ, я болѣе отъ чувствъ-съ, — окончательно смутился собесѣдникъ.

— Это оригинально! — замѣтилъ ветеринарь. — Что же у васъ за чувства?

— Зависть. Вотъ, хоть сейчасъ взять-съ: женился человекъ, невѣсту взялъ молодую, богатую, красивую, приходъ получить хоронши, священствовать будетъ, а я все бобыль-бобылемъ.

— Такъ вы бы посватались... — насмѣшливо подзадорилъ ветеринарь.

— Пробовалъ и даже неоднократно... Да только безъ толку. Неудачникомъ всегда я былъ, неудачникомъ и умру. Собственно, какъ я семинарію кончалъ, надеждъ у меня много было. Кончилъ я плохо, но сельскимъ священникомъ быть могъ бы, хотя я къ воспріятію сана особенной склонности не имѣлъ. Окончивъ свое семинарское ученье, пріѣхалъ я къ своей матушкѣ-дьячихѣ и при видѣ бѣдности ея вдовьей понять, что сидѣть безъ дѣла мнѣ не придется, ибо матери своей я буду въ тягость. Подаль въ отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта прошеніе о мѣстѣ учительскомъ, а пока что — къ нашему земскому начальнику письмоводителемъ поступилъ и сверхъ занятіи по письмоводству на себя наблюденіе за рабочими по сѣнокосу и жатвѣ принялъ. Проработалъ лѣто, скопилъ деньгу, обгардеробился и въ село учителемъ по осени поѣхалъ. Село большое, торговое, двѣ церкви, священниковъ трое, два дьякона и у всѣхъ семьи большія и дочери-невѣсты. Ну, какъ человекъ я молодой, такъ меня сейчасъ же всѣ къ себѣ звать начали и угощать со всякимъ радушемъ; а между тѣмъ и намеки дѣлать разные, чтобы мнѣ жениться. Я бы не прочь, потому тогда мнѣ въ духовный санъ дорога открытая и въ матеріальномъ отношеніи выгоды; отцы радуются и въ консисторіи о мѣстѣ хлопотать хотятъ, а женскии полъ на дыбы. — Какъ можно за учительшку итти, ежели студента или академика подцѣпить можно?! Эка невидаль сельской попадѣй въ глуши киснуть! Маменьки за ними тоже меня хаятъ: — И рохля, и дуракъ, и смиренникъ, и неучъ... Оно дѣйствительно, танцу я никогда не обучался,

женскаго пола избѣгалъ, разговоръ салонному обученъ не былъ и съ робостью по угламъ прятался, а потому ни въ комъ къ себѣ сочувствія не замѣчалъ и любовнаго чувства возбудить не могъ. Вижу, не подойду къ духовной братин, тронулся къ купечеству, но и тутъ мнѣ поворотъ отъ воротъ былъ. — У самого, — родители говорятъ: — ни гроша за душой нѣтъ, такъ къ нашимъ капиталамъ подбиваешься... Да и дщери купецкія открыто противъ меня высказались: — Была нужда съ голоду пухнуть въ селѣ бездоходномъ и свѣту не видѣть бѣлаго... Промаялся этакъ я зиму, а какъ сталъ къ Пасхѣ роднымъ поздравительныя письма писать, такъ своей тетенькѣ, что въ сосѣднемъ уѣздѣ просвирней сельской была, всю горестъ своего положенія и изобразилъ. Тронула слезница моя старушку и при великой радости своей въ самомъ непродолжительномъ времени получила я отъ нея цидулку съ сообщеніемъ, что нашла она мнѣ невѣсту подходящую, дочь священника ихняго. Красавица собой, умница и отецъ благочиннымъ, стало быть зятю мѣсто предоставить хорошее. Жениховъ у невѣсты этой — отбою не было, но всѣмъ она отказывала, потому что характеръ имѣла неукротимый и сойтись съ молодыми людьми не могла. — Тебѣ же, — писала тетенька: — страшиться нечего, потому какъ мужчина ты скромный и ей всегда покорись, а ей лишь властвовать охота. И скорѣй она телка такого, какъ ты, въ мужья себѣ избереть, чѣмъ какого себѣ супротивника. Вселила въ меня тетенька надежду на женитьбу и тотчасъ же послѣ экзаменовъ рѣшилъ я ѣхать смотрѣть невѣсту. Уложилъ пару платья въ чемоданишко, собрался въ дорогу и на возу съ моченцомъ, что знакомый купецъ въ ту сторону отправлялъ, потихоньку потрусилъ на смотрины. Полтора сутокъ на возу промаялся, разломало меня всего и какъ только я до тетенькина дома добрался и съ нею поздоровался, такъ на постель повалился и часовъ этакъ 18 проспалъ. Проснулся поздно. Тетка ужъ отъ обѣдни пришла и съ самоваромъ и свѣжими просфорами меня поджидаетъ. Пошли у насъ съ ней разговоры о томъ, какъ прежде жилось ей, когда дяденька покойный здѣсь священствовалъ, и какъ теперь жить приходится.

— Вотъ женишься, — говоритъ тетка: — тесть тебѣ мѣсто передать, а самъ „въ за-платъ“ выйдетъ, и снова мы свою фамилию въ епархіальныхъ читать будемъ.

— Такъ-то такъ, тетенька, — отвѣчаю я съ боязнью. — Да только пожелаетъ ли она замужъ выйти за меня?

— И не сомнѣвайся, — ободряетъ тетка. — Ей отъ родителя теперь житья не стало, какъ она сына ключаря отъ себя выставила... Дѣвица разборчивая, ежели правду говорить: семнадцать жениховъ уже было, ты по счету восемнадцатый будешь.

— Вот видите, тетенька,— возражаю съ недоувѣремъ.— Ежели она семнадцать прогнала, такъ почему же она меня избересть?

— А за скромность твою. Ты ужъ знай лишь покоряйся, а она всемъ править будетъ и тебя за собою вытащитъ. Отець ея на твоей сторонѣ, потому какъ робость твоя ему полюбилась, такъ ты лишь дочери понравиться старайся, а съ отцомъ дѣло само собою сладится.

— А красива она?— спрашиваю.

— Да ужъ навѣрное ты такихъ-то и не видалъ, — съ гордостью отвѣчаетъ тетушка:— Этакихъ-то красавиць поискать — не найдешь. Даже въ Москвѣ и то поди такихъ красавиць нѣту.

Разгорѣлся я отъ этихъ словъ. Приодѣлся, напوماдился и такимъ расфуфыреннымъ фертомъ да къ батюшкѣ. Представился ему, объяснилъ въ чемъ дѣло. Обошелся онъ со мной ласково и покровительственно.

— Очень,— говоритъ — былъ бы радъ видѣть васъ своимъ зятемъ, потому что съ дядюшкой вашимъ на одной партѣ долго въ семинарии сидѣлъ и отъ тетеньки вашей о васъ лестные отзывы слышалъ, но все дѣло въ дочери. Она у меня одна, ей съ вами жить, а не мнѣ, такъ ужъ рѣшайте дѣло вы между собою. Сейчасъ я вамъ пришлю ее, поговорите съ ней, присмотритесь и рѣшайте.

Сказалъ все это и въ другую комнату вышелъ, а на порогѣ моя преднолагаемая невѣста показала.

Конечно, въ красотѣ женской я не знатокъ, потому что женскаго пола избѣгалъ съ дѣтства, но признаться долженъ, что красоты она была изумительной и подобныхъ я не встрѣчалъ ни разу въ жизни. Высокая, румяная, глаза синие, глубокие, косы длинныя, густыя, пальца въ два шириной и ниже колѣнъ свѣшиваются; губы алныя, брови соболиныя и сама такая пышная, сильная.

Взглянулъ я на нее и чувствую, что у меня колѣнки дрожать, ноги подгибаются и языкъ отнялся.

А она смѣло такъ на меня посмотрѣла и прямо ко мнѣ подошла.

— Жениться,— говоритъ:— на мнѣ хотите? Ни разу не видали и уже полюбили такъ, что жить безъ меня не можете?

А сама улыбается такъ грустно.

— Папа велѣлъ показаться вамъ... Смотрите и оцѣнивайте. Прежнимъ женихамъ правилась... Что жъ, одобряете? Почему вы все молчите? Какой вы скромный... Или вы, быть можетъ, стѣсняетесь говорить въ домѣ, гдѣ вы въ первый разъ? Тогда выйдемте въ садъ.

Пошли. Разговоръ у насъ не вяжется: я ни слова сказать не могу и пустыми фразами отдѣлываюсь.

Дошли до конца сада и къ рѣчкѣ спустились. У плотика лодка привязана, челночек долбленный, одновесельный. Прыгнула она молча въ лодку, за ней я сѣлъ, весло въ руки взялъ и по теченью мы поплыли.

— Такъ правлюсь вамъ? — спрашиваетъ.

— Очень, — говорю.

— Стало быть вы меня любите.

— Люблю.

— И ради меня на все согласны?

— На что хотите, — отвѣчаю.

И чувствую, что въ самомъ дѣлѣ какъ будто отваги набрался.

— И если бы я въ воду бросилась, вы бы меня вытащили?

Сказала и пристально такъ на меня посмотрѣла.

Испугался я: вдругъ по-всамдѣлишнему кинется, такъ какъ бы въ отвѣтъ не быть.

— Нѣтъ, — отвѣчаю: — изъ воды я васъ не вытащилъ бы, потому плавать я не умѣю.

— Такъ я и знала! Сразу видно, что вы трусь и мокрая курица.

И, сказавши это, отвернулась отъ меня и сѣла въ поль-оборота.

А челночекъ-то попался намъ вертки и, прежде чѣмъ я опомниться успѣлъ, мы уже отъ рѣзкости ея движенья перевернулись и оба очутились въ водѣ.

Все на свѣтѣ я тутъ позабылъ, только бы въ живыхъ остаться и не потонуть. Спасибо за челнокъ уцѣпился и выплылъ, а шляпу мою новую такъ водой и унесло...

Оглянулся я на свою спутницу, чтобы узнать о ея участи, а она въ водѣ со мною рядомъ плыветъ, капли водяныя у нея въ волосахъ алмазами на солнцѣ горятъ и глаза блестятъ по-русалочьи.

— Надо, — говорить, — къ берегу плыть.

— Нѣтъ, — возражаю: — ужъ довольно того, что одинъ разъ я чуть жизни не утратилъ и только по благости Божией отъ смерти избавился... Костюма я теперь лишился, потому что онъ смогъ и виду прежняго имѣть не будетъ, а шляпа и совѣмъ сгнбла. Вторично тонуть я не желаю... Плывите себѣ къ бережку, а я останусь... Мимо села плыть буду, такъ авось мужички перехватятъ.

Ничего на это мнѣ не сказала она, а взяла меня словно щенка какого за шиворотъ, со мною до берега доплыла и меня на сушу поставила.

— Идите, — говорить: — домой и сушитесь... Теперь вы, надѣюсь, поняли, что мы другъ другу не пара?!

Повернулась ко мнѣ спиной и давай косы свои выжимать...

Не помню, какъ пробрался я къ тетенькѣ, въ сухое платье переодѣлся, мужичка подговорилъ и въ тотъ же день потихоньку задворками изъ села выѣхалъ. Тетенька ругала меня, что согласился на лодкѣ поѣхать и невѣсту упустилъ, да вѣдь кто же могъ думать, что меня на середкѣ рѣки искупаютъ?!

Сказывали, что отецъ благочинный обо мнѣ сожалѣлъ весьма, а дѣвица, меня выкупавшая, за улана, что по осени прѣхалъ лошадей скупать, замужъ вышла и въ Польшу съ нимъ уѣхала.

И разказчикъ тяжело вздохнувъ замолчалъ.

Всѣ хранили глубокое молчаніе... Ветеринаръ хотѣлъ что-то сказать, но только зѣвнулъ и перевернулся на другой бокъ. Гимназистъ, зарывшись съ головой въ сѣно, вздрагивалъ плечами отъ душившаго его смѣха...

А. Макъ.

ПЕРЕЖИТОЕ.

ЖИТЕЙСКІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ
ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XII *).

а Ярославскомъ вокзалѣ со мной произошло «приключеніе». Нужно было брать билетъ, а у меня не хватило 50 коп. Въ прошлую поѣздку на родину я попалъ еще въ болѣе худшее положеніе, но тогда меня въ Рыбинскѣ выручилъ землякъ-телеграфистъ.

Что же дѣлать было теперь? Къ кому обратиться въ Ярославлѣ? Я зналъ поэта Трефолева, но вѣдь не ѣхать же къ нему для займа полтинника! Да и когда ѣхать—если до поѣзда осталось всего полчаса. У меня мелькнула мысль: заложить серебряные часы... Но для этого опять-таки нужно было ѣхать въ городъ, — значитъ — оставаться до слѣдующаго поезда, т.-е. до другого дня!.. Въ недоумѣннн стоялъ я близъ кассы. Мнѣ вспомнился одинъ студентъ, который просилъ кассира «повѣрить ему» цѣлковый, и предлагалъ въ обезпеченіе «честное слово юриста». Кассиръ не повѣрилъ юристу. Почему же онъ повѣритъ «журналисту»? Въ то время, какъ я размышлялъ, ко мнѣ подо-

*) См. октябрь, стр. 73.

шелъ вологодскій купецъ П—ловъ, съ которымъ я впервые ѣхалъ изъ Вологды въ Петербургъ.

— Здравствуйте!.. Узнаете?

— Какъ же!

Мы обмѣнялись рукопожатіемъ.

— На родину?

— Да!

— Опять, значить, попутчики!

— Да... только... видите...

— Что такое?..

— У меня не хватаетъ рубля! — съ невольной краской въ лицѣ, промолвилъ я.

— Такъ чего же вы... Возьмите у меня... вотъ вамъ пять рублей...

— Зачѣмъ мнѣ столько! Довольно рубля. Я завтра же вамъ занесу на квартиру...

— Ладно, ладно. Я вѣдь и Настасью Васильевну, сестрицу вашу, знаю... осиротѣли вы съ нею. Уважаемая личность... степенная, богомольная... берите скорѣй билетъ-то... вы въ какомъ классѣ?

— Конечно въ 3-мъ.

— И превосходно. Я тоже въ третьемъ... Зря деньги бросать на второй: не долго ѣхать-то... и днемъ... Въ одинъ вагончикъ сядемъ... и поговоримъ... О Питерѣ поразскажете мнѣ... о своемъ житьѣ-бытьѣ.

Черезъ полчаса мы уже ѣхали въ Вологду и бесѣдовали «по душамъ».

— Такъ вы не служите? — говорилъ П—ловъ. Что же: ваше дѣло тоже какъ бы и служба... только... не обезпеченная... вотъ плохо! А развѣ нельзя служить и сочинять? Я вотъ читалъ о баснописцѣ Крыловѣ: онъ басни сочинялъ и... въ Императорской библиотекѣ служилъ.

— Конечно, можно, отвѣтилъ я.. Отъ такой службы и я не отказался бы... Но въ Императорскую Публичную библиотеку попасть трудно... А бумаги переписывать въ канцеляри — не хочется.

— Такъ, такъ... Точно это не очень интересно... хотя какъ сказать: сначала переписывать, а потомъ... и подписывать... хе, хе, хе!.. По ступенькамъ!

— Долго ждать.

— Надо имѣть терпѣніе... А впрочемъ, къ чему сердце лежить!

— Оно лежить у меня къ литературѣ.

— А кушать-то надо?.. Хе, хе, хе!.. На голодный желудокъ и стишокъ на умъ не пойдетъ... Знаете, А. В: вотъ господа все на службу наравяють... а чтобы свое дѣло начать... ну, торговлю какую, ремесло. Положимъ, у васъ бы своя лавка была: вы торгуйте и сочиняйте!..

— Не лежить сердце!

— Такъ. А мнѣ вотъ что думается: привыкли господа да чиновники беззаботно жить: пришло 20-е число — извольте получить!.. Ну, а при своемъ дѣлѣ — надо заботиться, да думать: какъ бы не въ убытокъ... смѣтка нужна... А господа къ этому не свычны.

— Теперь и господа ведутъ дѣла...

— Рѣдко! Вотъ и у насъ дворянинъ бумажную торговлю открылъ... да долго ли выдержать!.. А вы не думаете на родину вернуться... на жительство?

— Вотъ выберусь на дорогу — видно будетъ. Теперь надо быть въ центрѣ.

— Къ дѣлу поближе! Резонть!.. А вы стишокъ какой-нибудь мнѣ прочтите своего сочинения... можно?

Я улыбнулся и прочелъ стихотвореніе, посвященное памяти матери.

— Хорошо-съ! Очень чувствительно!.. Вы все такіе и сочиняете? али и смѣшное что-нибудь тоже?.. Забавно иногда пишуць... нахохочешься!

— Случается... но мало.

— Случается? А не прочтете?

Я прочелъ ему «Размышленіе чиновника», напечатанное въ маленькой газеткѣ.

П—ловъ остался доволенъ.

— Ловко прохватили чиновниковъ! Хе, хе, хе!

— Я не прохватывалъ. Это просто...

— Ну, ну, — мораль... критика... мы понимаемъ! — перебилъ купецъ.

Я не сталъ спорить.

XIII.

Мнѣ стало грустно съ первой же минуты, какъ я прѣхалъ въ Вологду. Садясь на извозчика, я подумалъ: «прѣду — и не встрѣчу уже мамы». Я очень любилъ мать, но по сангвиническому своему характеру, поглощенный работами, массою разнородныхъ впечатлѣній въ Петербургѣ, я только временно возвращался думами къ прошлому, вспоминалъ матушку, — но всякій разъ, когда вспоминалъ, — сердце охватывала тоска. Сначала острая, жгучая, — потомъ какъ бы ослабленная, но щемящая. Мысль отвлекалась жизнью отъ прошлаго, и образъ матери уходилъ куда-то... Бывали минуты острой боли и тоски, — какъ это случилось разъ въ церкви, на чужой панихидѣ. Мнѣ вдругъ вспомнилось все далекое: какъ я молился съ матерью за ранними обѣднями, и какъ она читала мнѣ — ребенку, о Христѣ и Святыхъ... Предстала предо мною, созданная воображеніемъ, картина отпѣванія матушки, — и я не могъ сдержатъ рыданій. Молившиеся могли подумать, что я плачу о тѣхъ, по комъ служилась панихида. Но мысли мои были далеко отъ храма, въ которомъ я стоялъ. Всегда, когда я вспоминалъ покойную матушку, сердце мое наполнялось не только тоскою, но и мучительнымъ сознаніемъ о той боли, какую я причинилъ ей своими вздорными рѣчами и вообще кратковременной перемѣной, которая произошла во мнѣ подъ вліяніемъ «кружковъ». Я вдругъ проникалъ въ глубину этой скорби матушки, терзался и... плакалъ о томъ, что не могу уже выпросить у нея прощенья, утѣшить ее, сказать: «родная, я раскаялся, я уже не тотъ, я уже прежній... я люблю все то, что и ты любила, вѣрю какъ и ты... прости!» Слезы облегчали меня.

Но все это, всколыхнувшись въ душѣ, постепенно осѣдало и замирало. Опять тянулась обычная жизнь, полная повседнежнаго труда, хлопотъ, заботъ, волненій, грѣховной суеты — такъ далекой всего того, о чемъ бесѣдовала матушка со мной — ребенкомъ, о чемъ пробуждалась тоска по временамъ, и къ чему приближалась душа въ минуты творческаго подъема, въ минуты вдохновенія. Эти минуты —

спасительные маяки, освѣжающе оазисы для души, которая безъ нихъ совсѣмъ бы засохла и погибла. За эти минуты долженъ благодарить небо каждый писатель, ибо эти «взлеты» не дають навсегда забыть неба, напоминають хотя изрѣдка среди земныхъ пѣсенъ — звуки небесныхъ пѣснопѣній. Вѣдь потому онѣ, эти минуты *писательскаго подъема* — помогаютъ и *подъему человѣческому*. Въ одинъ изъ такихъ подъемовъ — въ 1976 г. я *стосковался* о дѣтствѣ, и потянуло меня на родину, къ могилкѣ, скрывшей въ себѣ ту, которая наполнила душу ребенка изъ источника евангельской любви. И я поѣхалъ въ Вологду, гдѣ остались еще живы мои сестры и няня, — которая любила меня какъ родная мать. Дорогою влекшее меня чувство куда-то глубоко спряталось. Но вотъ я очутился на вологодскомъ вокзалѣ, — поѣхалъ домой (въ эту минуту мнѣ казалось, что *мои домъ* не въ Петербургѣ, а опять *зотъсь*), и все снова воскресло въ душѣ моей, — жгучая тоска охватила сердце. «Не встрѣтить ужъ меня мама»... Съ этою мыслью я подѣхалъ къ низенькому домику, въ которомъ сестра нанимала маленькую квартирку. Сестры не было дома, — и меня встрѣтила няня.

— Батюшки, ты какъ это? Вѣдь и не писалъ, что приѣдешь!

Старуха была обрадована, но и изумлена. До того изумлена, что стояла неподвижно на мѣстѣ, какъ бы не желая здороваться:

— Да здравствуй же, няня! — воскликнуть я.

— Почему не написалъ-то, что приѣдешь? — Повторила она, обнимая меня.

— Развѣ это важно?

— Ну, вотъ и не встрѣтила сестра... ушла въ гости.

— И отлично. Вѣдь и безъ нея чаемъ напоишь?

— Чего еще скажешь! И поужинать есть что... не разносолы... не то, что у васъ въ Питерѣ, а щи есть и картошка въ маслѣ... не взыщи: мы теперь сироты... Барышнѣ еще пенсии не вышло... туго приходится...

— Э, да такихъ щей, какія ты варишь, я и въ Питерѣ не ѣлъ... Давай щей!

Я осмотрѣлся.

— Что: тѣсно, низко?

— Да, та квартира была лучше!

— Слава Богу, что и за эту есть чѣмъ заплатить... шутка сказать: чуть не годъ безъ получки... продавать приходится... чѣмъ жить-то?

— Но вѣдь пенсія выйдетъ?

— Когда еще выйдетъ... а барышня — больная... отъ смерти-то барыни и совѣмъ разстроилась... не веселить все... Катерина Васильевна (моя младшая сестра) не ахти какъ живетъ... въ селѣ вѣдь мужъ-то служить. Это послѣ прежняго-то мѣста — на какихъ лошадахъ ѣздили, какъ управляющимъ-то былъ... а теперь на-ка... Да и о тебѣ кручинится... что твое дѣло: не служба... поди, всяко приходится? или хорошо теперь? Правду говори, не бахвалься!

Она произносила все это, собирая на столъ посуду и ставя самоваръ.

— Много ли денегъ-то съ собой привезъ? Чай, красненькой въ карманѣ нѣтъ!

Она съ тревогой взглянула на меня.

— Въ карманѣ у меня двугривенный всего... Да и тотъ не мой.

— Какъ такъ?

— А такъ! Дорогой занялъ у П—ва цѣлковый...

— Вотъ такъ питерякъ приѣхалъ!.. А мы ждали подарковъ питерскихъ!

Я невольно покраснѣлъ.

— Да ты не въ серьезъ принимай... шучу вѣдь! — поспѣшила успокоить няня. — Какіе подарки!.. Самъ вмѣсто подарка!.. А надолго къ намъ?

— Не знаю. Съ мѣсяцъ, поживу, думаю!

— П полно! — сказала няня, махнувъ рукою: — не усидишь... соскучишься по Питеру... по своимъ дружкамъ... Съ нами старухами что тебѣ дѣлать... ну, повидалъ, а тамъ и улетишь!

— Да нѣтъ же... я на могилку къ мамѣ!

— Это хорошо. И крѣпко же любила тебя покойница... все о тебѣ спрашивала въ бреду... Съ чего-то ей пришло въ голову, что тебя схватили... Плачетъ, и плачетъ. Мы ужъ успокоили ее: письмо ложное читали... Сама-то не могла... дали ей твое старое письмо, а она и вѣритъ... Охъ,

голубчикъ, молиться и молиться тебѣ надо за мать... никто тебя такъ любить не будетъ... и ты ее такъ не любишь...

— Неправда! Я любилъ и люблю маму! — воскликнулъ я.

Сердце мое заняло отъ боли, и слезы выступили на глазахъ.

— Да я не въ томъ смыслѣ, родной... конечно любишь какъ же иначе... Да ты человекъ молодой, ну, и мало ли у тебя кто еще... своя жизнь новая... а у нея ты одинъ! Барышня здѣсь, а ты далеко... о тебѣ и кручинилась. Не сердись, голубчикъ: а дѣтямъ не понять родительской печали... молоды... еще мало видали всего и чувствъ тѣхъ нѣтъ... Мать-то всегда крѣпче любить... Тебѣ тамъ и за-вертѣться легко... и дума о матери выскочить, а она все о дѣтяхъ...

Няня вздохнула.

Мнѣ стало очень тяжело. Я невольно сознавалъ, что доля правды въ словахъ няни была.

— Ъшь же... хорошия щи!

— Не хочется, няня!

— Ну, вотъ... растревожила я тебя, глупая... Прости! Тебѣ жить надо, а мертвыхъ не воротить!..

Она помолчала и спросила:

— Плохо живется то тебѣ?

— Всяко...

— Да ты бы сюда ѣхалъ. Поступай на службу. Хоть и маленькое жалованье, да прочно.

— Нѣтъ, няня... тамъ надо выбиваться!

— А выбьешься?

— Богъ дастъ, выбьюсь!

— Хорошо, что на Бога надѣешься!.. Молись, родной! Онъ сиротамъ помощникъ... Мать-то тамъ о тебѣ молится... Ну, ладно, когда такъ... а только береги себя... ты, какъ будто, похудѣлъ еще.

— Это пустяки, поправлюсь лѣтомъ.

— Эхъ, напрасно ты не пошелъ по ученой части... Отецъ служилъ... вонъ и пенсью за его службу давали барынѣ, да и барышнѣ по-болѣзни дадутъ... а ты что? Заболѣй — и куда дѣнешься?.. Сочинители все въ бѣдности помирають... и могилы безъ креста... помнишь, самъ читалъ мнѣ въ книжкѣ!

— А ты помнишь?

Набережная р. Вологды.

Церковь.
Икона Дмитрия.

Церковь
Дмитрия Чудотворца

— Помню... и все тебя жалѣю.

— А Батюшкова-то забыла? Ему какую пенсию дали!

— Батюшковъ-то хорошо получалъ, чрезъ него и Гревенцу было тепло... Да вѣдь Батюшковъ-то былъ помѣшанный.

— Не за помѣшательство же ему дали!—съ невольной улыбкой сказалъ я.

— Извѣстно, заслужилъ. Да вотъ, говорили, по болѣзни ему и давали... служить ужъ не могъ, а раньше-то служилъ... А ты гдѣ служилъ? И ужли только тѣмъ сочинителямъ даюгъ, которые помѣшались?

Я расхохотался.

— Смѣйся, смѣйся! — не безъ обиды промолвила няня, — а только не слыхать, что бы сочинители были богаты... Вона здѣсь Шелгуновъ жилъ... ссыльный! Не очень то нашего брата чтуть...

— А Пушкинъ-то? А Некрасовъ? У Некрасова имѣше свое..

— Знать, отъ родителейъ осталось... А Пушкинъ что... барышня читала: тоже ссылали его куда то... а потомъ и убили на дуэли...

— Дуэль-то при чемъ?

— А при томъ, что, значить... ну, я не понимаю... гдѣ мнѣ ваши дѣла понимать... а только какое это занятіе, если ты изъ Питера—безъ гроша заявился... и теперь еще барышнѣ надо тебѣ же денегъ давать. Вонъ у кумы сынъ-то въ приказчикахъ, и то какие подарки посылаетъ!

— погоди, и я буду посылать!

— Жди... умру я раньше. Да ты не думай, — опять поспѣшила поправиться няня, — что я на дары твои зарюсь. Богъ съ ними! Я за тебя кручинюсь... за тебя больно. Умомъ тебя Богъ не обидѣлъ, вонъ сочиняешь... такъ выдумываешь, что и не приберешь... а денегъ нѣту!

— Будутъ, няня, будутъ!

— Ну, дай Богъ... пора бы! Да что же ты не ѣшь-то?

— Не хочу... Давай чаю!

— Ну, вотъ... то щей хочу, то не надо... капризанъ какой!

— И не по чину?

— Извѣстно, —уже съ любовной улыбкой промолвила ня-

ня...—не персона какая... безчиновный! Э, да вонъ и сестрица твоя идетъ... то-то удивится... Ты ее сразу-то не озадачь, что съ двугривеннымъ пріѣхалъ, да и то не твой! И такъ она въ печаляхъ... а тутъ еще вотъ...

Въ дверь уже входила сестра.

— Сапа!

— Принимайте гостя... Что снѣтъ на голову... не писаль да и прикатиль!—сказала няня.

Мы поздоровались.

— Вотъ какъ я теперь живу, — промолвила сестра, со слезами въ голосѣ. — Все еще пенси нѣтъ... Серебро продаю... Надо жить-то... Ты какъ?

Няня погрозила мнѣ пальцемъ за спиной сестры.

— Ничего, слава Богу! — отвѣтилъ я.

— Пойдешь на кладбище-то завтра?

— Конечно... Для чего и пріѣхалъ! — воскликнулъ я.

— Сходи, сходи... мама тебя больше всѣхъ любила... и умирая все о тебѣ бредила... Поживешь у насъ-то?

— Поживу...

— Не служишь нигдѣ вѣдь... человекъ ты свободный... Ну, завтра побесѣдуемъ... Поди, усталъ съ дороги... И я спать хочу. На полу тебѣ спать придется... тѣсно... Постелимъ на полу...

— Все равно... не безпокойся.

Легли мы рапо, но я долго не могъ заснуть... Мысли и думы вереницей проносились въ головѣ.

XIV.

На другой день мы отправились съ сестрой на Введенское кладбище къ обѣднѣ, чтобы послѣ нея отслужить панихиду на могилкѣ матушки. Утромъ, до обѣдни, у насъ съ сестрою произошелъ такой разговоръ:

— Ты не плати... я заплачу за панихиду! — сказала она: — гдѣ тебѣ тратиться... лишнихъ у тебя нѣту.

— Какая богачка, подумаешь сама-то, — проворчала няня: — и за брата платить готова и сестрѣ даетъ. Съ чѣмъ останешься-то?

— Богъ поможетъ... а Сапѣ назадъ ѣхать надо.

— Все-таки, по матери-то слѣдуетъ ему отслужить панихиду... не вѣсть какія деньги... и помянуть надо.

Я взглянулъ на няню съ недоумѣніемъ. Она мигала мнѣ. Я не понималъ ея знаковъ, но промолчалъ.

Когда послѣ утренняго чая стали собираться на кладбище, няня вызвала меня въ кухню и, суя мнѣ трехрублевку, шепнула:

— Возьми... опосля вышлешь... какъ будто въ подарокъ... Смотри только—не проговорись барышнѣ.

— Что ты, няня...

— Ну, ну... не спорить... стыдъ какой: безъ гроша, почи-тай... Надо же П—ву цѣлковый отдать, а сестру нечего печалить... исподоволь можно все объявить...

— Мнѣ, можетъ быть, сюда вышлютъ.

— И хорошо... а теперь бери, да отправляйтесь на кладбище, а то и помянуть опоздаете.

Кладбищенская церковь пробудила во мнѣ много воспоминаній. Сюда мальчиками бѣгали мы—я и мой товарищъ по гимнази, Алеша Глушицкій—читать часы и шестопсалміе. Кто раньше явится—того и право читать. Каждый изъ насъ старался встать раньше и притти первымъ. Помню, какъ-то разъ, увидѣвъ товарища, шедшаго уже въ церковь, я кинулся туда же кратчайшимъ путемъ и такъ быстро бѣжалъ, что запыхался и едва могъ перевести духъ, войдя на клиросъ. Въ другой разъ мы бѣжали буквально на перегонки, и я былъ уже впереди, но споткнулся, упалъ—и этимъ воспользовался Алеша. Явившись на клиросъ, я засталъ товарища уже за книгой. Онъ ликовалъ.

Стоя теперь въ церкви, я какъ бы видѣлъ себя и Алешу такими, какими мы были тогда. И вотъ отъ *этого* мои мысли перенеслись въ квартиру, гдѣ жили мы всѣ. И вдругъ мнѣ показалось, что все старое вернулось, т. е. не совсѣмъ такъ, какъ было, но: мама жива, и я послѣ обѣдни пойду домой—и мы съ ней будемъ пить чай. Я весь отдался воспоминаніямъ и... вдругъ возгласъ дьякона: «Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго...»—вернулъ меня къ дѣйствительности.

Послѣ обѣдни мы пошли на могилу.

И какое-то странное чувство овладѣло мною. Я въ упоръ глядѣлъ на могилу, а въ мозгу, словно гвоздь, засѣла

одна мысль: «здѣсь она... здѣсь она... но вѣдь она не только здѣсь, вотъ въ этой ямѣ, подъ крестомъ, но... и здѣсь, около насъ — невидимо». Мнѣ почудился ея голосъ... вырисовалось ея лицо. «Со святыми упокой!» И все разлетѣлось. Съ рѣзкой болью сжалось сердце, я опустил-ся на колѣни и началъ молиться. Съ каждой секундой мнѣ становилось легче... даже радостнѣе, именно радостнѣе. И опять невольная мысль: «мы въ гостяхъ у мамы»... Словно отвѣчая на мои думы, сестра шепнула мнѣ: «вотъ и мы у ней погостили».

Панихида кончилась; священникъ, сказавъ что-то сестрѣ, освѣдомился по приличію о томъ, какъ я живу и бросивъ: «погостите... походите на могилку маменьки», — раскланялся, и удалился.

XV.

Черезъ день я былъ у обѣдни въ церкви Димитрія Чудотворца на набережной. Попалъ я къ обѣднѣ совершенно случайно: отправился прогуляться и, проходя мимо храма, вспомнилъ какъ прежде, въ дѣтскіе годы, ходилъ я сюда съ мамой къ церковнымъ службамъ. Меня потянуло зайти въ храмъ. Пѣли не важно, — да пѣние для меня и не имѣло значенія. Я хотѣлъ побыть тамъ, гдѣ прежде стоялъ за обѣднями съ мамой. Я даже вспомнилъ мѣсто, гдѣ она любила становиться. Припомнились разныя детали; почти всю обѣдню я простоялъ, отдавшись во власть воспоминаній. Вернувшись домой, я сказалъ, что былъ у обѣдни, въ церкви Димитрія Чудотворца.

— Вотъ это хорошо, — одобрила няня.

— Въ Петербургѣ-то навѣрное и не ходишь въ церковь! — замѣтила сестра.

— Рѣдко, но хожу! — сказалъ я.

— А ты ходи чаще, — наставительно промолвила няня: — молитва за Богомъ не пропадетъ. Теперь-то и ходишь тебѣ, пока молодъ. Потомъ и захотѣлъ бы сходить, да старость и болѣзнь помѣшаютъ.

— До старости далеко, няня.

— А до болѣзни — Богъ знаетъ, со вздохомъ прогово-

рила она, — а ты не лѣнись... Ужли дурь-то прежняя не сошла... Али и въ Питерѣ дружки-то что и здѣсь?

— Сошла, няня, сошла!

— То-то... Маленькій-то какой былъ богомольный... не удержать, бывало, самъ въ церковь рвешься. Потомъ пріятели непутевые сбили съ толку... а коли поумнѣлъ и слава Богу! Не сердись на няньку... добра желаю тебѣ. Потомъ самъ поймешь все...

Я еще раза два былъ въ церкви Димитрія Чудотворца и на кладбищѣ... О, какъ сильно говоритъ могила сердцу. Недаромъ посѣщаютъ могилы, гдѣ погребено только тѣло. Но здѣсь именно, у могилы — яснѣе всего чувствуешь, что духъ не выдумка. Можетъ быть, это чувствуютъ не всѣ... но я сужу по себѣ. На кладбищѣ у меня всегда какъ-то сильнѣе возрождалась вѣра, и я ощущалъ близко, около себя невидимое присутствие отошедшихъ, — не умершихъ, а именно только отошедшихъ въ иной міръ, связь съ которыми не прервана.

На десятый день моего пребывания въ Вологдѣ, я получилъ письмо отъ Александры Алексѣевны и Вѣры Дмитриевны. Онѣ сообщали разныя новости и спрашивали: скоро ли я вернусь. Это письмо вызвало какую-то грусть во мнѣ, — и меня потянуло въ Питеръ. Два дня я боролся съ охватившимъ меня настроеніемъ, чувствуя себя какимъ-то «расколотымъ»: и хотѣлось побыть со своими, и какая-то сила тянула меня въ Петербургъ, охватывая сердце щемящей тоскою. Мнѣ становилось душно...

— Сестра, ѣду въ Петербургъ! — объявилъ я за обѣдомъ.

— Я такъ и думала, что не поживешь долго! — сказала она. — Ну, да спасибо и за то, что показался... Гдѣ тебѣ долго жить... послѣ Петербурга здѣсь скучно.

— Я на будущее лѣто опять приѣду!

— Кто еще до того лѣта доживетъ, родной! — замѣтила няня... Вона маменька-то... и не дожила... думала тоже «на будущее лѣто приѣдетъ сыночекъ»...

— Зачѣмъ ты такъ, няня...

— Я родной, ничего... Всѣ подъ Богомъ ходимъ.

Я посѣтилъ еще разъ могилу мамы. Мнѣ стало больно, что я скоро уѣзжаю... и я пробовалъ остаться, но... не-

смогъ: меня тянуло туда, гдѣ мой домъ. Я уѣхалъ занявъ денегъ на дорогу у родственника Л. В. Ч—аго. Сестру я не хотѣлъ тревожить. Но она все равно узнала: Ч—й сообщилъ ей о займѣ послѣ моего отъѣзда.

Въ Петербургѣ меня ждала обычная жизнь. Вскорѣ я сошелся съ редакціей «Пчелы». Дальнѣйшее уже мною описано. Извиняюсь за перескокъ въ послѣдовательномъ разсказѣ. Такое отступление объясняется тѣмъ, что я не думалъ подробно останавливаться на поѣздкѣ въ Вологду,— но найдя случайно отрывки изъ дневника за то время, я по краткимъ намѣткамъ-записямъ возстановилъ этотъ эпизодъ, находя его не лишнимъ въ цѣпи моихъ воспоминаній.

А. Кругловъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПАМЯТИ М. В. ЛОМОНОСОВА.

(1711 — 1911 г.)

I.

8-го ноября 1911 г. исполняется 200 лѣтъ со дня рожденія отца русской науки, Михаила Васильевича Ломоносова.

Ломоносовъ родился въ деревнѣ Денисовской, на островѣ рѣки Сѣверной Двины, недалеко отъ г. Холмогоръ, 8 ноября 1711 г. Отецъ его, Василии Доросеевъ, государственный крестьянинъ, промысломъ рыбакъ, человекъ въ своемъ дѣлѣ опытный и смысленный, плававшая на «чайкѣ», собственнаго изобрѣтенія, по Бѣлому морю и Сѣверному океану, за дюлярный кругъ, брать съ собою и сына. Проводя лѣто среди опасностей и бурь, въ созерцаніи дикихъ и величественныхъ картинъ сѣверной природы, Михаилъ Васильевичъ проводилъ зиму въ чтеніи. Выучившись у дьячка грамотѣ, онъ сдѣлался лучшимъ чтецомъ, и на клиросѣ и на амвонѣ изумлялъ прихожанъ выразительностью и пріятностью своего голоса. Долго читалъ онъ однѣ церковныя книги; наконецъ досталъ славянскую грамматику, ариметику Магницкаго и псалтирь, переложенную въ стихи Симеономъ Полоцкимъ. Но этого было для него не надолго. Онъ выучилъ наизусть свою библиотеку, искалъ другихъ книгъ и получалъ въ отвѣтъ на свои разспросы, что въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ Киевѣ есть много книгъ, и хорошихъ. Жажда къ познаніямъ превозмогла въ немъ любовь къ родному краю и семейству. На семнадцатомъ году, въ одну зимнюю ночь, надѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулугъ и взявъ съ собою грамматику и ариметику, онъ вышелъ изъ родительскаго дома. Въ 70 верстахъ отъ Денисовской, онъ достигъ караванъ съ мерзлою рыбой, отправившись оттуда наканунѣ, и съ нимъ пришелъ въ Москву. Тамъ увидѣлъ его землякъ, при-

Михаилъ Васильевичъ
ЛОМОНОСОВЪ.

казчикъ какого-то господина, узналъ о причинѣ его бѣгства изъ родительскаго дома, и познакомилъ его съ однимъ монахомъ. При покровительствѣ монаха, Ломоносовъ былъ принятъ ученикомъ въ Заиконоспасское училище, сталъ понимать и писать по-латыни, учился языку греческому; но не находя удовлетворения воображенію и уму въ тогдашней философіи, въ скудныхъ урокахъ словесности, занялся исключительно физикою и математикою; по усиленной просьбѣ былъ посланъ на годъ въ Кіевъ, но и тамъ вскорѣ соскучился. Наконецъ, въ 1734 г., къ крайней своей радости, былъ переведенъ въ гимназію при С.-Петербургской Академіи Наукъ, и посвятилъ себя изученію физики, химии и минералогии. Черезъ 2 года былъ посланъ съ другимъ студентомъ, Виноградовымъ, для окончанія наукъ въ Германию, сначала въ Марбургъ, славившія своимъ профессоромъ Вольфомъ, а потомъ въ Френбургъ, для изученія горнаго искусства подъ руководствомъ Генкеля. Черезъ годъ воротился въ Марбургъ, и усердно продолжалъ прежнія занятія. Въ 1740 г. женился тамъ на дочери портного, своего хозяина, и вскорѣ сдѣлался отцомъ. Эти обстоятельства разстроили весь планъ его жизни: малымъ жалованьемъ не могъ онъ содержать семейство, впалъ въ долги, и, угрожаемый тюрьмою, бѣжалъ изъ Марбурга, съ намѣреніемъ обратиться въ Любекъ, или въ Голландію, и оттуда отправиться моремъ въ Петербургъ. За Дюссельдорфомъ попался въ руки прусскимъ вербовщикамъ, и былъ приведенъ въ Везель, но успѣлъ бѣжать, и разными путями достигъ Амстердама а оттуда отправился въ Петербургъ. Здѣсь вскорѣ былъ опредѣленъ при Академіи Наукъ адъюнктъ-профессоромъ химии, а потомъ произведенъ въ профессора. Поправивъ дѣла, онъ вызвалъ свое семейство изъ Германии, и провелъ всю жизнь въ занятіяхъ науками, искусствами и словесностью. Труды и успѣхи его обратили на него вниманіе Августѣйшихъ Особъ: Императрица Елизавета Петровна пожаловала ему вотчину Коровалдай, Усть-Рудици, Петербургской губернии, Петергофскаго уѣзда. Всѣ знаменитые и ученые люди того времени знали и любили Ломоносова. 4 апрѣля 1767 г. Ломоносовъ умеръ.

II.

Правильный путь науки есть путь ко Христу. Никогда истинная наука не чувствуетъ болѣе величія Творца, какъ тогда, когда она дѣлаеть какое-либо новое открытіе. Открытіе новаго свѣтила яснѣе всего говоритъ намъ, сколько еще новыхъ міровъ, намъ неизвѣстныхъ. Открытіе новой силы болѣе всего говоритъ намъ, сколько еще тайнъ заключаетъ наша земля. И никогда, быть можетъ, не прилично сказать ученому мужу, какъ во время процвѣтанія точныхъ наукъ, эти знаменитыя слова древняго мудреца: «я знаю только то, что ничего не знаю»; или другого: «мы только подбираемъ камешки на берегу необъятнаго міра».

Вотъ почему мы съ особенною любовію позволяемъ себѣ остановиться въ своихъ воспоминаніяхъ на твореніяхъ отца нашей русской науки М. В. Ломоносова, созерцавшаго свою истину въ источникѣ всѣхъ истинъ — Богѣ, и своими трудами, всею своею жизнью наглядно показавшаго, что наука и вѣра дружно должны вести насъ къ тому, кто сказалъ о себѣ: «Азъ есмь Путь, Истина и Жизнь».

Ломоносовымъ впервые обработанное русское слово, впервые настроенная русская поэтическая лира знала не однѣ «гражданскіе мотивы», какъ это бываетъ теперь, а считала для себя наслажденіемъ настраиваться и на ладъ «Псалтири» богодуховнаго пѣвца и въ сочувствіи ей и созвучи съ нею воспѣвать славу Божию. Въ твореніяхъ Ломоносова подобнаго рода мы видимъ не одно риторическое упражненіе, не одни трофеи побѣды надъ русскимъ словомъ, дотолѣ не легко покорявшемся стройнымъ размѣрамъ поэтической рѣчи, а своего рода исповѣданіе вѣры.

Религиозныя творенія Михаила Васильевича имѣютъ для насъ значеніе и какъ свидѣтельство возможности совмѣщать религиозныя вѣрованія съ занятіями и естественными науками, на которыя въ наше время нѣкоторыя смотрятъ какъ на непримиримыхъ враговъ откровеннаго ученія.

Ломоносовъ былъ самостоятельнымъ мыслитель и передовой человѣкъ своего времени, въ полномъ смыслѣ этого слова, человѣкъ, который не меньше нашихъ современниковъ былъ проникнутъ уваженіемъ къ разуму человѣческому и его правамъ, но тѣмъ не менѣе покорялъ свой разумъ въ послушаніе вѣры. Надо притомъ замѣтить, что онъ росъ не на одной русской почвѣ, его талантъ созрѣлъ и окрѣпъ въ странѣ чужой, странѣ, издавна прославившейся сильнымъ движеніемъ умовъ на пути просвѣщенія, и когда же? — въ 18 вѣкѣ, вѣкѣ невѣрія и отрицанія, и, при всемъ томъ, Ломоносовъ остался нашимъ русскимъ вѣрующимъ человѣкомъ.

Ломоносовъ примѣромъ своимъ показалъ, какъ можно совмѣщать математическая и естественныя науки съ словесными. Онъ былъ первый нашъ поэтъ, филологъ, освѣтившій факеломъ своего гения храмъ роднаго языка, нашъ физикъ, химикъ, замѣчательный нашъ историкъ и географъ, и, наконецъ, членъ общества, посвятивши безусловно себя на служеніе отечеству.

Главнымъ предметомъ ученой дѣятельности Ломоносова были естественныя науки, особенно химія и физика, металлургія и физическая географія.

Будучи воспитанникомъ философа, профессора Марбургскаго университета Вольфа, М. В. Ломоносовъ вполне усвоилъ его взгляды на значеніе науки вообще и въ частности науки о природѣ.

Всецѣло проникнутый глубокою любовію и восторженнымъ

Памятникъ М. В. ЛОМОНОСОВУ
въ Архангельскѣ.

энтузіазмомъ къ природѣ, самъ испытавши высокое умственное наслажденіе и великую пользу отъ естествознанія, употреблявшій, — по собственнымъ словамъ его, — каждый досужій часъ, вмѣсто билліарда, на физическіе и химическіе опыты, и считавшіи ихъ «движеніемъ вмѣсто лѣкарства», — Ломоносовъ всячески старался вселить и въ обществѣ любовь къ природѣ, къ естествознанію. Каждое его слово о природѣ, о физикѣ, о химіи, о металлургіи и проч., начиналось энергическимъ и вдохновенно-убѣдительнымъ призывомъ — полюбить природу, полюбить изучене.

Вездѣ въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ Ломоносовъ старается доказать необходимость и пользу наукъ и согласить знанія съ вѣрою.

Приступая къ публичному чтенію физики въ 1750 году, и въ программѣ изобразивши высокое нравственное значеніе и великую реальную пользу естествознанія. — Ломоносовъ публично призывалъ «желающихъ учиться натуральной философіи въ физическія камеры Академіи на публичныя физическіе опыты, ничего иного отъ нихъ не желая, какъ только постоянного слушанія». «И смотрѣть только на роскошь прензобилующей природы, — говорилъ онъ, — есть чудное и восхищающее духъ увеселеніе, и приятно, и вождельно, и полезно, и свято. Но это блаженство можетъ быть приведено въ несравненно высшее достоинство при подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей. Кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы, природу видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся передъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ, видитъ, какъ она, почти умерщвленная отъ зимняго холода, деревья весною опять оживляетъ, какъ обогащаетъ лѣто жатвою и плодами, и готовить сѣмена къ будущему времени, какъ день и ночь, зной и стужу умалываетъ и умножаетъ, двигаетъ и удерживаетъ вѣтры, дождь испускаетъ, зажигаетъ молнии и громомъ смертныхъ устрашаетъ, управляетъ теченіе водъ, и прочія удивительныя дѣйствія производить — сколь высшее наслажденіе имѣетъ онъ передъ тѣмъ, кто только почти на внѣшній видъ вещей смотритъ, вмѣсто самихъ, почти одну тѣнь ихъ видитъ... Отсюда ясно, что блаженства человѣческія могутъ быть увеличены и приведены въ высшее достоинство только яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ физики».

Начиная лекціи по химіи, онъ сказалъ: «Слово о пользѣ химіи», въ которомъ провелъ параллель между человѣкомъ ученымъ и человѣкомъ ничего не знающимъ.

«Представьте, — говорилъ онъ, — что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда передъ нимъ обращающіяся только называть умѣетъ; другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды рождаютъ, не токмо всего, что искусство произвело черезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинства языкомъ

Памятникъ М. В. ЛОМОНОСОВУ
въ С.-Петербурѣ.

изъясняется, но и чувствамъ нашимъ отнюдь не подверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ... Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею его соединилось, страшнаго звѣря, или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ; другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ Создателя безконечную премудрость и силу».

Разъясняя при каждомъ случаѣ пользу всякой науки и всякаго знанія, Ломоносовъ особенно настаивалъ на необходимости изученія природы. Основную идею объ этомъ изученіи онъ выразилъ въ «Словѣ о происхожденіи свѣта» въ слѣдующемъ положеніи: «Испытаніе природы трудно, однако пріятно, полезно и свято. Чѣмъ больше тайнствъ ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вѣщнее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ оной простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды для потребностей житейскихъ. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ толь чудныхъ дѣлъ проникаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый общи, неложный и неумолчный проповѣдникъ».

Такъ какъ многие находили изслѣдованія природы опасными для вѣры, то Ломоносовъ долженъ былъ доказывать, что «естествознаніе согласно съ религіею», и вообще объяснить, въ какомъ отношеніи находятся вѣра и знаніе, наука и религія. Въ прибавленіи къ разсужденію: «Явленіе Венеры на солнцѣ наблюденное *), онъ говоритъ: «Правда, т.-е. наука, изслѣдующая «правду»-истину и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю притти не могутъ, развѣ кто изъ нѣ котораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ».

«Создатель, по словамъ Ломоносова, далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ Свое величество, въ другой Свою волю. Первая книга — видимый міръ, имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на его огромность, красоту и стройность, призналъ божественное всемогущество; а вторая — священное писаніе, въ которомъ показано благоволеніе Создателя къ нашему спасенію. Изъяснители и истолкователи пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгъ суть великіе церковные учителя; а истолкователи въ «книгѣ сложенія видимаго міра сего» — физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ дѣйствій, обнаруживающихся въ природѣ. Природа, по ученію Ломоносова, есть «Евангеліе, благовѣствующее Творческую силу, премудрость и величество». Ссылаясь на Василия

*) „Явленіе Венеры на солнцѣ наблюденное“: наблюденіе надъ прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ въ 1761 г. Наблюденіе это было производимо членами Петербургской Академіи.

Памятникъ М. В. ЛОМОНОСОВУ
въ Москвѣ.

Великаго, Дамаскина и другихъ «великихъ свѣтильниковъ» Церкви, которые «познаніе натуры съ вѣрою содружить старались», онъ говоритъ, что физическія разсужденія о строеніи міра служить къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны»; но «не здраво разсудителенъ, — прибавляетъ Ломоносовъ, — математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ»; таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтири научиться можно астрономіи или химіи».

Наука и религія по Ломоносову равно удостовѣряютъ насъ не только въ бытіи Бога, но и въ несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ», и потому «грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры». По словамъ Ломоносова тѣ, кто «осмѣхаетъ науки», а особенно «новыя откровенія въ натурѣ», увѣряя, что они «противны закону», т.-е. вѣрѣ христіанской, и кто называетъ соблазномъ для вѣры все то, чего самъ не понимаетъ, тѣ поистинѣ своимъ «мнимымъ защищеніемъ» закона только его поносятъ. «Но вѣдай всякъ изъ таковыхъ, — восклицаетъ Ломоносовъ, — что онъ съ орщи къ, потому что старается произвести вражду между Божіею дочерію — натурою и между невѣстою Христовою — Церковію».

Въ своей ученой и литературной дѣятельности Ломоносовъ вездѣ старался проводить религіозныя убѣжденія. Требуя для науки свободы изслѣдованія и самостоятельнаго мышленія, Ломоносовъ доказывалъ, что свобода научныхъ изслѣдованій, изыскивающихъ истину, не только не враждебна и не опасна для вѣры, но что наука и вѣра пребываютъ между собою въ тѣсномъ союзѣ; потому что, не взирая на различныя сферы и способы дѣйствія, обѣ онѣ стремятся къ одной цѣли — къ раскрытію истины, т.-е. къ познанію величія, мудрости и благодати Создателя.

III.

Писательской дѣятельности Ломоносова не была чужда и поэзія. Чувство религіозное и патриотическое, любовь къ природѣ и наукѣ были источниками поэтическаго одушевленія Ломоносова. Онъ написалъ 11 одъ духовныхъ, 19 одъ похвальныхъ и много другихъ стихотвореній.

Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ своей жизни, исполненной борьбы и всякаго рода лишени и страданія, физическихъ и нравственныхъ, Ломоносовъ любилъ обращаться за утѣшеніемъ къ вѣрѣ и искалъ облегченія въ пѣснопѣняхъ Давида, въ страдальческой жизни Іова. Онъ переложилъ нѣсколько псалмовъ въ стихи и написалъ оду изъ книги Іова.

Въ одѣ изъ книги Іова (главы 38, 39, 40, 41) содержится свободное, съ нѣкоторыми пропусками, переложеніе рѣчи Божіей къ Іову, въ которой изображается съ одной стороны Божественное всемогущество, а съ другой — безсиліе и ничтожество человѣка.

Въ началѣ оды прибавлено Ломоносовымъ обращеніе къ человѣку, ропщущему въ несчастіи на Бога:

О ты, что въ горести напрасно
 На Бога ропщешь, человѣкъ!
 Внимай, коль въ ревности ужасно,
 Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
 Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блестя
 И гласомъ грома прерывая,
 Словами небо колебаль,
 И такъ его на распрю звалъ:
 Сбери свои всѣ силы нынѣ,
 Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
 Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
 Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
 И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
 Величество и власть мою?
 Ивы премудрость ты свою!..
 Возмогъ ли ты хотя однажды
 Велѣтъ ранѣ утру быть,
 И нивы въ день томлящей жажды
 Дождемъ прохладнымъ напоить,
 Пловцу способный вѣтръ направить,
 Чтобъ въ пристани его поставить.

А въ концѣ оды присоединено наставленіе переносить несчастія съ терпѣніемъ и надеждою на Бога:

Сіе, о смертный, разсуждая,
 Представь Зиждителю власть,
 Святую волю почитаая,
 Имѣй свою въ терпѣнны часть!
 Онъ все на пользу нашу строить.
 Казнить кого, или покоить.
 Въ надеждѣ тяготу сноси
 И безъ роптанія проси!

Наблюденіе надъ явленіями природы, ученое ихъ изслѣдованіе, возбуждали въ Ломоносовѣ глубокое чувство благоговѣнія и удивленія къ величію и премудрости Божіей. Это чувство онъ выразилъ въ двухъ одахъ: «Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ» и «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, по случаю сѣвернаго сиянія», которыя справедливо считаются лучшими его поэтическими произведеніями. Онѣ проникнуты неподдѣльнымъ религиознымъ чувствомъ, исполнены прекрасными картинами природы.

Описывая солнечный восходъ, Ломоносовъ говоритъ, что восходъ этотъ наводитъ его на размышленія о величии Творца вселенной:

Уже прекрасное свѣтило
 Простерло блескъ свой по земли
 И Божія дѣла открыло:
 Мой духъ, съ веселіемъ внемли:
 Чудяся яснымъ толь лучамъ;
 Представь, каковъ Зиждитель Самъ!

Чудесно превращение, произведенное солнцемъ, и мысль поэта невольно обращается къ источнику этого превращения, — къ самому солнцу. Онъ начинаетъ размышлять о физическомъ строении солнца. Ломоносовъ рассказываетъ, какая грандиозная картина открылась бы передъ глазами человѣка, если бъ онъ могъ отдѣлиться отъ земли, подняться на воздухъ и приблизиться къ солнцу. Онъ увидѣлъ бы безбрежный океанъ огня, на которомъ переливаются горяще валы, крутятся пламенные вихри, борющиеся «множество вѣковъ», камни кипятъ, какъ вода, и «шумятъ горяще дожди»:

Тамъ огненны валы стремятся
И не находят береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борючись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Слишкомъ брэнно человѣческое око для созерцанія такого зрѣлища. Нарисовавъ этотъ грандиозный образъ, Ломоносовъ переходитъ къ размышленіямъ о силѣ, создавшей это море огня. И тутъ тонъ изложенія сразу мѣняется. Грандиозное уходитъ въ глубь и въ перспективѣ перестаетъ быть таковымъ, ступеневывается передъ тѣмъ неизмѣримымъ и безконечнымъ, что вырастаетъ предъ умомъ поэта:

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна,—

говоритъ онъ, обращаясь къ Творцу. Солнце — искра предъ Богомъ. Искра, Имъ зажженная для того, чтобы освѣщать міръ, дать людямъ возможность выполнить задачи, опредѣленные Имъ же.

О, коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена.
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!

Сравнивъ солнце съ лампадой, предназначенной свѣтить людямъ въ ихъ земной дѣятельности, Ломоносовъ мысленно возвращается къ картинѣ солнечнаго восхода и подробнѣе описываетъ измѣненія, производимыя въ природѣ «блескомъ» солнца. Освободились отъ мрачнаго покрова ночи — поля, холмы, моря и лѣсъ, открывшись взору человѣка, и всѣ они полны для нашего глаза Божіихъ чудесъ, свидѣтельствую о Его величии:

Тамъ каждая зываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Истинное величіе Божіе измѣняется глубиною различія между влияемъ солнца и силой очей Создателя. Солнце скользитъ своими лучами только по поверхности предметовъ, тогда какъ

взоръ Творца не знаетъ ни предѣловъ, ни преградъ, пронизываетъ все сущее, проникая въ самыя сокровенныя его глубины :

Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Летяся радость твари всей.

Упоенный этой радостью, поэтъ, въ заключеннн своей оды, обращается къ Творцу со смиренною молитвою. Онъ сознаетъ ограниченности своего ума. Онъ сознается, что онъ все же «покрытъ тьмою». Поэтому молить онъ у Бога духовнаго просвѣтлѣння ; молить, чтобы Творецъ руководилъ имъ въ его дѣятельности, внушалъ ему то, что Ему угодно ; молить, чтобы Онъ научилъ его, смотря на творения Божии, хвалить безсмертнаго Царя :

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Прости премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобю,
Всегда твориши научи,
И на Твою смотря тварь,
Хвалить Тебя, безсмертнй Царь.

Особенно замѣчательно «Вечернее размышленне о Божіемъ величествѣ» по великолѣпному изображенню сѣвернаго сияння, которое Ломоносовъ еще въ дѣтствѣ наблюдалъ на Сѣверномъ океанѣ. Въ этомъ «Размышленнн» поэтическія представлення имѣли своей основой естествознанне ; величне Творца сознано посредствомъ научнаго знакомства съ величнемъ природы, какъ Его творення.

Эта ода прекрасно отразила въ себѣ задушевные воззрѣння Ломоносова и его народный русскн характеръ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ истинно-поэтическія картины природы : звѣздной ночи —

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь.
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, бездн дна!

и затѣмъ сѣвернаго сияння :

Съ полночныхъ странъ встаетъ заря
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещуть огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступил!

Это великолѣпное зрѣлище подавляетъ поэта своимъ величнемъ. Онъ чувствуетъ все свое ничтожество предъ необъятнымъ, безконечнымъ, безграничнымъ космосомъ :

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ лдѣ,

Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
 Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
 Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
 Теряюсь, мыслями утомленъ!

Вмѣстѣ съ этимъ Ломоносовъ высказываетъ свои научныя предположенія о причинахъ сѣвернаго сиянія; обращаясь къ ученымъ, которыхъ «быстрый зракъ пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ», онъ спрашиваетъ — что причиной этихъ ясныхъ лучей среди ночи?

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
 Что тонкій пламень въ твердь разить?
 Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
 Стремится отъ земли въ зенитъ?
 Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
 Среди зимы рождалъ пожаръ?

Трудность разрѣшить подобные вопросы наводитъ Ломоносова на мысль о безконечности природы, а эта мысль приводитъ его къ религіозному чувству:

Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ.

Этимъ заключительнымъ аккордомъ замыкается прекрасное стихотвореніе, въ которомъ картины природы, научныя размышленія и выраженіе религіознаго чувства находятся въ гармоническомъ согласіи.

Душа Ломоносова была нераздвоенная, цѣльная душа,—въ ней не было разлада между поэтической фантазійей, научной мыслью и вѣрой. А поэтому и воспоминаніе о Ломоносовѣ, какъ о человѣкѣ просвѣщенномъ и религіозномъ, должно быть намъ дорого, а имя его священо.

Прошло уже двѣсти лѣтъ со дня рожденія этого великаго русскаго человѣка... Время, которому не даромъ даютъ названіе всеокрушающаго, теряетъ свои обычныя права надъ такими личностями, какъ Ломоносовъ. Таковы истинныя заслуги: онъ никогда не забываются, онъ безсмертны...

Свящ. Михаилъ Менстровъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Годъ русской славы.— Незабвенный 1812 годъ.— Составилъ *О. А. Тарапыгинъ.*— Редакция *О. А. Витберга.*— С.-Петербургъ 1911 года.

Въ настоящее время въ Россіи идутъ дѣятельныя приготовления къ тому, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать столѣтнюю годовщину „Отечественной войны“. Чтобы понять все великое значеніе для насъ этого торжества, надо оживить въ памяти историческія событія 1812 года, войти въ характеръ эпохи, углубиться въ политическія осложненія, вызвавшія эту войну, и оживить ея славныхъ героевъ. Надо помнить, что государство не живетъ однимъ настоящимъ. Оно неразрывно связано съ прошлымъ. Все равно какъ дерево не можетъ существовать безъ корней, такъ и настоящее государство живетъ на корняхъ прошедшаго, отъ котораго оно не можетъ отрѣшиться безнаказанно, какъ срубленное дерево. Наши предки, одушевленные пламенною любовью къ отечеству, жертвовали часто всѣмъ своимъ достойнымъ и жизнью, отстаивая цѣлостность отечества и работая для его процвѣтанія и возвеличенія. Естественно, что благодарные потомки хотятъ вспомнить о ихъ заслугахъ и воздать имъ должную славу. Герои, вѣрные своему долгу—сдѣлаются (отъ оживленія ихъ памяти) намъ ближе и роднѣе и мы почувствуемъ кровную связь съ ними, а ихъ славные подвиги могутъ увлечь на подражаніе.

Передъ нами лежитъ книга, посвященная приснопамятному 12-му году. Это—очень удачно составленный *О. А. Тарапыгинымъ* сборникъ „Годъ русской славы“. Въ сборникъ вошли соотвѣтствующіе отрывки и стихотворенія разныхъ отечественныхъ писателей.

Книжка украшена хорошими рисунками и портретами. Желаемъ отъ души ей широкаго распространенія.

А. Д.

Хроника моей жизни. Автобиографическія записки *высокопреосвященнаго Саввы*, архіеп. Тверскаго и Кашинскаго. Тт. I—IX. Сергѣевскій Посадъ. 1911 г.

Это солидное и прекрасное изданіе принадлежитъ о. прот. *Виноградову*, положившему на него,—кромя своей любви къ дѣлу, труда и знаній,—цѣлыхъ 15 лѣтъ своей жизни. И надо отдать справедливость издателю, что выполнилъ онъ свое дѣло блестяще.

„Хроника“ *высокопр. Саввы* представляетъ собою выдающееся произведеніе какъ по литературнымъ достоинствамъ, такъ и по интересу и разнообразію собраннаго въ ней матеріала. Последніи 9-й томъ обнимаетъ близкія къ намъ событія 1891—1896 гг. Особенно интересны свѣдѣнія о нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ,—о его поѣздкѣ, въ бытность Наслѣдникомъ престола, въ Японію. Также очень важны по своему значенію свѣдѣнія объ архипастырѣ Бѣлгородскомъ, святителѣ *Іоасафѣ* и мн. др.

М.

Сборникъ рѣчей Петра Аркадьевича Столыпина, произнесенныхъ въ засѣданяхъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы (1906—1911 гг.). Изд. В. В. Логачева. СПб. 1911 г.

В. В. Логачевымъ собраны 18 рѣчей Столыпина и выпущены въ небольшой, но очень хорошо изданной книжечкѣ. Двѣ изъ этихъ рѣчей были произнесены покойнымъ П. А. еще въ первой Думѣ: семь—во второй; семь—въ третьей, и двѣ въ Государственномъ Совѣтѣ. Рѣчи помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми пояснениями на каждой по какому случаю она приносилась, т.-е. представляла ли самостоятельныя объясненія или декларации правительства, или же служила отвѣтомъ на какой-нибудь запросъ.

Къ книжкѣ приложенъ портретъ П. А. съ небольшою биографіей, въ которой отмѣчена его горячая любовь къ Парю и Отечеству и его устойчивость въ национальномъ чувствѣ.

Въ рѣчахъ ясно отразилась любовь Столыпина и его вѣра въ грядущее свѣтлое Россіи, ради которой онъ не задумался даже пожертвовать своею жизнью.

Рѣчи Столыпина—это лучший ему памятникъ, воздвигнутый имъ самимъ себѣ при жизни. Онѣ увѣковѣчатъ имя П. А. на страницахъ непристрастной исторіи. И мы должны быть признательны Логачеву, взявшему на себя трудъ по ихъ изданію и съ достоинствомъ выполнившему его.

Д.

Какъ появились въ Русской землѣ польскіе люди и католическая вѣра? 16 стр. СПб. 1911 г.

Настоящая брошюра—краткая историческая справка, касающаяся времени появления и постепеннаго распространения и усиления католичества въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Среди русскихъ недавно сравнительно начали глядѣть на этотъ край, какъ на край чисто русский. Правда, польское владычество на населеніи его оставило глубокии слѣды, но исторія свидѣтельствуетъ, что Сѣверо-Западный край или древняя Бѣлая Русь—русскій край. На этомъ мѣстѣ еще въ IX вѣкѣ образовалось Полоцкое княжество, а въ X—Смоленское, но они были по частямъ присоединены къ Литвѣ въ то время, когда Русь стонала подъ татарскимъ игомъ, а потомъ при Ягелло отошла и къ Польшѣ, и въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ население его боролось за свою народность, пока не было присоединено къ Россіи въ 1793 году. Настоящая брошюра именно и касается этого прошлаго края, параллельно объясняя, какъ появилось здѣсь католичество. Въ началѣ брошюры приведена численность населенія края по народностямъ. Написана она хорошо, ясно, и вполне доступна простому народу. („М. В.“ **Ө. Б.**)

НА ПОЛЯХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ „Моск. Вѣд.“ гдѣкто Х. высказалъ очень трезвое мнѣніе по поводу нашей высшей школы. Онъ говоритъ:

Намъ кажется, что всѣ наши студенческие безпорядки, профессорскія забастовки вытекаютъ изъ того, что ни студентамъ, ни профессорамъ не вѣняется въ обязанность безусловное посѣщеніе лекцій. Поступая въ высшую школу, студентъ, если онъ дѣйствительно желаетъ съ честью носить это почетное званіе, обязанъ заниматься избранною имъ наукой, слушать, какъ съ кафедръ—звучитъ вѣское слово ея, усваивать его, какъ слѣдуетъ, а не ограничиваться зубрежкой въ короткіи передѣ экзаменами періодъ времени, не ограничиваться изученіемъ верхушекъ...

Что же мы видимъ въ дѣйствительности?

Студенчество заполнило всѣ учрежденія, не исключая и казенныхъ, гдѣ занимаются въ то время, когда въ храмъ науки звучитъ голосъ профессора, котораго слушаютъ очень незначительная группа студентовъ, посвятившихъ себя изученію науки. Поэтому изъ высшей школы выходятъ два совершенно различные элемента: люди науки и люди только съ ученою вывѣской.

Развѣ такое положеніе нормально? Развѣ высшая школа не только научно образовываетъ людей, но и занимается—и въ очень сильной степени—писаніемъ вывѣсокъ? Такое положеніе намъ непонятно, и мы не можемъ согласиться, чтобы высшая школа представлялась мастерскою вывѣсокъ.

Къ чему эти сходки, эти собранія? Развѣ наука въ своемъ поступательномъ движеніи нуждается въ такихъ сборищахъ? Развѣ безъ нихъ профессора не сообщаютъ студенчеству послѣдняго ея слова? Безспорно, сходки эти не могутъ оказать никакого вліянія на развитие науки, а, напротивъ, затормозятъ это развитіе, внося легальный способъ развитія революціонныхъ идей, чему онѣ всегда и всюду способствуютъ.

Какіе вопросы академической жизни нуждаются въ коллегиальномъ обсужденіи всего студенчества? Никакихъ вопросовъ мы не найдемъ, которые бы не разрѣшались или не могли быть разрѣшены стоящими у власти лицами. Разъ студенчество встало на прямую дорогу изученія науки, то, само собой разумѣется, правительство, заботясь о процвѣтаніи ея, приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы и внѣшняя жизнь студенчества не ставила препятствій такому развитію.

Такъ какъ цѣль и назначеніе высшей школы заключаются лишь въ научномъ образованіи студенчества, то прежде всего должно быть введено обязательное посѣщеніе лекцій и положительное запрещеніе сходокъ и собраній, за исключеніемъ такихъ, конечно, собраній, въ которыхъ имѣли бы быть доложены рефераты и доклады со стороны студентовъ по разработкѣ отдѣльныхъ научныхъ вопросовъ.

* * *

Отмѣчаемъ въ тон же газетъ прекрасную характеристику Столыпина, принадлежащую талантливому публицисту—врачу В. Клевезалю.

Со смерти П. А. Столыпина наступилъ уже 40-й день!

Говоря послѣднее прости этой великой душѣ, нельзя не содрогнуться

отъ одного представлення, что должна была перетерпѣть она въ эти послѣдніе годы кипучей и притомъ все время воинствующей дѣятельности! Какихъ волненій, какой внутренней борьбы, какихъ мучительныхъ заботъ стоило почившему „богатырю мысли и дѣла“ принять на себя тяжелое бремя столь отвѣтственной власти въ эпоху общаго развала и твердо вести затѣмъ государственный корабль среди постоянной бури ярыхъ нападковъ, среди неумолкаемаго свиста партинныхъ критиковъ, подъ зловѣщими отдаленными раскатами революционныхъ грозъ! Однако, и этимъ не исчерпывалась исключительность даннаго положенія, ибо и у себя дома. и въ лично семейной жизни вмѣсто столь необходимаго отдыха неизбѣжны были тѣ же волненія, тѣ же тревоги и заботы, такъ какъ приходилось каждый день, каждый часъ быть подъ угрозой покушенія, и притомъ не только на самого себя, но и на членовъ семьи своей,—лицъ самыхъ близкихъ и дорогихъ... Воистину, какимъ богатыремъ надо быть, чтобы годами выдерживать такую жизнь и такую дѣятельность и не отступить даже тогда, когда жертвой подпольной злобы оказалась любимая дочь!..

Красота этой яркой и свѣтлой жизни, красота этого самоотверженнаго пятилѣтняго подвижничества съ вѣрой въ Бога и съ любовью къ Царю и родинѣ, красота безстрашной и безсмѣнной охраны престола и народности—важли себѣ достойное завершение въ красотѣ мученической кончины съ церковнымъ напутствіемъ и съ именемъ Царя на устахъ.

Что, кромѣ чувства глубочайшей признательности, должны питать мы въ почившему за постоянный призывъ его къ дѣятельной борьбѣ во имя свѣтлыхъ идеаловъ родины, за данный имъ примѣръ безавѣтной преданности исконнымъ основамъ святой Руси, за подтвержденіе этой преданности своими подвигами и жизни и смерти? Видное мѣсто займетъ на страницахъ исторіи краткая, но выдающаяся государственная дѣятельность Ш. А. Столыпина и выпавшая на его долю высокая миссія возстановить болѣе или менѣе нормальное теченіе государственной и общественной жизни, успокоивъ „взбаламученное море“!

Какими пигмеями, какимъ ничтожествомъ оказываются рядомъ съ этимъ гигантомъ тѣ жалкіе, слѣпые люди, которые, дѣйствуя якобы во имя народнаго блага, не знаютъ лучшихъ средствъ и приемовъ, какъ обманъ, предательство, двуличность, вѣроломство, преступленіе... Тѣмъ менѣе, и этимъ пигмеямъ, благодаря ихъ энергіи и силоченности, удается достигать своихъ отвратительныхъ цѣлей, удается сѣять плевелы вражды и розни, удается мѣшать мирному развитію родины!

И во всемъ этомъ звучитъ заслуженный упрекъ и намъ всѣмъ, пассивнымъ, инертнымъ, разрозненнымъ русскимъ людямъ, никакъ не могущимъ страхнуть съ себя свой вѣковой сонъ.

Если захочетъ Русь достойно почтить доблестнаго сына своего, пусть приметъ она къ исполненію обращенный къ ней призывъ поэта-патріота (Ф. И. Тютчева), особенно умѣстный послѣ трагической развязки киевскихъ торжествъ.

Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемѣй бѣда...

Проснись теперь, или никогда.

Караванъ въ пустынь. (Рис. 1.)

Бедуинъ въ окрестностиъ Триполи. (Рис. 2)

Типы турецкаго гарнизона въ Триполи:
пѣхоты и кавалери. (Рис. 3.)

АРЕНА КРОВАВОЙ ТРАГЕДИИ.

(Слова къ иллюстраціямъ.)

Помѣщаемые въ настоящей книжкѣ нашего журнала виды окрестностей Триполи даютъ яркое представленіе о театрѣ военныхъ дѣйствій. Мы видимъ «море раскаленнаго песка» (рис. 1), засыпанныя пескомъ роши пальмъ и оливковыхъ деревьевъ, о которыхъ иногда свидѣлствуютъ случайно находимые сучья деревьевъ. Вотъ типичный уголокъ пустыни, названній англичанами «Могилой промышленности». На песчаной равнинѣ видны глубокие, напоминающіе ямы, слѣды верблюдовъ. Рядомъ съ «кораблемъ пустыни» — верблюдомъ (рис. 2.) стоитъ могучий бедуинъ. Бедуины — это современные титаны. Благодаря въ высшей степени благоприятнымъ климатическимъ условіямъ, бедуины отличаются поразительнымъ ростомъ, силой и завиднымъ здоровьемъ. На это обратили вниманіе европейскіе врачи, и города сѣверной Африки — Алжиръ, Тунисъ и Каиръ считаются самыми модными курортами, куда на собственныхъ яхтахъ пріѣзжаютъ изъ Америки миллиардеры и миллиардерши. Особенно привлекательную роль тутъ играетъ еще сосѣдство Египта: тамъ есть чѣмъ полюбоваться: величественные памятники древне-египетской культуры — храмы изъ причудливыхъ колоннъ, таинственныя статуи Мемнона, пирамиды Хеопса, загадочное чудовище съ отпечаткомъ невыразимой муки на изуродованномъ лицѣ, — это Сфинксъ, задыхающіися въ тискахъ песочной лавы. Романтичная Александрія, бывшая резиденція римскаго императора Адріана, отзвукъ древней Эллады, прекрасный Ниль, съ разукрашенными храмами Антиноя на берегу, среди сказочной тропической растительности. Какой-то зачарованный міръ!..

На 3-мъ рисункѣ изображенъ г. Триполи и представители ту-рецкихъ войскъ.

Бр. М.

(Бесѣды съ читателями.)

О праздникахъ.

Одинъ трудолюбивый хозяинъ въ какой-то праздникъ (только не въ воскресенье) работалъ въ своемъ саду, вполголоса напѣвая псаломъ. Мимо проходилъ пьяный рабочій. Онъ остановился, поглядѣлъ на работаваго въ саду и крикнулъ раздраженно:

— Эй ты, безбожникъ! Нехристь!

Работаваый въ саду поднялъ голову и взглянулъ на пьянаго рабочаго, который крикнулъ снова:

— И тебѣ не стыдно, нехристь?

— Почему я нехристь? И кого мнѣ надо стыдиться?

— Кого стыдиться!.. Бога и добрыхъ людей!.. Какой сегодня день-то? Чай, праздникъ!

— Знаю, что праздникъ. Я былъ у ранней обѣдни, молился за литургіей и молебномъ.

— А сейчасъ работаешь?

— Да, работаю. Отчего же мнѣ не работать, если нужно?

— Грѣхъ!

— Работать грѣхъ, а пьянствовать не грѣхъ? Я работаю— и трезвъ. А ты пьянъ. Но если нельзя послѣ обѣдни трудиться, то напиваться тѣмъ болѣе!.. Если бы можно было мнѣ не работать, я не сталъ бы, но работа неотложная, а завтра я на чужой работѣ, и мнѣ уже нельзя поработать у себя въ саду. Я работаю, помолившись ранѣ Богу. Я

работаю и пою псаломъ. Мои мысли о Богѣ... Я не оскорбляю праздника... А вотъ ты...

— Молчи, нехристь! Я ни за что не буду въ праздникъ работать... Я православный, а не нехристь!

— А пить водку можешь?

— На то и праздникъ, чтобы веселиться!.. Праздникъ—значитъ гуляй во всю!..

И пьяный рабочи пошелъ дальше, направляясь къ портерной. Онъ считалъ себя правымъ, а работавшаго обвинилъ въ великомъ грѣхѣ.

Эта сцена, списанная съ природы, а не сочиненная, вспоминается мнѣ всегда, когда поднимается вопросъ о праздникахъ. Въ этомъ вопросѣ надо строго различать двѣ стороны: празднованіе и праздность. Насколько важно и высоко первое, настолько предосудительна и вредна вторая. И если все чествованіе праздниковъ свести на праздность, на «ничегонедѣланіе» съ добавленіемъ разгула, то защита праздниковъ явится защитою праздности. Несомнѣнно, лучше работать, чѣмъ пьянствовать и безобразничать. У семейнаго рабочаго нужда. Въ будни онъ на хозяйской работѣ. И если онъ въ праздникъ дѣлаетъ свое домашнее дѣло или работаетъ на себя, внося въ домъ недостающую копейку—неужели онъ заслуживаетъ осужденія, и достоинъ похвалы тотъ, который въ праздникъ разгуломъ своимъ отнимаетъ у семьи необходимую копейку? Церковное празднованіе не превращаетъ праздничнаго дня въ день разгула и не мѣшаетъ работѣ послѣ молитвы. Странное разграниченіе работъ. Вѣдь если нельзя столяру въ праздникъ клеить стулъ, или переплетчику брошюровать книгу, пахарю работать на нивѣ, то нельзя и писателю писать статью, почтальону разносить письма, машинисту вести поѣздъ, телеграфисту передавать денешу, повару готовить кушанья и т. д. Но вѣдь тогда будетъ праздничная забастовка. И развѣ въ остановкѣ жизни заключается чествованіе праздника? Мы совсѣмъ забыли о великомъ духовномъ значеніи праздника и смѣшали съ разгуломъ, съ весельемъ что-то иное, совсѣмъ на это не похожее. Нѣкто возмущался, что крестьяне одного села работали (послѣ обѣдни) въ Ильинъ день. Онъ добился того, что они не стали работать, и—гуляли на славу. Воздухъ оглашался разухабистыми пѣснями, бранью; плясали и водили хороводы. Но развѣ—не говорю уже брань и разухабистое пѣніе, но и плясъ для пророка пріятнѣе, чѣмъ работа? Вѣдь о духовной сторонѣ празднества здѣсь не можетъ быть и рѣчи... Не думаю, чтобы кто-нибудь позволилъ себѣ приписать мнѣ желаніе поддержать тѣхъ, которые идутъ противъ духовнаго празднованія. Я сынъ Православной Церкви, чту ея уставы и чту ея Святыхъ. Потому я и болѣю душою при видѣ оскорбленія праздниковъ—

лѣнностью. празднымъ разгуломъ. На защиту того, что дороже жизни—направлена вся моя писательская работа. Такъ я ли могу и буду сочувствовать подрыванію того, чѣмъ крѣпка и свѣтла народная жизнь, чѣмъ я самъ живъ? Но вѣдь надо же отличать ревность отъ равнодушія, нельзя смѣшивать почитанія съ оскорбленіемъ, и подъ видомъ празднованія защищать праздность. Помню такой фактъ. Года два тому назадъ спрашиваю въ одной типографіи: «завтра у васъ есть работа?» Наборщикъ отвѣчаетъ: «завтра какая же работа? Завтра—Иванъ Богословъ!» Если бы это говорилъ вѣрующій человѣкъ, чтущій Іоанна Богослова—и желающій помолиться Угоднику,—я понялъ бы его. Но говорилъ человѣкъ ни во что не вѣрующій, не имѣющій въ своей комнатѣ даже иконы («зачѣмъ? и безъ нея обойдемся!»—его собственныя слова). На какомъ же основаніи онъ находилъ невозможнымъ работать въ день, когда вѣрующе праздновали память св. апостола? Что атеисту празднованіе? Ясно, ему нужна была праздность, возможность погулять, попьянствовать. Но вѣдь и многіе вѣрующіе только разгуломъ и отмѣчаютъ отъ будня праздничный день. Неужели такое празднованіе можетъ радовать сердце истиннаго христіанина и неужели такое празднованіе нужно отстаивать? Если всегда больно видѣть пьянство, то не больнѣе ли созерцать его въ дни праздничные? Что лучше: работать въ праздникъ съ мыслью о Богѣ, съ молитвой на устахъ,—или сидѣть въ портерной, оскверняя себя грѣшными пѣснями, дурными помыслами, нечистыми разговорами? Я понимаю великое духовное значеніе праздника. Не однажды я поднималъ вопросъ о необходимости день св. Сергія Радонежскаго сдѣлать всероссійскимъ праздникомъ. Но я имѣю въ виду духовное празднество, церковное празднованіе. Но вѣдь часто это смѣшиваютъ съ праздностью. Защищая праздники, мы не предпринимаемъ ничего, чтобы достойно праздновались святые дни, оставляемъ на дни праздничные народную рабочую массу безъ духовной пищи, безъ духовной радости, обрекаемъ на разгулъ, и высокое празднованіе низводимъ до грѣшнаго, нечистаго веселья.

Если отстаивать праздники въ смыслѣ отмѣны работы, дѣлая ихъ днями нерабочими, неприсутственными и неучебными, то надо, имѣя въ виду прежде всего духовную, религиозную сторону празднованія, создать условія для такого празднованія, дать къ этому средства. Праздникъ долженъ быть посвященъ Богу, а не діаволу,—и если отдохновенію—то чистому, возносящему мысль къ Небу. Но развѣ такъ обставлено праздничное отдохновеніе? Если открыты всѣ непотребныя мѣста, увеселительныя кабачки, такіе театры, въ которыхъ даются представленія, принижашія мысль и отравляющія душу,—то гдѣ же забота о святомъ праздничномъ

отдыхъ? Что мы даемъ неработающему человѣку? Гдѣ духовные концерты и чтенія въ христіанскомъ духѣ? Какъ разъ въ праздники даже закрыты нѣкоторыя бібліотеки, преслѣдующія религіозно-просвѣтительныя задачи. А вотъ вамъ Народный Домъ въ Петербургѣ. Здѣсь послѣ 1.001 представленія «Синей Птицы»,—чепухи Метерлинка, на итальянскомъ языкѣ «для народа» шелъ «Демонъ» съ баритономъ итальянской оперы въ главной парти, на которой построено все содержание ея, оставшееся, конечно, непонятнымъ для народа. Для гастролей моднаго пѣвца здѣсь (говоритъ газета «Колоколъ») ставили и «Онѣгина» и «Риголетто», въ которыхъ итальянецъ-артистъ распѣвалъ «для народа» главныя партии по-итальянски, а для гастролей директора оперы народнаго дома г. Фигнера здѣсь ставятъ «для народа» и оперетку и очень часто фривольную оперетту Оффенбаха «Цыганскій баронъ», успѣхъ которой построенъ на замѣчательно поучительной для народа веселенькой арии (дуэтъ тенора пѣвца съ опереточной примадонной), касающейся брака: «Кто насъ вѣнчалъ? аиста два»...

Интересно и то, что заправили петербургскаго Народнаго Дома питають симпатіи къ такимъ пьесамъ, какъ «Травіата». Что въ ней поучительнаго для народныхъ массъ? Вѣдь только при самомъ тонкомъ пониманіи образованный человѣкъ въ отрицательныхъ картинахъ пьесы уловитъ нѣчто положительное. Но если это нѣ что пропадаетъ для многихъ изъ интеллигенціи, то простой человѣкъ этого «нѣчто» совсѣмъ не учтетъ и передъ нимъ только пронесутся картины изъ жизни женщины, мечтавшей о томъ, чтобы «жить свободной и безпечной въ вихрѣ свѣта мчаться и не знать тоски сердечной». «Если вниманію публики,—замѣчаетъ та же газета,—представляется безумная роскошь обстановки, мраморныя статуи, тропическія растенія, золотыя стулья и пиршества, роскошный будуаръ и вся эта обстановка жизни модной парижской кокетки,—неужели это все нравоучительно и самое подходящее зрѣлище для народа?— Неужели необходимы эти громадныя затраты на постановку такихъ пьесъ?»

А тотъ же Народный Домъ могъ бы вспомнить и о концертахъ, которые такъ желательны. Я говорю о духовныхъ концертахъ,—и именно для нихъ должны быть намѣчены всѣ воскресныя и праздничныя дни. Но объ этомъ—никто не думаетъ, и неработающій человѣкъ въ воскресенье или въ праздникъ слушаетъ... оперетку Оффенбаха или смотритъ «Синюю птицу»! Самое душеполезное праздничное отдохновеніе! А развѣ хорошо, что въ Народныхъ Домахъ дають представленія подъ праздники, и какія представленія? Да веселыя комедіи и оперетты!

Пора же въ народѣ развивать истинное пониманіе празд-

ничного отдыха,—и просвѣщеннымъ людямъ своею жизнью поддерживать въ массахъ высокое отношеніе къ «святымъ днямъ». Народная молва гласитъ: «кто празднику радъ, тотъ до свѣта пьянъ». Пока жива такая мораль, пока ей слѣдуютъ массы—нѣтъ освѣжающаго душу высокаго вліянія праздника. Если человѣкъ можетъ, прослушавъ обѣдню, за симъ напиться и кончить день дракой, то онъ до праздника еще не доросъ, и для него праздничные дни будутъ самыми грѣшными, самыми темными днями разоренія и семейной разрухи. Такому человѣку лучше работать, чѣмъ праздничать, ибо онъ не умѣетъ чтить «святого дня» и просвѣтлять свою душу тѣмъ, что только и даетъ значение празднику. Многія семьи съ ужасомъ ждутъ праздника, предчувствуя разгулъ со стороны мужа или отца. Одна женщина признавалась:

— Въ будни, когда мужъ работаетъ,—онъ человѣкъ. Съ дѣтми ласковъ, со мной хорошъ... о Богѣ помнить. А въ праздникъ—прямо звѣрь. Напьется—и пошелъ ругаться, скандаля, драться. Кому отдыхъ, а намъ мука.

Развѣ это единичный примѣръ? Вѣдь надо же признать, что христіанской настроенности, духа христіанскаго—наша жизнь почти чужда... Внѣшнее благочестіе—еще не христіанская религіозность, которая одухотворяетъ человѣка, направляетъ жизнь, такъ сказать, корректируетъ ее. «Ножное благочестіе»,—по мѣткому выраженію одного архипастыря,—еще не истинное христіанское благочестіе. Мы праздники справляемъ, какъ и именины: часть помолимся (больше по привычкѣ) въ церкви, а затѣмъ предаемся тѣдѣ, питью, и наше веселье легко переходитъ въ разгулъ. Утромъ слушаемъ молебенъ, а за полдень—пьяны и ведемъ себя какъ язычники! Что въ именины, то и въ праздники. Утромъ человѣкъ кланяется «Солнцу правды», а за полдень—попадаетъ въ веселое мѣсто и къ вечеру уже кланяется «языческимъ божествамъ». Что осталось въ памяти отъ умиленнаго тропаря, отъ святыхъ евангельскихъ словъ? Тѣ самыя уста, которыя лобзали крестъ, святые иконы,—оскверняются порочнымъ поцѣлуемъ продажной красоты! Мы все заботимся объ отдыхѣ—и забываемъ о томъ, что душа важнѣ тѣла и ей нуженъ отдыхъ не менѣе, чѣмъ и тѣлу, и такой отдыхъ, который ее освѣжитъ и просвѣтлитъ! Мы далеки отъ сознанія, что въ праздникъ, болѣе чѣмъ въ будничныи день—обязательна трезвенность, чистота души и тѣла. Если не хорошо ругаться дома, то уже высочайшее преступленіе—браниться въ храмѣ. Если въ будни стыдно пьянствовать, то прямо преступно напиваться въ тѣ дни, когда Церковь празднуетъ память великаго святого, воспоминаетъ событія изъ жизни Спасителя, чувствуетъ Его Пречистую Матерь. Лучше стругать дерево, крыть кровлю, пахать, думая

о Богѣ, вознося Ему пѣснь хвалы,—чѣмъ пить водку, драть-ся, проявляя полное забвеніе всего святаго... Празднованіе должно быть духовное. Оно не исключаетъ житейской заботы, если она неотложна, и особенно если она на благо ближняго. Я зналъ крестьянина, который въ праздничные дни и пахаль и сѣяль и вообще помогаль въ работѣ сиротамъ, вдовамъ, слабымъ. Въ будни—онъ трудился для себя, а въ праздники—для ближняго. Работаетъ—да поетъ молитвы. И когда я про этого мужика рассказалъ покойному праведному служителю алтаря Господня—о. Дмитрію Касицину, онъ промолвилъ:

— Воистину христіанинъ! Святая работа его!

Я не сокращеніе праздниковъ отстаиваю,—я за празднованіе,—но духовное, церковное, возвышенное, а не въ смыслѣ праздности, веселаго пировапія. У насъ, напр., не празднуютъ какъ всероссійскіе праздники—дни св. Сергія Радонежскаго, россійскихъ чудотворцевъ—Петра, Алексія, Іоны и Филиппа; вселенскихъ учителей и святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Серафима Саровскаго... Я за празднованіе, т.-е. за праздничныя службы во всѣхъ церквахъ Россіи. А между тѣмъ, мы даже Угодниковъ, прославленныхъ въ наши дни, предаемъ какъ бы забвенію. Нѣтъ праздничной службы. Нѣтъ торжественнаго молебна... Если наканунѣ открыты мощей Іоасафа Бѣлгородскаго—работали театры и увеселительныя заведенія всѣхъ родовъ,—то гдѣ же наше пониманіе праздниковъ и наше благоговѣйное отношеніе къ Угоднику? Духовное празднованіе не мѣшаетъ работѣ, но поднимаетъ духъ человѣка и настроеніе всѣхъ. Рабочій или служащій человѣкъ можетъ сходить въ храмъ помолиться, выслушать поученіе пастыря (а какъ мало вообще этихъ поученій!),—а затѣмъ идти на работу, ибо святые были труженики и не любили праздности... Пусть хоть такъ чествуютъ святыхъ Угодниковъ—и они пошлютъ свое благословеніе на работу. Учащіяся послѣ обѣдни или молебна—могутъ итти на занятія. Если въ этотъ день случится урокъ Закона Божьяго, законоучитель можетъ вмѣсто обычнаго урока посвятить бесѣду святому, рассказать о его жизни, трудахъ, вызвавъ своимъ рассказомъ въ юныхъ сердцахъ любовь къ Угоднику Божьему, и желаніе подражать ему въ его святой любви, и подвигахъ. Это ли не лучшее чествованіе праведника Божьяго? Празднество какъ пированіе—вредно отзывается на всей жизни. Почему наканунѣ праздниковъ всѣ рабочіе люди охотнѣе идутъ въ театр, на концерты? Потому что на другой день можно дольше не вставать. Во что же обращается самый праздникъ? Въ день физическаго отдыха и... веселья, т.-е. въ день праздности. Люди даже въ церковь не попадаютъ. Конечно, нуженъ и физическій отдыхъ, но

вѣдь не его имѣютъ въ виду защитники праздниковъ, а совсѣмъ иное, — во имя чего только и можно поддерживать защиту. Едва ли истинно вѣрующе встрѣчаютъ спокойно извѣстie о цыганскихъ концертахъ наканунѣ праздниковъ. Не обинуясь скажу: меня глубоко возмутило, что г-жа Плевицкая устроила свой концертъ наканунѣ праздника въ честь Божией Матери (Казанской). Въ праздничные дни можно ставить только то, что носить возвышенный характеръ: всего лучше религиозно-церковный или по крайней мѣрѣ глубоко нравственный, патриотическій, национально-воспитательный. Въ праздникъ, въ воскресенье — всего приличнѣе — духовный концертъ, религиозное публичное чтеніе; и если допустима, напр., опера «Жизнь за Царя», то никакъ не допустима оперетка, гривуазная пьеса, какова на примѣръ «Дни нашей жизни», или кощунственная «Анатѣма»... Если бы наше общество стояло въ нравственномъ отношеніи на болѣе высокомъ уровнѣ, то оно совсѣмъ не стало бы смотрѣть такія мерзости; но, къ сожалѣнію, мы оказываемся позади даже вѣнцевъ, которые освистали «Анатѣму» и она снята съ репертуара. Пьесы воспитательнаго характера, историческое, духовное пѣніе — вотъ что должно входить въ репертуаръ праздничныхъ развлеченій. Но мы совсѣмъ забываемъ объ этикѣ, о религіи, — ставимъ наканунѣ праздника «Дни нашей жизни» и идемъ слушать цыганку Настю или Плевицкую въ канунъ Казанской. да веселыя пѣсенки, наигрываемыя оркестрами на бульварахъ наканунѣ праздника Креста (1-го августа). Подъ звонъ колоколовъ, во время выноса Креста — на бульварѣ играютъ вальсъ или что-то изъ оперетки, и эти звуки сливаются съ перезвономъ колоколовъ, доносятся въ ближайшій храмъ, гдѣ поютъ: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко...» Я понимаю скорбь епископа вологодскаго Никона, но не согласенъ съ нимъ, когда онъ признается въ безсиліи бороться съ этимъ... У духовной власти есть право и сила: та нравственная сила, которая всегда одерживаетъ побѣду, и то право, которое не можетъ быть не уважено. Только нужно авторитетно высказать голосъ какъ «власть имущимъ». Надо только, чтобы слово было словомъ болѣющего сердца, — ибо такое слово жжетъ другія сердца. Слава Богу, у насъ еще есть кому прислушиваться къ могучему голосу духовной власти, — но эта власть должна быть именно властью, не знающею ни робости ни «страха іудейскаго»... Нельзя говорить: «вольному воля», ибо нельзя слабымъ кидать на соблазнъ, а напротивъ имъ надо помогать въ борьбѣ съ соблазнами. Я слышу вопросъ. Но развѣ мало невѣрующихъ? Мало инородцевъ, не признающихъ православныхъ праздниковъ? Боже мой! Да развѣ наше государство не православное? Почему оно должно считаться съ кучками невѣрующихъ или инородцевъ? Сидяще въ вагонѣ для некурящихъ покоряются правилу, хотя бы

курящихъ было даже болѣе, чѣмъ некурящихъ. Вѣдь многія европейскія государства не стѣсняются запрещать постройку православныхъ храмовъ. Я не стою за такую стѣснительность, ибо зачѣмъ лишать другихъ молиться по-своему. Но нельзя же позволять игнорировать уставы Православной Церкви. Живущіе въ Россіи должны сообразоваться съ порядками страны и не пѣть публично веселыхъ пѣсенъ— во дни, напр., всенароднаго траура. Всѣ неправославные должны покориться тому, чего требуетъ православіе. Нельзя притти въ гости и распоряжаться какъ дома. Желая быть услужливыми, мы должны соблюдать мѣру. Но если встать на точку зрѣнія тѣхъ, кто защищаетъ «мнимую свободу», то тогда нечего и поднимать вопроса о праздникахъ и огорчаться ихъ сокращеніемъ. Лишенные своего святого значенія, своего великаго вліянія— они превращаются во дни усиленнаго разгула и невольнаго оскорбленія святыни. Тогда пусть они будутъ рабочими будничными днями: меньше возможности пьянствовать, безобразничать и вообще, грѣшить. Не это, конечно, настоящее рѣшеніе. Это послѣднее заключается въ созданіи условій для правильнаго духовнаго празднованія, въ отысканіи для этого пути и средствъ и въ христіанскомъ воспитаніи юнаго поколѣнія въ семьѣ, въ школѣ, въ Церкви, путемъ печати. Если къ теоретической проповѣди присоединится и другая— проповѣдь жизнью, то дѣло христіанскаго воспитанія народа приметъ правильное направленіе и мы будемъ приближаться къ тому празднованію «святыхъ дней», какого требуетъ отъ насъ религія, къ какому призываетъ Православная Церковь.

А. Кругловъ.

НА ПОМОЩЬ СЕМЬЕ и ШКОЛЕ.

I.

Памяти К. Д. Ушинского.

Въ концѣ минувшаго года исполнилось сорокъ лѣтъ со дня смерти незабвеннаго нашего первоучителя и отца русской педагогикѣ Константина Дмитриевича Ушинскаго. Имя Ушинскаго хорошо извѣстно всякому грамотному человѣку въ Россіи.

Являясь крупною творческою силой въ области научной педагогикѣ, Ушинскій ясно опредѣлилъ основную задачу и цѣль воспитанія и былъ провозвѣстникомъ тѣхъ здравыхъ педагогическихъ идей, которыя доселѣ живутъ въ нашемъ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Его педагогическія статьи — не случайныя наброски мыслей, а плоды основательнаго наблюдения и глубокаго размышленія, сложившіяся въ извѣстную систему, которая содержится въ его безсмертномъ произведеніи „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Книга эта обнимаетъ всего человѣка, во всѣхъ его проявленіяхъ, начиная съ дѣтскаго возраста и кончая зрѣлымъ, и выдается глубиною мысли. Ушинскій положилъ начало новымъ изслѣдованіямъ и освѣтилъ совершенно новую для массы русскихъ учителей область воспитанія. Съ этого времени воспитаніе стало у насъ высокимъ служеніемъ, а педагогика — высшимъ изъ искусствъ.

Въ години всеобщаго развала мысль невольно останавливается на дѣтяхъ, такъ какъ только воспитаніемъ юнаго поколѣнія можно подгото- вить и спасти будущее Россіи. Понятно, что необходимо вернуться къ иде- ямъ тѣхъ мыслителей, которые имѣли могущественное вліяніе на подро- ставшее поколѣніе. Среди нихъ безспорно первое мѣсто занимаетъ Ушин- скій, забытый въ послѣднее время тѣми, кто недавно его оплакивалъ и восхвалялъ, какъ носителя новыхъ идей.

Воскресить въ памяти его идеалы и прислушаться къ его голосу осо- бенно полезно въ наше время, когда образованіе и воспитаніе стали предметомъ всеобщаго вниманія общества и правительства и дѣломъ ре- формъ въ высокихъ учрежденіяхъ. „Истинная и добросовѣстная наука, — говорятъ Ушинскій, — каковы бы даже ни были личныя вѣрованія самого ученаго, не только найдетъ возможность построить народное образованіе на прочной основѣ нашей народной религіи, но, какъ величайшимъ сокровищемъ, какъ неисчерпаемымъ и уже существующимъ источникомъ нрав- ственнаго и умственнаго развитія, будетъ дорожить этою историческою

основой, столько же христіанскою, человѣчественною и художественною, сколько и народною“. Признавая народную религію необходимымъ элементомъ воспитанія, Ушинскій полагаетъ, „что уже по одной народности этой религіи не только всякій воспитатель юныхъ поколѣній, но даже всякій, кто не хочетъ показать, что онъ не любитъ и не уважаетъ своего народа, долженъ, если уже не съ любовью, то, по крайней мѣрѣ, съ глубочайшимъ уваженіемъ прикасаться къ тѣмъ его убѣжденіямъ, которыя для него такъ святы и дороги и съ которыми неразрывно срослось все, что есть лучшаго въ его природѣ. Если, воспитывая дитя, мы должны съ уваженіемъ приближаться къ душѣ его, то во сколько разъ должно быть больше это уваженіе къ душѣ народа, когда мы принимаемъ за дѣло его воспитанія“. Считая школу преддверіемъ Церкви, Ушинскій требовалъ, чтобы дѣло народнаго воспитанія было освящено Церковью.

„Мы желали бы, чтобы ни одно русское дитя, — говоритъ онъ, — не было лишено святого, отраднаго вліянія Православной Церкви. Обряды нашей церкви имѣютъ великое воспитательное вліяніе уже и потому, что они сами собой, безъ посредствующихъ объясненій, обнимаютъ дѣтскую душу святымъ религіознымъ чувствомъ, настраиваютъ ее на возвышенный, торжественный ладъ“. Онъ не только не желалъ устранить духовенство отъ школы, какъ теперь хотя бы враги русскаго государства, но, напротивъ, считалъ участіе духовенства необходимымъ и высказывалъ слѣдующее: „Педагогическая дѣятельность не только не противорѣчитъ характеру дѣятельности священнослужительской, но является необходимымъ ея дополненіемъ. Можетъ ли быть для служителя алтаря и проповѣдника слова Божія какая-нибудь дѣятельность приличнѣе воспитанія молодыхъ поколѣній? Какое общество можетъ быть приличнѣе для проповѣдника религіи Спасителя, какъ не общество дѣтей, которыми такъ любилъ Себя окружать Богочеловѣкъ и заботу о которыхъ такъ строго заповѣдалъ ученикамъ?“ Ушинскій продолжаетъ: „Мы считаемъ совершенно приличнымъ и даже въ высшей степени полезнымъ, чтобы духовныя лица могли стоять не только во главѣ народныхъ школъ, но быть, наравнѣ со свѣтскими лицами, начальниками и главными распорядителями и въ другихъ высшихъ школахъ“.

Пожелаемъ, чтобы современные реформаторы нашей школы вняли завѣтамъ своего великаго учителя, который, подобно величайшимъ западнымъ двигателямъ народнаго воспитанія — Песталоцци и другимъ, именно въ христіанствѣ черпалъ силы для своей плодотворной работы. („Моск. В.“).

II.

Изъ учебной хроники.

Нельзя не отмѣтить обзора учебныхъ заведеній, производимаго г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировымъ, въ сопровожденіи окружнаго инспектора В. И. Комарницкаго. Это не обычный формальный обзоръ, ибо онъ носить и тотъ воспитательный характеръ, который его одушевляетъ. Г. попечитель является не только ревизоромъ, начальникомъ, но и горячимъ проповѣдникомъ тѣхъ національныхъ и хри-

христианских идей, без претворения которых в плоть и кровь юности не получить всего того, что может дать образование. Отрадное явление, что, напр., в г. Вьлевѣ, Тульской губ. вмѣстѣ съ г. попечителемъ прибылъ и высокопреосвященный Паренин, архіепископъ Тульскій и Бѣлевскій. *Школа* и *Церковь* должны пойти рука объ руку въ дѣлѣ *просвѣщенія* молодого поколѣнія. Прибывъ для ознакомленія съ постановкой преподаванія Закона Божія въ свѣтскихъ учебн. заведеніяхъ, архіеп. Паренин въ мѣстномъ Соборѣ совершилъ литургію. Здѣсь были собраны учащіяся всѣхъ учебныхъ заведеній, и архіепископъ произнесъ для нихъ чрезвычайно содержательную и сердечную проповѣдь.

„Въ тотъ же день высокопреосвященный Паренин и попечитель учебнаго округа посѣтили совмѣстно женскую городскую начальную школу и Вьлевское епархіальное училище. 2-го же октября въ этомъ училищѣ состоялся вокальный вечеръ съ приглашенными для ознакомленія съ постановкой обученія пѣнію. Въ концѣ вечера архіепископъ обратился къ воспитанницамъ съ назидательнымъ словомъ, а затѣмъ просилъ находившагося среди приглашенныхъ попечителя учебнаго округа ознакомить присутствовавшихъ со своимъ взглядомъ на отношеніе науки къ религіи.

Удовлетворяя это желаніе архіепископа, А. А. Тихомировъ прочелъ предъ присутствовавшими краткую лекцію на сказанную тему; при чемъ на отдѣльныхъ примѣрахъ показалъ, къ какимъ несообразнымъ выводамъ приходитъ каждый разъ наука, какъ только она вступаетъ въ борьбу съ христианскимъ міровоззрѣніемъ. Въ заключеніе лекторъ отмѣтилъ, что несбыточною иллюзіей представляется нехристианское міровоззрѣніе, какъ объ этомъ, къ сожалѣнію, нерѣдко проповѣдуется въ наукѣ, и что, именно, такой иллюзіей является всякое антихристианское ученіе, какой бы области науки оно не принадлежало“.

„Въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича въ с. Голуни, Новосильскаго уѣзда, происходило торжество открытія городского по положенію 1872 года училища. Наканунѣ этого дня въ г. Новосиль по пути въ с. Голунь была отслужена въ мѣстномъ Соборѣ архіепископомъ Паренинемъ всенощная. На этомъ богослуженіи присутствовали попечитель учебнаго округа, дирекція народныхъ училищъ, учаще и учащіяся.

5-го октября въ церкви при усадьбѣ владѣльцевъ с. Голуни архіерейскимъ служеніемъ была совершена литургія съ парскимъ молебномъ. Въ храмѣ присутствовали владѣльцы имѣнія: членъ Государственнаго Совѣта П. П. Извольскій и его супруга М. С. Извольская, попечитель учебнаго округа А. А. Тихомировъ и другіе представители учебнаго вѣдомства, прибывшіе на торжество, а также учаще и учащіяся с. Голуни и окрестныхъ селъ. Пѣлъ ученическій хоръ. По окончаніи богослуженія былъ совершенъ крестный ходъ къ зданію вновь открывающагося городского училища, преобразованнаго изъ мѣстнаго начальнаго училища.

По прибытіи съ крестнымъ ходомъ въ зданіе городского училища высокопреосвященнымъ Паренинемъ было совершено молебствіе и затѣмъ сказано слово о значеніи религіознаго направленія въ школѣ. Послѣ этого слѣдовало торжественное собраніе. Открывая его, попечитель учебнаго округа обратился съ привѣтственнымъ словомъ.

Высказавъ отъ имени учебнаго вѣдомства глубокую признательность П. П. Извольскому и его супругѣ М. С. Извольской за ихъ труды въ дѣлѣ преобразования начального училища въ городское, А. А. Тихомировъ, обращаясь къ учащему персоналу, указалъ, что въ православной Россіи немислимъ дѣйствительный успѣхъ школьнаго дѣла безъ подъема религиознаго настроенія ея питомцевъ, если же по нерадѣнью учащихся питомцы школы по выходѣ изъ нея окажутся отдаленными отъ Бога, то нужно признать, что въ такомъ случаѣ школа не только не достигла цѣли своего назначенія, но еще къ тому же ввела своихъ питомцевъ въ соблазнъ и такимъ образомъ взяла на себя тяжкую отвѣтственность за ихъ дальнѣйшую судьбу. Выразивъ надежду, что въ новомъ городскомъ училищѣ учаще всегда будутъ вѣрны своему христіанскому долгу, А. А. Тихомировъ отмѣтилъ симпатичное стремленіе почетнаго попечителя училища П. П. Извольскаго и его супруги содѣйствовать тому, чтобы питомцамъ училища была доставлена возможность по выходѣ изъ школы быть полезными на мѣстѣ: при училищѣ будутъ организованы занятія по садоводству, огородничеству и т. д.

Здѣсь же въ собраніи была составлена телеграмма на имя министра народнаго просвѣщенія съ просьбой повергнуть къ стопамъ Государа Императора выраженіе чувствъ благоговѣйнаго вѣрнопопданства и безпредѣльной преданности. По прочтеніи текста телеграммы ученическимъ хоромъ былъ исполненъ народный гимнъ, принятый восторженно.

Загѣмъ директоромъ народныхъ училищъ Тульской губ. А. И. Одицовымъ была прочитана краткая историческая записка о преобразованіи начального училища с. Голуни въ городское по положенію 1872 г.

По объявленіи городского училища открытымъ собраніе окончено было исполненіемъ вновь народнаго гимна, сопровождавшимся восторженнымъ ура присутствовавшихъ.

Въ одномъ изъ классовъ училища депутація отъ мѣстныхъ крестьянъ въ выраженіи признательности учебному вѣдомству поднесла по русскому обычаю хлѣбъ-соль попечителю учебнаго округа.

Отвѣчая на привѣтствіе, А. А. Тихомировъ благодарилъ крестьянъ и указалъ, что, только живя въ добромъ согласіи съ владѣльцами и слѣдуя ихъ указаніямъ, могутъ они, крестьяне, достигнуть улучшения своей трудовой жизни“.

Невольно отдыхаешь на такихъ отрадныхъ картинахъ и является мысль: зло вовсе не непобѣдимо,—нужно только неустанно работать и создавать здоровую умственно духовную атмосферу, въ которой проходила бы школьная жизнь юношества. Каждое посѣщеніе *епископа* среди населенія, среди дѣтей—уже цѣнно само по себѣ. Но еще цѣннѣе то воодушевленное слово, съ которымъ онъ обращается къ родителямъ и дѣтямъ. Укрѣпляется связь, зарождаются добрыя отношенія, освѣщается то, что для многихъ оставалось, быть можетъ, неяснымъ и даже темнымъ. Когда къ этому слову епископа (мы говоримъ вообще) присоединяется и сердечное слово представителя науки, то несомнѣнно ихъ доводы произведутъ на юношество то сильное вліяніе, какое всегда имѣетъ авторитетное слово, проникнутое искреннею любовью, а учащимъ укажетъ истинное направленіе для ихъ дѣятельности. Вся ложь противниковъ вѣры и Церкви, всѣ про-

повѣди смутьянцева — окажутся безсильными, ибо юноши и ихъ наставники учтутъ и епископскую любовь и ту душевную заботу, какая слышится въ словѣ почитателя не только какъ начальника, но и какъ христианина и патриота... Все это учли и крестьяне, выразившие свою признательность подношениемъ хлѣба-соли г. почитателю. А его отвѣтное слово несомнѣнно благотворно подѣйствовало на крестьянское население, которое поняло всю неправду мнимыхъ друзей народа, желающихъ именно нарушить доброе согласие крестьянъ съ помѣщиками. Только согласная и дружная работа *всѣхъ* дастъ деревнѣ свѣтлую жизнь.

Р.

III.

КНИГИ ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ И СЕМЕЙНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

V.

Повѣсти, рассказы, драматическія сочиненія и стихотворенія.

8. Сорочьи гнѣзда. Пов. А. Погоскаго. Ц. 20 к. (Во всей силѣ возрастаетъ влияние материнской любви. Чтеніе не для дѣтей, а для взрослыхъ, или для юношества подъ руководствомъ взрослыхъ).

9. Неспособный человекъ. Пов. А. Погоскаго. Ц. 25 к. (Съ пользою и удовольствіемъ прочтутъ взрослые и дѣти).

10. Господинъ колодникъ. Пов. А. Погоскаго. Ц. 20 к. (Только для взрослыхъ и подростковъ).

11. Злодѣй и Петька. Пов. А. Погоскаго. Ц. 10 к. (Хорошая книжка для народной и школьной библиотеки).

12. Штуцерикъ Нечипоръ Зачины-ворота. А. Погоскаго. Ц. не обозначена. (Это исторія солдата. Очень пригодная книжка для школьной народной библиотеки).

13. Медвѣжья наука. — Собачій застрѣльщикъ. Рассказы А. Погоскаго. Ц. 20 к. (Можно сказать то же самое, что и о предыдущей книжкѣ).

14. Маіорская дочка. А. Погоскаго. Ц. 25 к. (Прекрасная книжка для народно-школьной библиотеки).

15. Братъ и сестра. Романъ для дѣтей. А. Н. Аннинской. Ц. 75 к. (Нѣсколько дѣланная повѣсть, но все же можно дать въ руки дѣтямъ средняго возраста).

16. Звѣздочка. Евгени Туръ. Ц. 40 к. (Можно дать дѣтямъ).

17. Старые и малые. Рассказы А. Н. Догановичъ. Съ портретомъ автора. Ц. 45 к. (Для дѣтей средняго и старшаго возраста).

18. Тюлевая баба. Марка Вовчка. Ц. 25. (Рассказъ пригоденъ для взрослыхъ и дѣтей на возрастѣ).

П. А. Россевъ.

ИЗЪ ЦАРСКАГО СЕЛА.

(Царскосельская выставка. — Царско-сельскій лицей.)

Исполнилось 200 лѣтъ Сарскому Селу, благословенному уголку — въ 22 верстахъ отъ Петербурга. Нѣкогда Ломоносовъ, обращаясь къ „Сарскому Селу“, писалъ:

Луга, кустарники, пріятны высоты,
Примѣръ и образецъ Едемской красоты,
Достойно похвалить я нынѣ васъ желаю...
Вездѣ пріятности въ садахъ,
И нѣжны зефиры роскошествуютъ въ цвѣтахъ...

Съ теченіемъ времени Царское Село не утратило ничего изъ своихъ эдемскихъ (сирѣчь: райскихъ) красотъ. Луга и поля стелятся вокругъ города. Возвышенности ласкаютъ взоръ попрежнему, сады разрослись, а лѣтомъ, какъ и при Ломоносовѣ, благоухаютъ цвѣты, позволяя „роскошествовать“ среди нихъ „нѣжнымъ зефирамъ“. Кромѣ этого, васъ плѣняетъ царскосельская тишина, которая въ особенности чувствуется послѣ грохочущаго, свистящаго, шипящаго и кричащаго Петербурга. Въ благословенной тишинѣ ваши нервы, какъ часовые, смѣнившіеся съ вахты, погружаются въ дремоту и сами вы начинаете отдыхать и, подобно Лермонтову, въ небесахъ видѣть Бога. О, трижды блаженъ тотъ, кто преданъ русскому провинциальному городку и безъ нужды не порывается въ столицы или въ города, желающе „ни въ чемъ не уступать Петербургу и Москвѣ!“ Здоровье разрушаютъ не только вино, табакъ, праздность и погоня за удовольствіями, но и самыя условия „грохочущей, свистящей, шипящей и кричащей“, хотя бы и сдержанной столичной жизни. Въ довершене всѣхъ прелестей царскосельские жители пьютъ отличную воду, а смертность въ городѣ не превышаетъ 8 проентовъ. Совсѣмъ счастливая Аркадія!

Но я не знаю, было ли въ „счастливой Аркадіи“ то, что есть въ Царскомъ Селѣ. Это городъ яркихъ и великолѣпныхъ воспоминаній. Хотя основаніе его относится къ Петровскимъ временамъ, но царскосельскіе „сувениры“ приближаютъ насъ ко времени Екатерины II и всѣ взятыя вмѣстѣ, пожалуй, довольно воссоздадутъ картину и условия жизни великой императрицы. Конечно, съ тѣхъ

поръ городъ разросся, приобрѣлъ новыя улицы съ разными магазинами, но я прошелъ мимо нихъ: я не хотѣлъ ихъ замѣтить и могъ не замѣтить, потому что новизна не стерла съ лица земли старины, которая бодро живетъ въ дымкѣ своеобразной поэзии. Признаюсь, когда я очутился подъ властью, — увы, осеннихъ! — царскосельскихъ „зефировъ“, возлѣ сада, роняющаго багряный свой уборъ, я искалъ тѣней императрицы Екатерины II и Капитанской дочки. Не могу сказать, почему именно этой встрѣчи мнѣ хотѣлось, но я шелъ, шелъ и все наѣлся съ бьющимся сердцемъ... Однакожь, вмѣсто желанныхъ тѣней, мой взглядъ привлекли къ себѣ красивый дворецъ, гдѣ имѣеть пребываніе Государь Императоръ съ Семейю, прелестный паркъ, гроты, статуи, башня Спасителя, турецкій къскъ, прудъ... На пруду встрѣча съ графомъ Орловымъ-Чесменскимъ: предо мной выросъ его памятникъ. Эти гроты, статуи, этотъ прудъ, къскъ, этотъ герой Чесмы, эти прелестныя аллеи всколыхнули историческія были, бросили лучи славы на страницы Отечественной исторіи. Мнѣ слышались томные вздохи изъ гротовъ, мнѣ почудился шопотъ, перебѣгавши изъ аллеи въ аллею; у турецкаго къска мнѣ слышалось, какъ будто радостное „ура“ побѣдителей и отчаянное „Алла! алла!“ побѣжденныхъ. Быть можетъ, въ это время мимо меня и прошли незримые Державинъ, Суворовъ, Потемкинъ, Румянцевъ, княгиня Дашкова, Безбородко, Чичаговъ — все удивительныя страницы блестящаго царствования... Можетъ быть!

Не заинтересовала ли и ихъ юбилейная Царскосельская выставка?

Читатель ждетъ описанія ея. Пусть не посѣтуетъ: чтобы описать выставку, надо слишкомъ много мѣста. Она раскинулась весьма широко на цѣлыя версты и охватила столь многое, что большая часть его можетъ интересовать только узкихъ специалистовъ. Но имъ я никоимъ образомъ не угодилъ бы при всей добросовѣстности описанія. Я навѣрняка не примѣтилъ бы слона, который на мой, не специалиста, взглядъ — только „козявка, мушка, таракашка“. Что же дѣлать, если я профанъ! Вначалѣ имѣлась мысль устроить не болѣе, какъ выставку-школу, но вскорѣ мысль стала расти, охватывать прошлое и настоящее не только петербургско-царскосельскаго округа, но и всей России, и выставка вышла изъ рамокъ районной тѣсноты и сказала о томъ и о семъ отъ лица значительной части Имперіи.

Въ силу торгово-промышленнаго правила: казать товаръ лицомъ, на выставки посылаются, разумѣется, наилучше сорта производствъ, какихъ въ продажу (простите за ересь) можетъ быть, и не поступаетъ; въ силу того, что выставка показываетъ развитие вообще культуры и промышленности государства, она становится похожей на какой-нибудь Невскій проспектъ или Кузнецкіи мостъ, гдѣ чего хочешь, того просишь, но въ выставочныхъ павильонахъ, вмѣстѣ съ примелькавшимися, хотя качественно и высшими, предметами встрѣчается и такое, чего не могутъ показать или сказать

главныя улицы столицъ, не говоря ужъ о губернскихъ городахъ. Я не на всемъ останавливался, но что видѣлъ, — тѣмъ дѣлюсь. Въ отдѣлѣ „народное образованіе“ все показываетъ объ улучшеніи и заботливости человѣческаго ума придти на помощь дѣтворѣ въ дѣлѣ воспитанія, образованія и укрѣпленія ея здоровья. Школьная мебель становится вполнѣ гигиеничной, гимнастическій городокъ своимъ краснорѣчивымъ молчаніемъ заставляеть родителей помнить, что гимнастика есть одинъ изъ краеугольныхъ камней, изъ которыхъ создается въ культурныхъ странахъ зданіе здоровья гражданъ. Замѣтно развитіе искусства въ школахъ. Стали отдавать часы досуга живописи. И это прекрасно! Искусство облагораживаетъ и, передаваясь изъ школы въ семью, въ жизнь, изощряеть умы и увеличиваетъ цѣнность хотя бы кустарнаго производства. Его представили на царскосельскую выставку изъ разныхъ мѣстъ. Новостью явились кустари съ Печоры: дальній Сѣверъ показалъ себя въ новой области. Въ естественномъ отдѣлѣ крестьяне щегольнули яблоками, овощами, есть огурцы съ гору! есть капуста удивительной величины! Но вотъ вопросъ: вкусны ли эти гигантскіе дары матери-земли, которые стоили многихъ усилій и трудовъ, чтобы взрастить ихъ? На выставкѣ вы могли познакомиться съ жизнью пчелъ въ ульяхъ, процессомъ медонесенія и покушать свѣжаго медку. Конечно, много публики толпится около моделей современныхъ аэроплановъ; конечно, немногихъ задерживалъ отдѣлъ благотворительности, но право, стоитъ подумать, какъ творятся добрыя дѣла. Хламъ, отбросы, ненужныя вещи Императорское человѣколюбивое общество принимаетъ, съ благодарностью, сбываетъ эту „дрянъ“ и на вырученныя деньги даетъ ремесленное образованіе бѣднымъ дѣтямъ. Вотъ бы провинціальнымъ добрымъ душамъ заняться тѣмъ же!

— Посмотрите, ну, чѣмъ не самоваръ? — обращается кто-то къ своимъ знакомымъ, указывая на старый паровозъ Николаевскихъ временъ. — А этотъ? развѣ не игрушка? киваетъ онъ же на новѣйшую модель.

Очень интересенъ художественно-исторически отдѣлъ, по онъ и не укладывается въ тѣсныя рамки нашихъ откликовъ. Здѣсь даже и не легко схватывающе умы схватятъ и запечатлѣютъ въ своей памяти многое, что касается отечественной исторіи и рода Романовыхъ. Первое, что здѣсь умиляетъ — это дѣтская подпись: *Александръ* подъ портретомъ Наслѣдника Цесаревича. Крупныя буквы какъ будто бы еще сильнѣе пѣжной руки Писавшаго и выходятъ ломаными. Но въ этомъ ломаномъ почеркѣ дивная симфонія дѣтства и вся плѣнительность дѣтскаго ума, уже порывающагося къ знаніямъ...

Мы заглянули въ одинъ бытовой уголокъ нашей исторіи, именно: къ разрѣшенію земельныхъ споровъ. Семьсотъ и болѣе лѣтъ назадъ споры изъ-за земли разрѣшались поединками, впоследствии жизнь стала больше цѣниться: спорщики, не желая погибнуть на поединкахъ, занимали каждый за себя охотниковъ. Эти дрались вна-

Здание нынѣшняго Лицея въ С.-Петербургѣ.

Памятникъ А. С. Пушкину (первому лиценсту) въ лицейскомъ саду въ С.-Петербургѣ.

чалъ, не жалѣя своихъ реберъ и лицъ, но потомъ начали обманывать нанимателей и дрались не какъ слѣдуетъ, а почти по театральному. Съ течениемъ времени земельные споры создали иного рода судъ. Спорщики (въ Царскомъ Селѣ) становились у ручья и принимались таскать другъ друга за волосы до тѣхъ поръ, пока одинъ свалится въ воду. Упавшій считался побѣжденнымъ. Еще позже одна изъ спорящихъ сторонъ должна была пройти съ образомъ по спорной полосѣ. Если прохожденіе совершилось благополучно (не разразилъ Господь), противная сторона признавала за той право на землю.

Много портретовъ, картинъ, гравюръ и т. п. уясняютъ наглядно историческія событія. Пламенемъ горитъ слава и честь Россіи подъ скиптромъ Романовыхъ.

Въ плѣнительномъ Елизаветинскомъ Эрмитажѣ отдѣльные уголки посвящены памяти такихъ „царскоселовъ“, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Жуковский, Карамзинъ и Тютчевъ. Исторія драгоценнѣйшей литературы въ реликвіяхъ. Да, здѣсь кромѣ портретовъ названныхъ знаменитостей, и ихъ родныхъ, близкихъ и знакомыхъ, вы видите памятники ихъ творчества: живописные, печатные, рукописные; мѣста, гдѣ они „вкусили сладость бытія“ или жили, творили, или наконецъ отошли въ вѣчность. Здѣсь принадлежавшія имъ вещи. Здѣсь тепло и свѣтъ и горькая скорбь отъ сознанія, что они были, но что ихъ нѣтъ и не придутъ въ міръ.

Вонъ онъ, этотъ полукруглый угловый флигель, къ которому меня потянуло изъ блага Эрмитажа обвинянаго нѣгой и страстью горячихъ сердець. 19-го октября совершилось столѣтіе, какъ былъ основанъ Царскосельскій лицей. Вы знаете, что онъ былъ назначенъ для приготовления молодыхъ людей „къ важнымъ частямъ государственной службы“, но, — говорилъ академикъ Я. К. Гротъ (лицейскій питомецъ) иронія судьбы устроила, что первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе негодившійся для службы и однако же болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе. Конечно, вы догадались, что это—Пушкинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, за свое вѣковое существованіе Лицей (давно уже переведенный въ Петербургъ) воспиталъ много лицъ, прославившихся на „важныхъ частяхъ государственной службы“; довольно назвать того же академика Грота, канцлера кн. Горчакова, гр. М. А. Корфа, адмирала О. О. Матюшкина, героя кавказской войны В. Д. Вальховскаго и т. д., чтобы поставить Лицей на очень видное мѣсто между разсадниками отечественнаго просвѣщенія, но несмотря на это блескъ Лицея поддерживается главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ воспиталъ народнаго поэта.

Очень можетъ быть, опустѣлыя стѣны царскосельскаго флигеля и понынѣ грезятъ питомцемъ перваго выпуска; очень можетъ быть, тѣни Пушкина и его однокашниковъ: прелестнаго Дельвига, „соперника“ Пушкина по стихотворству Илличевского, несчастныхъ: „Вили“, Кюхельбекера и Пущина, — эти священные для насъ, любии-

телей изящнаго, тѣни, быть можетъ, собираются въ стѣнахъ былого Лицея и бесѣдуютъ съ музами. Можетъ быть, царскосельскіе лебеди подаютъ имъ на утренней зарѣ голосъ, и тѣни расходятся въ безмолвіи, неслышно, до вечера, а въ сумеркахъ опять сходятся. Вѣдь отмѣтилъ же Пушкинъ неизсякаемую человѣческую любовь къ родному пепелищу. Поэту въ Царскомъ Селѣ воздвигнуть памятникъ, но самъ онъ воздвигъ обаятельный памятникъ изъ этого уѣзднаго города, посвятивъ ему сладкіе звуки своей юношеской лиры. Екатерина II и Пушкинъ — вотъ два имени, которымъ „Сарская мыза“ преимущественно обязана своей великолѣпной извѣстностью. Прекрасное сердце государыни освѣтилось ея милостью къ человѣку: „лучше десять виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго осудить“; прекрасное сердце поэта сказало въ его чувствѣ къ воспитавшему его заведенію. Многіе ли (особливо въ наше время) съ благодарностью вспоминаютъ школу и, „не помня зла“, воздаютъ добромъ своимъ учителямъ? А въ сущности многому ли научилъ Лицей Пушкина? Но дѣло въ томъ, что онъ не хотѣлъ быть похожимъ на библейскаго Хама.

Павель Россіевъ.

ПОЛУВЪКОВОЙ

ЮБИЛЕЙ.

В. П. Буренинъ.

Это — юбилей Виктора Петровича Буренина. Кто не знает Буренина — поэта, сатирика, юмориста и литературного обозрѣвателя, автора «Критическихъ очерковъ» сначала въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша, а потомъ въ «Шовомъ Времени»! Буренинъ и его псевдонимы — Влад. Моцументовъ, Выборгскій Пустыльникъ, Мاستитый Беллетристъ — извѣстны всей читающей публикѣ. Обладая яркимъ и остроумнымъ талантомъ, Буренинъ бьетъ своими сатирами — въ прозѣ и въ стихахъ — какъ говорится, не въ бровь, а прямо въ глазъ. Какъ обозрѣватель литературы, онъ является очень тонкимъ цѣнителемъ, который умѣетъ мѣтко опредѣлить писателя. По свойству своего дарованія, онъ останавливается всего охотнѣе на отрицательныхъ сторонахъ; по силѣ остроумной иронии, ѣдкой пародии онъ не имѣетъ себѣ равнаго въ журналистикѣ. Но прочтите его статьи о Тургеневѣ и вы убѣдитесь, какъ тонко оцѣниваетъ онъ автора «Дворянскаго гнѣзда». Здѣсь онъ имѣетъ дѣло съ великимъ художникомъ; конечно, нельзя говорить такимъ языкомъ по поводу арцыбашевской пошлости, или глупости Саши Чернаго: для нихъ всего пригоднѣе та ѣдкая иронія, та превосходная пародія, къ которымъ прибѣгаетъ нерѣдко Буренинъ въ своихъ критическихъ очеркахъ. Но чтобы ни писалъ, о чемъ бы ни говорилъ Буренинъ, онъ всегда интересенъ, остроуменъ и чуждъ банальности.

В. П. Буренинъ началъ свою литературную карьеру въ «Искрѣ» и «Свистѣ» при «Современникѣ». Тамъ напечатаны между прочимъ его стихи «Шабашъ на Лысой горѣ или журналистика въ 1862 году». Одновременно съ юмористическими стихами, Буренинъ печаталъ и стихи серьезнаго характера. Въ «Современникѣ» Некрасова онъ помѣстилъ два оригинальныхъ стихотворенія: «Поникъ я долу головой» и «Какая жалкая судьба». Тамъ же онъ напечаталъ рядъ переводовъ. Послѣ онъ помѣщалъ стихи въ «В. Европы», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Бесѣдѣ». Стихотворенія Буренина выходили отдѣльными сборниками подъ названіями: «Былое», «Стрѣлы», «Пѣсни и шаржи». Они имѣли успѣхъ у публики. Съ 1865 года В. П. Буренинъ началъ сотрудничать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша, помѣщая въ нихъ журнальные фельетоны за подписью Z. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ вступилъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ «Новаго Времени». Его фельетонами зачитываются всѣ, умѣющие цѣнить неподдѣльное остроуміе и мѣткую сатиру. Не мало потрудился Буренинъ и для сцены. Имъ написаны пьесы: «Смерть Агриппины», «Комедія о княжѣ Забавѣ Путятишинѣ и бояринѣ Василиѣ Микულიшинѣ», «Ожерелье Афродиты», «Медея» (въ сотрудничествѣ съ А. С. Суворинымъ) и др. Не все, написанное имъ, одинаковой цѣнности, но на всемъ лежитъ печать яркаго таланта. Привѣтствуя почтеннаго юбиляра, мы говоримъ ему по русскому обычаю: желаемъ много лѣтъ здравствовать и продолжать свою неустанную работу. Талантливые люди нужны вездѣ, и тѣмъ болѣе въ литературѣ.

К.

НЕКРОЛОГИ.

† В. В. Байкова-Семигановская.

26 сентября сего года, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, въ Москвѣ, опустили въ могилу бывшую оперную артистку Варвару Васильевну Байкову-Семигановскую. Несмотря на убійственную дождливую погоду съ рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ, на отпѣ-

В. В. Байкова-Семигановская.

вание въ Кресто-воздвиженскую церковь на Воздвиженкѣ собралось много народа. Тутъ были, помимо родственниковъ и друзей почившей, — представители литературнаго и артистическаго міра, пришедше от-дать послѣдній долгъ талантливой артисткѣ.

В. В. умерла въ зрѣломъ возрастѣ, отъ чахотки на почвѣ сахарной болѣзни, стоически борясь съ развивавшимся недугомъ. Съ лѣта она совершенно потеряла голосъ, а въ послѣднее время уже не покидала и постели.

Уроженка Полтавской губ., Прилукскаго уѣзда, — она запечатлѣла въ своей душѣ поэти-

ческую природу Украины. Происходя изъ дворянской помѣщичьей среды, В. В. уже съ 4-лѣтняго возраста обнаружила музыкальныя способности. Родители обратили на это внимание и помогли ихъ развитію.

Окончивъ научное образование, В. В. поступила въ Московскую консерваторію, гдѣ изучала гѣніе подъ руководствомъ из-

вѣстнаго профессора — А. Д. Александровой-Кочетовой. Затѣмъ В. В. пѣла зимний сезонъ въ киевской русской оперѣ, славившейся тогда своимъ составомъ пѣвцовъ и ихъ серьезнымъ отношенемъ къ музыкальному дѣлу.

Съ перваго же появления на сценѣ, въ роли Вани (въ оп. «Жизнь за Царя»), В. В. имѣла шумный успѣхъ и сдѣлалась любимицей публики.

Второй сезонъ она пѣла по-итальянски въ Таганрогѣ, неся на себѣ одной очень большой репертуаръ. Здѣсь она получила приглашеніе въ Италию и опять въ Кіевъ. Она отдала предпочтеніе послѣднему и прослужила въ Кіевѣ нѣсколько сезоновъ подъ рядъ.

Въ 1883 г., выйдя замужъ за Николая Николаевича Семигеновскаго, впослѣдствіи виднаго московскаго адвоката и юристъ-консульта Московско-Казанской ж. д., В. В. покинула сцену. Но искусство навсегда оставалось близко ея душѣ. Она занялась композиціей. Ея перу принадлежитъ нѣсколько мелодичныхъ романсовъ: «На головку твою свѣтлорусую», «Когда голубыми глазами», «Колыбельная пѣсня», серенада «Море» и мн. др., а также сборникъ для дѣтей — «Дѣтскій балъ». Онъ состоитъ изъ легкихъ танцевъ и пѣсенокъ, текстъ которыхъ также принадлежитъ В. В., ибо она отчасти была и поэтесса.

Овдовѣвъ 7 лѣтъ тому назадъ, она повела чрезвычайно замкнутый образъ жизни. Въ это время она сблизилась съ редакціей журнала «Спиритуалистъ» и приняла въ его судьбѣ горячее участіе. На его страницахъ помѣщено немало ея различныхъ сообщеній, а также и стиховъ мистическаго содержания.

Редакторъ-издатель «Спиритуалиста» В. П. Быковъ произнесъ на могилѣ Семигеновской прочувствованную рѣчь и прочелъ нѣсколько стихотвореній.

Н.

Генераль-адъютантъ А. П. Струковъ.

(† 14-го октября 1911 года.)

2-го января 1878 года, послѣ участія въ шипкинскомъ бою, гдѣ М. Д. Скобелевъ блестяще разбилъ Весселя-пашу, изъ Эски-Загры выступилъ легучій отрядъ въ составѣ 1-го драгунскаго московскаго, 2-го уланскаго петербургскаго и 1-го казачьяго донскаго полковъ. Задачей отряда было пролетѣть черезъ южныя Балканы, захватить обѣ линіи желѣзныхъ дорогъ, филиппопольской и ямбольской, и отрѣзать телеграфную линію Адрианополь.

Выйдя изъ Эски-Загры, начальникъ отряда, ген.-майоръ А. П. Струковъ, обратился къ отряду съ такой рѣчью:

— На вашу долю выпала большая честь — быть передовымъ отрядомъ авангарда армии. На васъ будутъ смотрѣть вся армія, вся Россія. Наша задача — достигнуть наибольшихъ результатовъ при наименьшихъ потеряхъ. Мы идемъ въ набѣгъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ носить харак-

теперь общей непрерывной рекогносцировки. Впереди, передъ нами, полная неизвѣстность, и что намъ должно будетъ дѣлать,— это укажутъ обстоятельства. Перекрестимся и пойдемъ!

И пошли.

Послѣ цѣлаго ряда боевъ, А. П. Струковъ во главѣ своего лихого отряда входитъ въ Адрианополь, встрѣченный хлѣбомъ-солью, и ему торжественно подносятся ключи отъ города. А затѣмъ снова впередъ, снова налеты. На желѣзнодорожной станци снимается телеграфный апаратъ и прерывается сообщене съ Константинополемъ; тутъ же, по пути, забираются 28 большихъ крупновскихъ оруди, отправлявшихся на защиту Константинополя.

Къ вечеру этого дня въ Адрианополь прибываетъ М. Д. Скобелевъ и располагаетъ свой отрядъ въ предмѣстьяхъ города, а Струковъ уже на югѣ, на Гаерсу, въ ежечасныхъ стычкахъ съ башибузками и партизанскими партиями турокъ.

Струковымъ занимаютъ города Бабы-Эски и Люли-Бургазъ. Отрядъ, налетающій неожиданно, какъ снѣгъ на голову, всюду производитъ панику.

Вездѣсущій отрядъ Струкова считаютъ за авангардъ, а немовѣрно быстро слѣдующую за нимъ пѣхоту Скобелева — за главныя силы. И все сдается, бѣжитъ и грабитъ, разбойничаетъ по пути.

Отрядъ Струкова идетъ по свѣжимъ слѣдамъ пожаровъ, разбоевъ, убійствъ.

17 января берется желѣзнодорожная станция Чорлу, гдѣ долго длится кавалерійскій бой съ тысячами черкесовъ и гвардейцевъ султана. Въ этой схваткѣ отличается знаменитый художникъ В. В. Верещагинъ, командовавшій въ этомъ бою 4-й сотней 1-го донского казачьяго полка. Чорлу занять и спасенъ отъ разграбленія. На другой день Струковъ двигается на городъ Силиври, но его предупреждаютъ изъ главной квартиры:

— Поосторожнѣе... Завтра перемиріе подписано будетъ...

Но Струковъ окружаетъ городъ и на другой день, все таки не безъ риска, занимаетъ его „на основаніи перемирія“...

Послѣ блестящаго боевого набѣга, не знавшаго ни одной неудачи, и вдругъ — перемиріе!..

Утѣшеніе Струкову и его отряду — 1-й кавалерійской дивизіи — является въ приказѣ М. Д. Скобелева:

„Отряду свиты Его Величества генераль-майора Струкова мы обязаны, что арміи Сулеймана и Мехмета-Али не успѣли сосредоточиться для обороны Адрианополя“. „Наконецъ,— смѣю это высказать,— полкамъ 1-й кавалерійской дивизіи болѣе другихъ частей нашей арміи Россія обязана столь скорымъ заключеніемъ перемирія — предвѣстника славнаго мира“.

Славный герой славной войны, А. П. много поработалъ и послѣ для русской арміи.

Откомандовавъ петергофскими уланами, съ 1893 по 1907 гг., онъ состоялъ инспекторомъ ремонта кавалеріи и установилъ правильный взглядъ на этотъ трудный вопросъ, отдавая всего себя любимому дѣлу. Лихой кавалеристъ, знагокъ лошади, А. П. пользовался огромнымъ авторитетомъ въ кавалерійскихъ и коннозаводскихъ кругахъ. Его рассказы въ дружеской бесѣдѣ о забалканскихъ походахъ были цѣлой наукой для кавалериста. Въ

его альбомѣ есть стихотвореніе, написанное ему однимъ изъ друзей, тоже участникомъ войны, которое онъ любилъ, какъ напоминающее его боевое прошлое:

„Ночная тишь — душа развѣдки...
 Марица... Мостъ... Заваль тельгъ,
 И пули вражескія мѣтки...
 Но неожиданный набѣгъ,
 И врагъ бѣжить... Орудья взяты...
 На горномъ берегу рѣки
 Враги разбросаны и смяты.
 И снова, смѣлы и легки,
 Летятъ драгуны съ казаками.
 И скрылъ вершинъ Балканскихъ рядъ
 За Аладагскими тронами
 Летучій Струкова отрядъ.
 Балканы грозныя, сѣдя,
 Огонь дымящихся вершинъ,
 Въ горахъ обвалы сѣгровые
 И бой средь розовыхъ долинъ“.

(„Гол. М.“ В. Г—скш).

† В. С. Добржинецкій.

Въ началѣ октября, въ Москвѣ скончался отъ чахотки молодой литераторъ, В. С. Добржинецкій, напечатавшій нѣсколько рассказовъ и въ нашемъ журналѣ. Онъ много работалъ въ „Родной Рѣчи“ и незадолго до смерти продалъ, для отдѣльнаго изданія, рядъ дѣтскихъ рассказовъ — М. В. Клюкину и А. Д. Ступину. Православный по матери, онъ былъ глубоко-вѣрующимъ человекомъ, и эта вѣра помогала ему нести тяжелый крестъ жизни. Мало зарабатывая, онъ постоянно нуждался, но не могъ „измѣнить литературѣ“, по его собственному выраженію. Да въ послѣдніе годы ему было уже и трудно занять какое-либо служебное мѣсто. Живя исключительно журнальнымъ трудомъ, онъ содержалъ старика отца. Тяжело было слушать его признанія, сознавая невозможность оказать ему во всей полнотѣ ту помощь, въ какой онъ нуждался. Скромный и тихій, онъ былъ благодаренъ за всякую поддержку.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ неудачниковъ, которыхъ такъ много въ журнальномъ мірѣ. Онъ не переоцѣнивалъ своихъ силъ, но рыцарски былъ преданъ литературѣ. И умеръ съ мечтами... о новой большой работѣ...

Да будетъ легка тебѣ земля, честный собрать-труженикъ!

А. К.

Несгораемое дерево.— Электрический сонъ.— Важное изобрѣтеніе.—

Важныя услуги фотографіи.— Усыпляющіи снарядъ.

Въ Америкѣ найденъ новый способъ дѣлать дерево несгораемымъ, при чемъ онъ оказался пригоднымъ для примѣненія ко всѣмъ столярнымъ и мебельнымъ издѣліямъ. Для достиженія несгораемости дерево помощью электричества пропитывается особымъ составомъ. Въ официальныхъ опытахъ, произведенныхъ съ обработаннымъ, такимъ образомъ, деревомъ дверь, толщиною въ $\frac{3}{4}$ дюйма, въ продолженіе часа успѣшно сопротивлялась дѣйствию сильнаго огня, нисколько не пострадавъ во время опыта и оставаясь внутри массы дерева холодною.

Двери изъ толя и изъ дерева, покрытаго толемъ, значительно пострадали при такомъ же опытѣ. Нельзя сомнѣваться, что если опыты съ несгораемымъ деревомъ подтвердятся, оно найдетъ разнообразное примѣненіе какъ въ домашнемъ обиходѣ, такъ и въ технику.

Усыпленіе электричествомъ, по послѣднимъ опытамъ проф. Ледюкка замѣняетъ хлороформированіе. Пациентъ лежитъ безъ произвольнаго движенія, не отзываясь ни на какія, даже самыя болѣзненные возбужденія. Пробужденіе наступаетъ, лишь только токъ прекращается. Опыты произведены надъ собаками, кроликами, морскими свинками и т. д. Они безболѣзненны и не сопровождаются опасными послѣдствіями. Животное послѣ пробужденія сейчасъ же встаетъ, спокойно смотритъ, точно ничего не произошло, бѣгаетъ, прыгаетъ и ѣсть съ аппетитомъ. Усыпленіе электричествомъ, въ зависимости отъ количества вольтъ, прекращаетъ дѣятельность мозга, останавливаетъ дыханіе и біеніе сердца. Для остановки мозговой дѣятельности у кролика достаточно 6—8 вольтъ; для прекращения дыханія нужно десять вольтъ, а двѣнадцать причиняютъ смерть. Прекращеніе мозговой дѣятельности можетъ длиться нѣсколько часовъ подъ рядъ. остановка дыханія—не болѣе минуты. Ледюкка предполагаетъ, что казнь по его способу была бы много легче умерщвленія электрическимъ токомъ. практикуемаго въ Америкѣ. Осужденный просто заснулъ бы вѣчнымъ сномъ. До сихъ поръ былъ произведенъ только одинъ опытъ усыпленія электричествомъ надъ человѣкомъ: Ледюкка подвергъ ему самого себя. Опытъ

удался вполне. Пробужденіе наступило немедленно по прекращеніи тока самочувствіе пациента было прекрасное, и онъ тотчасъ послѣ опыта сказалъ рѣчь въ обществѣ пенсіонныхъ каскъ для рабочихъ.

Русскій электротехникъ Богдановъ, какъ сообщаетъ „Земщина“, изобрѣлъ и въ настоящее время занять усовершенствованіемъ чрезвычайно интереснаго и очень важнаго прибора, названнаго имъ телеавтографомъ. Этотъ приборъ даетъ возможность передавать по телеграфнымъ проводамъ и даже по безпроводному телеграфу планы, схемы, рисунки и даже рукописи съ сохраненіемъ почерка. Въ Западной Европѣ уже довольно давно изобрѣтенъ аппаратъ, дающій возможность передавать по телеграфнымъ проводамъ портреты. Нашъ изобрѣтатель Богдановъ рѣшилъ усовершенствовать этотъ аппаратъ и послѣ долгихъ и упорныхъ трудовъ достигъ полного успѣха.

Подробности своего изобрѣтенія Богдановъ, конечно, держитъ въ секретѣ.

Изобрѣтатель впервые демонстрировалъ свой приборъ въ началѣ текущаго года въ одной частной квартирѣ. При этомъ опытѣ присутствовали адмиралы Верховскій, Рейценштейнъ, Щенсновичъ и другіе. Несмотря на то, что опыты не были обставлены полнымъ комфортомъ, все же на приемной станціи отпечатки получались не точками, — какъ въ заграничномъ аппаратѣ, — а сплошными линиями. При этомъ передача была замѣчательно точна.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этому прибору предстоитъ громадная будущность. Съ помощью этого аппарата можно будетъ немедленно, — даже во время боя, — передавать въ штабъ главнокомандующаго схемы расположения войскъ со всѣми происшедшими во время сраженія измѣненіями, планы позицій и т. п. и, въ свою очередь, не взирая на разстояніе, получать отъ высшаго начальства подлинныя письменныя приказанія.

Въ самомъ непродолжительномъ времени электротехникъ Богдановъ намѣренъ произвести новые опыты, въ присутствіи высшихъ представителей армии и флота

Любопытно, что во время производства перваго опыта находившійся въ числѣ присутствовавшихъ представитель германскаго орудиннаго завода Круппа К. Л. Вахтеръ пожелалъ купить у Богданова его изобрѣтеніе. Ясно, что это изобрѣтеніе имѣетъ дѣйствительно громадную цѣнность.

Фотографическія пластинки гораздо чувствительнѣе къ разнаго рода лучамъ, чѣмъ человѣческій глазъ. Этимъ свойствомъ фотографіи съ успѣхомъ пользуется современная криминалистика. Такъ, напримѣръ, нужно было отыскать на чистомъ, вымытомъ съ мыломъ носовомъ платкѣ остатки крови. По виѣшнему виду платокъ былъ безъ всякаго слѣда какихъ бы то ни было пятенъ. Фотографическій снимокъ платка черезъ темносиній фильтръ сразу же обнаружилъ пятна; послѣднія были вырѣзаны и, при анализѣ, оказались кровавыми.

Другой разъ при обыскѣ въ квартирѣ одного лица, заподозрѣннаго въ

изготовлении фальшивыхъ кредитокъ, было найдено нѣсколько литографскихъ камней. Камни эти были тщательно отшлифованы, и обычный способъ изслѣдованія этихъ камней не обнаружилъ на нихъ никакого слѣда рисунка. Путемъ фотографии удалось не только открыть слѣды рисунка на камняхъ, но и установить, что рисунокъ этотъ представлялъ воспроизведение кредитнаго билета. Кромѣ того, — подъ этимъ рисункомъ на камнѣ былъ открытъ другой, выгравированный на камнѣ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ.

При просмотрѣ одной цѣнной книги въ Публичной библиотекѣ было обнаружено, что изъ книги вырвана гравюра; посетитель оставилъ тонкую пропускную бумагу, которой была прикрыта гравюра. Путемъ фотографии удалось воспроизвести содержание гравюры. Спустя нѣкоторое время, лицо, похитившее гравюру, было найдено.

Человѣкъ уже давно стремится къ тому, чтобъ сдѣлать войны наименѣе убийственными. И очень можетъ быть, что черезъ нѣсколько лѣтъ смертоносные осколки гранаты уже не будутъ играть своей страшной роли, поражая сражающихся. Люди будутъ поражаться... сномъ.

Инженеръ Карлъ Виторъ, которому артиллерія обязана уже многими изобрѣтеніями и усовершенствованіями, придумалъ снаряды съ хлороформомъ.

Орудіе подводной лодки бросаетъ дѣйствіемъ сжатого воздуха такой снарядъ, къ которому прикрѣпленъ канатъ, соединяющій его съ подводной лодкой. По этому канату пробѣгаетъ электрическій токъ, который производитъ взрывъ попавшаго въ неприятельское судно снаряда. И немедленно снотворные пары распространяются на 60 метровъ въ окружности.

Вмѣсто убитыхъ и раненыхъ людей, илавающихся въ крови, видны подобія пьяныхъ матросовъ, балансирующихъ въ крови, видны падающихъ въ глубокомъ снѣ.

Тяжелые одурманяющіе пары проникаютъ всюду, и послѣ нѣсколькихъ подобныхъ бомбъ офицеры, матросы, канониры, механики—словомъ, весь экипажъ судна погружается въ непробудный сонъ. Безъ малѣйшаго кровопролитія неприятель можетъ завладѣть судномъ.

Война превращается въ особый видъ спорта. Нѣтъ ни убитыхъ, ни раненыхъ. Смерть замѣнена сномъ. Неприятельскія суда забираются цѣликомъ, безъ малѣйшихъ поврежденій.

„ЖИВОЙ ТРУПЪ“

Л. Н. Толстого

(Постановка драмы въ Художественномъ театрѣ. — Переводъ драмы на французскій языкъ. — „Живой трупъ“ въ кинематографѣ)

Есть причины, заставляющія говорить о постановкѣ «Живого трупа» съ явнымъ неудовольствіемъ. Причины эти слѣдующія. Во-первыхъ, имѣемъ ли мы согласіе покойнаго автора на постановку этой пьесы? Нѣтъ. Самъ Толстой былъ противъ постановки, находилъ пьесу въ разныхъ отношеніяхъ несовершенной, считалъ свою литературную работу только минутной причудой, «баловствомъ». И о томъ, чтобы онъ измѣнилъ свое рѣшеніе, у насъ нѣтъ никакихъ указани, кромѣ неубѣдительныхъ утверждени заинтересованныхъ лицъ. Во-вторыхъ, вариантъ пьесы, идущей сейчасъ въ Художественномъ театрѣ, настолько сумбуренъ въ психологическомъ отношеніи и, такъ противорѣчитъ основной идеѣ и структурѣ первоначальной редакци этой пьесы, что невольно вызываетъ у читателей и зрителей сомнѣніе. Въ пьесѣ мѣстами слышится знакомый голосъ Толстого, но временами въ милый, задушевный разговоръ врывается нота неприятной фальши.

Вотъ какія мысли удручали меня на спектаклѣ въ Художественномъ театрѣ. Меня поразила и слѣдующая деталь постановки: въ углубленіи будуара Карениной - матери (III актъ), за портьерой возвышается статуя Антиноя Капитолинскаго. Поза классическаго изваянія на этотъ разъ выражаетъ какое-то недоумѣніе. Антиной символъ вѣчности и искусства, — символъ красоты, — склонивъ печально голову, какъ будто вопрошаетъ съ мольбой и скорбью: «Куда вы поставили меня? Въ храмъ искусства? Гдѣ этотъ храмъ? Гдѣ красота?»

Передо мною промелькнули: цыганскій концертъ и пошлый, уродливый трагизмъ Протасова. Какая нелѣпная любовь цыганки Маши къ физическому и нравственному уроду! Вѣдь какъ мужчина. Протасовъ, въ игрѣ Москвина лишентъ именно «нзюминки» (выраженіе Толстого). Ничего захватывающаго, ничего

трогательнаго нѣтъ у Протасова. Это просто пустой человекъ. Безусловно красива, изысканно изящная любовь Каренина къ Лизѣ. Но только не въ анемичномъ исполненнн Качалова. Какая безнадежная тоска во всемъ исполненнн! Трафаретно прилизанная игра артистовъ и трафаретная ремесленная восторженность критики.

Бѣдный Антиной! Куда ты попалъ! Твой выразительный взоръ молчаливо упрекаетъ г.г. организаторовъ посмертной профанации таланта Толстого. Остается только одно: хороши цыганскій концертъ.

Нѣсколько дней спустя, послѣ премьеры: «Живого трупа», я получилъ изъ-за границы, просто, но съ технической стороны безупречно, изданную журналомъ «Illustration» — пьесу Толстого на французскомъ языкѣ. Въ переводѣ пьеса называется «Le cadavre vivant». Перевели его: одинъ русскій поэтъ и нѣкто, скрывшися подъ инициалами Н. З. Переводъ сдѣланъ повидимому слѣшно; все очарованн русскаго народнаго языка пропадаетъ. Курьезно переведены нѣкоторыя слова, наиримѣръ: квасъ — cidre (послѣднее обозначаетъ буквально лимонадъ), «городовой» переведенъ — agent (охранникъ, агентъ сыскной полици), вмѣсто Sergeant de Ville и проч. Понятн «семенной жизни» перенутано съ опредѣленемъ «бракъ» (mariage) и проч., и проч. Все же нѣкоторыя мѣста пьесы по-французски звучатъ очень эффектно.

Скажу нѣсколько словъ о совпадени съ первымъ представленемъ пьесы «Живой трупъ» въ Художественномъ театрѣ и... въ кинематографѣ! Прочитавъ пьесу, вы удивленно смотрите на экранъ: гдѣ же то, что вы прочли? На экранѣ изображается только любовь Каренина — г. Крамера и Лизы — г-жи Блюменталь-Тамаринон. Протасовъ является только эпизодомъ. И въ итогѣ отъ психологическаго содержания пьесы нѣтъ на экранѣ ровно ничего. Но это простиительно — тутъ нѣтъ никакого основанн возмущаться профанацией творчества Толстого, потому что ничего толстовскаго здѣсь и нѣтъ. Я хочу указать на удачный трюкъ, примѣняемый кинематографомъ (въ пьесѣ о трупѣ только вскользь упомянуто). Въ кинематографѣ же изображена цѣлая картина. Берегъ Москвырѣки. На влажной отмели лежитъ нагой трупъ мужчины, покрытый рогожей. Стоять: городской и нѣсколько любопытныхъ. Вѣтеръ колышетъ деревья... Приѣзжаютъ Лиза и Каренинъ. Легкнй обморокъ Лизы при видѣ трупа, и экипажъ уѣзжаетъ прочь. Снова на берегу только поспнѣлый трупъ, городской и мужички. Вѣтеръ вздуваетъ волны на рѣкѣ... такъ жутко кругомъ.

Итакъ, послѣ смерти Толстого мы познакомились съ изуродованнымъ отрывкомъ его произведени. но увы, его духа, величня его мысли на этой трнзнѣ его творчества мы не узрѣли.

Бруно Михельсонъ.

О „Живомъ трупѣ“.

Для незнакомыхъ съ драмою Толстого „Живой трупъ“, передаемъ вкратцѣ его содержание. Лиза Протасова крайне несчастлива въ замужествѣ, хотя и вышла по любви за Федора Васильевича. Протасовъ — человекъ съ добрыми задатками и благородными порывами, но человекъ совершенно слабовольный и безхарактерный. Первое время онъ кое-какъ еще держался порядочнымъ человекомъ. Но скоро семьянка-жена, занятая кормленіемъ сына, показала ему прѣсно ей, потому что въ ней не было „изюминки“ какъ въ квасу, и — Федя закутилъ. Начались увлечения цыганками и вскорѣ приданое Лизы было прожито. За интересы дочери вступилась мать, и Федя возмѣстилъ приданое жены своимъ капиталомъ.

Положение Лизы было бы совсемъ тяжелымъ, если бы около нея не стоялъ другъ ея дѣтства — Викторъ Каренинъ, любивши ея и убѣждавшій развестись съ безпутнымъ мужемъ.

Но ей было жаль мужа и она послала въ ресторанъ ему съ Викторомъ письмо, гдѣ прощала Федѣ все его прегрѣшенія и умоляла его только объ одномъ — вернуться въ семью. Но Протасовъ понималъ, что онъ съ женою люди совершенно разные и другъ для друга не годятся. Въ то же время онъ понималъ чувства Виктора къ женѣ. И когда Каренинъ прѣхалъ въ ресторанъ и засталъ Федю въ кутящей компании съ цыганскимъ хоромъ, то Федя наотрѣзъ отказался вернуться къ женѣ, предпочитая лучше дать ей разводъ. Влюбившаяся въ него цыганка Маша нравилась ему несравненно больше Лизы.

Тогда Каренинъ объяснился съ Лизой, и они рѣшили начать дѣло о разводѣ.

Но противъ брака Виктора возстала его мать — Анна Дмитриевна. Ей хотѣлось, чтобы ея сынъ женился на одной знакомой дѣвушкѣ. Тутъ же она боялась, что ея чистому сыну придется „купаться въ бракоразводной грязи“.

Каренинъ устроилъ свиданіе матери съ Лизой. Последняя побѣдила Каренину своею готовностью отказаться отъ Виктора для его же счастья, но самъ Викторъ не допустилъ этой жертвы и не измѣнилъ своему намѣренію жениться на Лизѣ. Его смущалъ лишь сынъ Протасова: но и ребенка онъ полюбилъ потомъ какъ своего сына.

Федѣ тоже претила бракоразводная ложь и онъ задумалъ устранить съ пути влюбленныхъ посредствомъ самоубійства. Однако, онъ не рѣшился выстрѣлить въ себя. Маша придумала иной способъ, уговоривъ симулировать утонувшаго. Федя такъ и сдѣлалъ, оставивъ свое платье на берегу Москвырѣки. Когда изъ воды извлекли какой-то полуразжившійся трупъ, то Лиза не могла сказать съ точностью, былъ ли то Протасовъ, или кто другой, и произнесла: — кажется — онъ...

Она получила свободу, вышла замужъ за Каренина и чувствовала себя на верху блаженства.

Федя въ это время прокутился окончательно и спустился до самаго дна.

Онъ сидѣлъ однажды въ грязномъ трактирчикѣ и пилъ водку въ сообществѣ золоторотца Ифтушкова. Они вели бесѣду „по душамъ“ и Федя неосторожно признался приятелю въ томъ, что онъ живой трупъ и подробно рассказалъ исторю своей фиктивной смерти. Весь разговоръ подслушалъ нѣкій Артёмьевъ и донесъ на Федю. Дѣлу былъ данъ ходъ.

Вскорѣ къ судебному слѣдователю вызвали супруговъ Карениныхъ и Федю. Лиза обвинялась въ двумужествѣ.

Послѣдняя картина драмы представляетъ корридоръ суда. Въ корридоръ приходитъ Александровъ, принесши револьверъ своему другу — Федѣ. Бурьеръ не пропускаетъ въ залъ засѣданя. Дверь отворяется, выходятъ подсудимые: Каренины, а за ними Федя. Александровъ приближается къ нему и тайно передаетъ револьверъ. Федя справляется у своего защитника, Петрушина, какое грозитъ ему наказание? Тотъ отвѣчаетъ, что въ худшемъ случаѣ грозитъ ему и Лизѣ ссылка въ Сибирь. а въ лучшемъ случаѣ приговорять къ церковному покаянью и расторженю брака Лизы съ Каренинымъ.

Федя отходитъ въ сторону, стреляетъ себѣ въ сердце и падаетъ. Всѣ подбѣгаютъ къ нему. Лизѣ онъ говоритъ:

— Прости меня, что не могъ иначе распутать тебя...

Онъ умираетъ. Этимъ все кончается.

Начата пьеса хорошо. Намѣчены типы, охарактеризованы положеня. Видна рука Толстого. Конецъ же пьесы скомканъ и похожъ на сухой газетный рапортажъ. И здѣсь уже Толстого совершенно не ощущается. Неестественнымъ представляется и типъ забудыи Федя. Въ его уста вложены сентенци самого Толстого, которыя онъ и выналиваетъ у судебного слѣдователя, еще пошло издѣваясь надъ послѣднимъ. Это очень ходульная сцена, бьющая на сенсацию. Она совершенно не вяжется съ общимъ характеромъ пьесы, и кажется скорѣе вырванною изъ сочиненій Горькаго.

Такое несоотвѣтствіе между началомъ и концомъ пьесы оставляетъ въ васъ чувство неудовлетворенности, и какъ бы обиды за автора, отъ котораго вы ожидали несравненно большаго. Получается даже убѣжденіе, что конецъ пьесы написанъ не самимъ Толстымъ— таково впечатлѣніе читателя.

Р.

КРАСНЫЯ СЛОВА.

1. Съ падениемъ вѣры падаетъ искусство и никакими усовершенствованіями не оживить формы, разъ изсякъ самый источникъ божественнаго духа.

Архіепископъ Никаноръ.

2. Истинный художникъ всегда, хотя бы только въ глубинѣ души и истинный христіанинъ.

Ив. Щегловъ.

3. Истинное искусство и христіанство находятся въ самой тѣсной связи.

Онъ же.

4. Ревнивый какъ и мнительный самъ себѣ отравляетъ жизнь.

Д. Садовниковъ.

5. Двѣ трети челоувѣчества—это мѣщане духа.

В. Португаловъ.

ПОПУЛЯРНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

доктора зоологии, бывшаго профессора Московскаго университета,

А. А. ТИХОМИРОВА.

СУДЬБА ДАРВИНИЗМА. (82 стр., 12 рис., цѣна 75 коп.)

УМЪ И ВОЛЯ ЖИВОТНЫХЪ. (67 стр., 20 рис., цѣна 40 коп.)

ДИКІЕ ЛЮДИ. (8 стр., 27 рис., цѣна 50 коп.)

ПОЛОЖЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ПРИРОДѢ. (51 стр., 22 рис., цѣна 30 к.)

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЖИВЫХЪ СУЩЕСТВЪ. (81 стр., 31 рис., ц. 40 к.)

ЖИВЫЯ СУЩЕСТВА И ИХЪ РАЗМНОЖЕНІЕ. (96 стр., 36 рис., цѣна 40 коп.)

ВИНА НАУКИ. (48 стр., цѣна 15 к.)

САМООБМАНЪ ВЪ НАУКѢ И ИСКУССТВѢ. (Ч. Дарвинъ и гр. Л. Толстой). (37 стр., цѣна 20 коп.)

Книги продаются въ магазинахъ Карбасникова и Суворина.

Складъ изданій въ Комиссиі чтеній для рабочихъ (Москва. Трубниковскій пер.. А. Русановой.)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

(Отвѣты Редакци и Конторы.)

Радуговищенской школь. — Деньги получены. Всякия письменныя увѣдомленія дѣлаются только по получени конторой марокъ на отвѣтъ.

с. Полствинъ, Кіев. губ. — Н. Борз—у. — Элегія «Осенніе листья» не будетъ напечатана.

Тула. — *Л. А. К.* — 14 коп. удержаны за обратную пересылку вашей рукописи «На новый годъ».

Гусино, Мог. губ. — С. О. Курсакову. — По правиламъ редакци рукописи обратно высылаются только заказной бандеролью. Потрудитесь дослать еще 7-коп. марку.

К. Дор—ву. — Стихотворениями вашими: Въ камерѣ, «Волны дробились» и др. воспользоваться не можемъ.

Замостье. *Мар—ку.* — Ваше стих. «Утѣшеніе» не будетъ напечатано.

Кіевъ. — *А. Дан—юку.* — Присланнымъ воспользоваться не можемъ.

Томскъ. — *В. М—кову.* — Разсказъ Зоя Сартанова не будетъ напечатанъ.

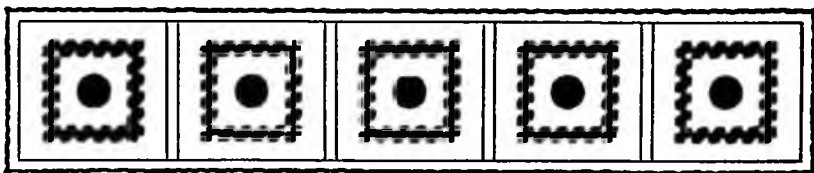
Москва. — *А. Я. Шубиной.* — Редакція охотно исполнитъ вашу просьбу.

Многимъ подписчикамъ. — Октябрьская книга была готова 2-го октября, но мы не могли разсылать раньше 16-го октября, потому что вмѣстѣ съ нею разсылались и №№ «Мал. Свѣточа», гдѣ помѣщены стихотворенія П. С. Никитина.

Секретарь редакци **М. Орѣшникова.**

Редакторъ-издатель **А. В. Кругловъ.**

XXIII.

Бѣлзорь болотный.

Быль холодный осенни вечерь. Туманъ стался надъ болотами, и луна была близка къ закату. Приближалась долгая темная ночь.

По узкой тропинкѣ, чуть замѣтно пролежавшей среди сырыхъ и топкихъ болотъ, ѣхалъ молодой всадникъ.

Обширныя, разстилавшися на необозримыя пространства, эти болота и бездонныя трясины пользовались дурною славою. Говорили, что тѣмъ, кто, случайно сбившись съ дороги, попадалъ въ эти проклятыя болота, уже не удавалось никогда изъ нихъ выбраться. Страшная смерть въ нѣдрахъ холодной и безмолвной, таинственной бездны ожидала несчастнаго, — и уже немало жертвъ нашло себѣ здѣсь преждевременную могилу.

Но всадникъ, повидимому, не страшился предстоявшихъ ему опасностей, несмотря на то, что близость надвигавшейся ночи еще больше усиливала ихъ. Онъ смѣло и отважно продолжалъ свой путь.

Это былъ прекрасный и стройный юноша. Лицо его было бѣло и нѣжно, какъ у дѣвушки. Голубые глаза сияли, какъ звѣзды, и свѣтлыя кудри разсыпались по плечамъ изъ-подъ тяжелаго шлема. Одѣтъ онъ былъ въ ратные доспѣхи. Тяжелая кольчуга и блестящи кованый панцырь придавали воинственный и грозный видъ юному витязю...

Уже болѣе года прошло, какъ молодой княжичъ Бѣлзорь покинулъ свой родной очагъ и отправился въ дальние края, куда призывалъ его долгъ воина, гдѣ кипѣла битва и лилась кровь. Тамъ, на рубежѣ родной земли, онъ доблестно сражался съ врагами въ рядахъ своихъ товарищей.

Теперь онъ возвращался на родину, гдѣ оставилъ своихъ престарѣлыхъ родителей и юную невѣсту. Воображеніе рисовало ему умильные и трогательныя картины свиданія. Онъ жаждалъ обнять стараго князя и княгиню. Но еще болѣе влекло его желаніе поскорѣе узрѣть тоскующую по немъ прекрасную Предславу.

Оттого-то прямо съ кроваваго поля битвы помчался онъ въ свои родные края. Оттого-то, почти не зная отдыха, и днемъ и ночью ѣдетъ онъ на своемъ вѣрномъ конѣ. Оттого-то, въ нетерпѣнии, приближаясь къ концу своего пути, не страшится онъ пробираться ночью черезъ это проклятое болото.

Наступила ночь, темная, непроглядная. Луна исчезла. Густой туманъ окуталъ всю окрестность. Ни звука не раздавалось во-кругъ. Холодомъ могилы вѣяло отъ мрачной, таинственной бездны.

Нетерпѣливо понукаетъ всадникъ своего коня. Боязливо ступаетъ конь, осторожно ощупывая копытомъ землю.

И вдругъ онъ оступился. Его переднія ноги увязли въ топкую зыбь. Напрасно пытается онъ вновь подняться и выбраться на твердое мѣсто. Онъ только все больше и больше вязнетъ въ болотной трясины. Въ ужасѣ бьется несчастный конь, чья немину-чая гибель. Тяжесть всадника влечетъ его вглубь.

Испуганный, желая спасти коня, спасая свою собственную жизнь, соскочилъ съ сѣдла Бѣлосоръ. Но уже было поздно. Медленно, но неудержимо поглощала бездонная топь свою добычу. И вѣрный товарищъ и спутникъ погибъ на глазахъ Бѣлосора. Его засосала трясина.

Тутъ только съ ужасомъ почувствовалъ Бѣлосоръ, что и самъ онъ вязнетъ въ зыбкомъ болотѣ. Уже почти до колѣнъ погрузился онъ въ жидкую тину.

Въ безумномъ отчаянни хочетъ онъ вырваться на свободу. Но тщетно.—Онъ вязнетъ все глубже и глубже. Зловѣщая бездна не хочетъ разстаться съ добычей...

Вотъ уже до груди втянуло его. Ни откуда не видно спасенья. Тяжелые доспѣхи тянутъ внизъ и ускоряютъ страшный и неизбежный конецъ...

Между тѣмъ, на востокъ уже посвѣтлѣло. Близился разсвѣтъ. Пронесся прохладный предразсвѣтный вѣтерокъ. Защебетали птицы въ кустахъ. Вся природа готовилась къ встрѣчѣ блестящаго вѣстника новаго дня. Все вокругъ дышало радостью и покоемъ.

И только безжалостная пучина неумолимо продолжала свою ужасную работу.

Уже только одна голова несчастнаго юноши виднѣлась надъ ровнымъ зеленымъ покровомъ. Уже были сочтены и приходили къ концу послѣднія минуты его недолгой жизни. Уже онъ прощался съ жизнью, прощался со всѣмъ, что было ему дорого и мило на землѣ. У него было одно только желаніе — увидѣть въ послѣдніи разъ солнце.

А востокъ все альтъ и разгорался. Вотъ уже освѣтились вер-хушки далекаго лѣса, и близился ясный восходъ. Птицы немолч-нымъ хоромъ дружно пѣли свой гимнъ восходящему свѣтилу.

И въ тотъ мигъ, когда оно торжественно и величаво показало-сь надъ землею, суждено было погибнуть бѣдному юношѣ. Холодная, отвратительная болотная тина начала наполнять ему ротъ. Онъ сталъ задыхаться и почувствовалъ, что наступилъ конецъ.

Но при видѣ сияющаго солнца, при видѣ ликующей природы, при видѣ этого всеобщаго торжества жизни, которой онъ долженъ былъ лишиться, — въ немъ пробудилось страстное, жгучее желаніе жить и наслаждаться благами жизни. Онъ сдѣлалъ послѣднюю, отчаянную попытку спастись. Нечеловѣческимъ, страшнымъ усилиемъ онъ освободилъ и высоко поднялъ голову. Его неудержимо тянуло къ свѣту, къ солнцу, къ жизни...

Но спасенія уже не могло быть, — и онъ понялъ это.

Шлемъ упалъ съ его головы. И блѣдный отъ ужаса, съ разсыпавшимися кудрями, съ глазами, горящими, какъ угли, прекрасный и юный, освѣщенный яркими лучами восходящаго солнца, — прощаясь онъ съ жизнью.

Еще мигъ, — и ужасная бездна, поглотивъ свою несчастную жертву, медленно сомкнулась надъ ея головою. Все было кончено...

А равнодушная природа продолжала сиять своею вѣчною красотою...

Но сохранилась память о юномъ Бѣлорѣ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ, появился цвѣтокъ. Онъ былъ снѣжно-бѣлаго цвѣта и одиноко поднимался на своемъ стройномъ тонкомъ стеблѣ. Онъ какъ бы страшился того болота, на которомъ ему суждено было расти. И подобно бѣдному, погибшему юношѣ, стремился прочь и тянулся вверхъ, къ свѣту и солнцу.

Этотъ цвѣтокъ называется бѣлоромъ.

И нынѣ, каждую осень, въ изобилии растетъ этотъ цвѣтокъ по болотамъ и топкимъ мѣстамъ, напоминая неосторожному путнику объ участи несчастнаго витязя, имя котораго онъ носить.

XXIV.

Одуванчикъ.

тарая и вѣчно новая исторія...

Была весна. Сіяло солнце въ голубомъ безоблачномъ небѣ. Луга покрывались травой. Распускались почки на деревьяхъ. Благоухали цвѣты. Въяло чуднымъ ароматомъ первыхъ весеннихъ дней.

Онъ волновалъ кровь и пробуждалъ смутныя желанія и непонятное сладостное томленіе. Онъ навѣвалъ чудесныя грезы и рождалъ волшебные сны. Тревожно билось сердце, полное радостныхъ предчувствія, сладкой нѣги и безиричинной тоски.

Въ прозрачномъ сумракѣ мягкихъ весеннихъ вечеровъ дремали тихія, зеркальныя воды. Въ далекихъ небесахъ мерцали робкія звѣзды, и луна лила свой трепетный, ласкающій свѣтъ на мирныя поля и дремлющія долины. Соловей заливался и рыдалъ въ кустахъ. И въ чарующихъ звукахъ его волшебной пѣсни слышался восторженный гимнъ. Въ немъ воспѣвалась весна, эта чудная пора любви и счастья.

А въ свѣтлыя весеннія ночи прекрасная богиня любви сходила на землю и разсыпала по ней свои чары. Эти чары оупьяняли людей. Онѣ помрачали разсудокъ и воспаляли сердца. Ихъ волшебной, чудодѣйственной силѣ не могли противостоять слабыя силы людскія. Пылкая юность съ восторгомъ встрѣчала богиню и приносила на алтарь ея жертвы.

Въ эту чудную пору, — они полюбили другъ друга...

Объ они переживали весну своей жизни, ту весну, которая бываетъ только одинъ разъ, которая уже никогда не повторится, ту весну, которая зовется юностью.

Прекрасный, какъ молодой богъ, предсталъ онъ передъ нею и заморозилъ ее своими пламенными рѣчами. Подобная воздушной мечтѣ, свѣтлomu образу, сотканному изъ эоира, казалась она ему при ихъ первой встрѣчѣ. Ея чарующая прелесть, сляющая непорочностью и чистотою ангела, плѣнила его юное сердце.

И началась для нихъ, всѣмъ знакомая, всѣми пережитая и для всѣхъ вѣчно незабвенная—волшебная сказка первой любви.

Все улыбалось имъ, все знало объ ихъ любви и сочувствовало имъ. Рощи и лѣса въ своей чащѣ гостеприимно давали приютъ влюбленнымъ. Для нихъ свѣтила блѣдная луна. Для нихъ разливали свой ароматъ полевые цвѣты. Для нихъ рассыпалъ соловей свои мелодичныя трели.

Они испытали и счастье неожиданныхъ встрѣчъ, и мучительную тоску ожидания, и сладостные восторги свиданій. Съ ихъ устъ раздавались и тихіе шопотъ признаній, и нѣжныя упреки взаимной любви, и пылкія клятвы въ вѣрности. Невинныя ласки и жаркіе поцѣлуи запечатлѣвали ихъ чувства.

Это было весною...

Но послѣ свѣтлой, радостной и счастливой весны бываетъ мрачная, холодная и печальная осень. Она безжалостно срываетъ лепестки съ расцвѣтшихъ весною розъ и гаситъ веселые весенние огни. Молчатъ соловьи. И тихая прелесть короткихъ весеннихъ ночей смѣняется длительнымъ мракомъ и бурями осени. Въмѣсто сляющей солнцемъ прекрасной улыбки весны, видны тоскливыя слезы унылыхъ осеннихъ дождей...

Вѣчной любви не бываетъ на свѣтѣ.

Онъ разлюбилъ и покинулъ ее.

Забыты были всѣ обѣщанія и клятвы. Забыты прекрасныя дни счастья, часы любви и минуты наслажденій. Пылкія увѣренія,

сладкия рѣчи любви, чудныя, волшебныя слова нѣги и ласки какъ-будто и не были произнесены никогда. Будто осенній вѣтеръ своимъ холоднымъ дыханьемъ разнесъ и развѣялъ ихъ безъ слѣда по полямъ и лѣсамъ, гдѣ они раздавались когда-то.

А бѣдное юное сердце осталось навѣки разбитымъ...

На поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ и рощахъ, по склонамъ овраговъ и берегамъ рѣкъ, всюду растеть всѣмъ знакомый цвѣтокъ.

Раннею весною раскрываетъ онъ свои пышныя желтыя головки. Его многочисленныя мелкія лепестки держатся прочно и горделиво. Его стебель прямъ и не гнется отъ вѣтра. Всѣмъ своимъ видомъ онъ выражаетъ твердость, силу и постоянство.

Но недолго онъ бываетъ такимъ. Наступаетъ осень, — и цвѣтокъ уже не тотъ. Правда, онъ попрежнему держится гордо и независимо. Но тѣ красивыя лепестки, которыми онъ такъ пышно и щедро былъ убранъ весною, смѣняются у него легкимъ, летучимъ пухомъ, прозрачнымъ, какъ облако, и неуловимымъ, какъ дымъ.

И достаточно легкаго дуновения, чтобы всѣ пушинки его разлетѣлись по воздуху и исчезли безслѣдно, подобно тому, какъ разлетаются по вѣтру легкомысленныя и лживыя клятвы влюбленныхъ.

Этотъ цвѣтокъ служить символомъ непрочности и непостоянства юношеской любви.

Онъ называется — о д у в а н ч и к о м ъ .

XXV.

Ромашка.

го было въ Римѣ въ первые вѣка христіанства.

Въ одинъ изъ чудныхъ весеннихъ вечеровъ по пустыннымъ полямъ Кампаньи гуляли юноша и дѣвушка.

Сумракъ приближающейся ночи окутывалъ мягкой дымкой окрестности. На горизонтѣ всплывала полная луна. Все дышало миромъ и безмятежною тишиною.

Вдали на семи холмахъ величаво возвышался «Вѣчный Городъ». Отдаленный шумъ его постепенно замиравшей, кипучей дневной жизни глухо доносится сюда, подобно слабому рокоту

морскихъ волнъ. На городскихъ стѣнахъ начинали зажигаться сторожевые огни, возвѣщая время, когда закрывались на всю ночь ворота Рима. — Таковъ былъ приказъ Цезаря, особенно строго соблюдавшійся въ то тревожное время жестокаго и упорнаго гоненія на христанъ.

Но юноша и дѣвушка не обращали на это вниманія. Ихъ вовсе не манилъ къ себѣ холодный и бездушный городъ съ его тѣсными улицами и угрюмыми каменными громадами.

Имъ было гораздо привольнѣе и легче здѣсь, въ этомъ необъятномъ просторѣ благоухающихъ полей, гдѣ надъ ними былъ лишь одинъ сводъ небесный. Къ тому же, теплая, весенняя ночь была такъ хороша, такъ дивно прекрасна въ своей величавой и божественной тишинѣ, полной волшебныхъ очарованій, нѣги и ласки.

А главное, — они любили другъ друга...

Онъ былъ язычникъ, римлянинъ, по имени Виницій. Она — христанка Фабула.

Горячо и страстно умолялъ онъ ее отречься отъ вѣры рабовъ и вступить въ его домъ полноправною хозяйкой. Онъ не могъ сдѣлать своею женою ту, которая принадлежала къ опасной сектѣ послѣдователей Распятаго, преслѣдуемой императоромъ и ненавидимой народомъ. При всей своей любви къ ней, онъ не въ силахъ былъ бросить вызовъ общественному мнѣшю, женившись на христанкѣ.

Наконецъ, онъ самъ былъ римскій гражданинъ и патрици, воспитанный въ духѣ языческаго міросозерцанія. Онъ съ дѣтства привыкъ презирать христанъ и считать ихъ неизмѣримо ниже язычниковъ.

Съ тоскою внимала она его рѣчамъ. Она вѣрила въ его любовь. Но ей было невыразимо тяжело видѣть любимаго челоуѣка, столь заблуждающагося и не озареннаго свѣтомъ истины.

И ей хотѣлось просвѣтить его и направить на вѣрный путь. Она мечтала о томъ какъ силою своей любви заставить его отказаться отъ ложныхъ боговъ и вмѣстѣ съ нею исповѣдать вѣру гонимыхъ и презираемыхъ братьевъ ея — христанъ.

Но тщетны были ея робкія мольбы...

Между тѣмъ, на востокъ заалѣла заря. Стали меркнуть и погасать въ небѣ лучистыя звѣзды. Пронесся прохладный предразсвѣтный вѣтерокъ. Слышалось щебетаніе пробуждавшихся птицъ. Вдали раздавался рожокъ пастуха. Ночь миновала, — и начинался день.

И они растались...

Растались съ тѣмъ, чтобы болѣе никогда не встрѣчаться. Но имъ суждено было встрѣтиться еще разъ, и эта встрѣча была ихъ послѣднею встрѣчею въ жизни...

Въ Римскомъ циркѣ готовилось кровавое зрѣлище, — травля христанъ дикими звѣрями. Цезарь не жалѣлъ ничего, чтобы доставить народу удовольствие.

Изъ далекой Африки были привезены для этого въ Римъ

цѣлые транспорты хищныхъ звѣрей. А въ глубокихъ подземельяхъ Колизея уже давно томились тѣ, которымъ надлежало стать ихъ жертвами на потѣху кровожадной черни.

Въ числѣ ихъ была и Фабюла...

И вотъ насталъ день, назначенный для кровавой забавы...

Съ утра стекались въ Колизей толпы народа, заранѣе занимающаго отведенныя для него мѣста. Въ ложахъ нижнихъ ярусомъ помѣщались знатные римляне и благородныя матроны. Сенаторы и воины находились вблизи императорской ложи.

По знаку цезаря зрѣлище началось.

На усыпанную пескомъ арену стали выводить христанъ.

Они шли свободными, въ ихъ обычныхъ скромныхъ одеждахъ, спокойно и твердою поступью. Среди нихъ были женщины и дѣти.

Въ одномъ изъ проходовъ, ведущихъ на арену, черезъ который вели христанъ, стоялъ Виници. Въ званіи сотника римской стражи, онъ долженъ былъ присутствовать при казни.

Онъ зналъ, что въ числѣ обреченныхъ на смерть была Фабюла, и хотѣлъ въ послѣдніи разъ взглянуть на нее. Любовь къ ней еще не угасла въ его сердцѣ.

И онъ увидѣлъ ее...

Проходя мимо, она, какъ бы прощаясь съ нимъ навѣки, бросила ему цвѣтокъ, который держала въ рукахъ.

Прекрасный цвѣтокъ этотъ былъ ему невѣдомъ. Онъ совершенно не походилъ на обычные, знакомые цвѣты, украшающие собою поля въ окрестностяхъ Рима. У этого цвѣтка была золотисто-желтая середина, окаймленная длинными бѣлыми лепестками наподобіе вѣника или сѣнны.

Схвативъ брошенный ему цвѣтокъ, молодой воинъ въ задумчивости сталъ обрывать одинъ за другимъ его лепестки.

Суевѣрный, какъ всѣ римляне, онъ хотѣлъ, чтобы боги посредствомъ этого цвѣтка открыли ему, любить ли его та, которая отвергла его чувство и теперь съ такою твердостью шла на жестокую смерть...

«Любить, не любить», повторялъ онъ, обрывая лепестки цвѣтка...

Между тѣмъ, всѣ христане уже вышли на арену цирка и уже выпущены были звѣри, которые готовы броситься на нихъ и начать свои кровавыя пирь.

И обрывая послѣдніи лепестокъ со словомъ «любить», Виници почувствовалъ устремленный на него взглядъ Фабюлы.

Этотъ взглядъ былъ полонъ любви и муки. Онъ молилъ и обѣщалъ прощенье. Въ этомъ взглядѣ прочелъ Виници какую-то высшую волю, которая была сильнѣе его воли, сильнѣе воли его боговъ.

И забывъ все на свѣтѣ, повинувшись лишь этому любящему и призывающему взору, онъ бросился къ ней, туда, на арену, гдѣ звѣри уже терзали несчастныхъ, гдѣ уже лилась кровь и раздавались вопли и стоны...

Онъ погибъ вмѣстѣ съ нею, любя, вѣруя и открыто исповѣдуя эту вѣру передъ всѣми.

Ихъ примирилъ и соединилъ другъ съ другомъ невѣдомый скромный цвѣтокъ.

Съ тѣхъ поръ цвѣтокъ этотъ появился и сталъ цвѣсти на поляхъ Кампаньи. Онъ сдѣлался любимымъ цвѣткомъ влюбленныхъ.

И нерѣдко, въ тихіе весенне вечера римскіе юноши и дѣвушки, гуляя по полямъ, срывали этотъ цвѣтокъ, дававши имъ всегда вѣрныя отвѣты.

«Любить, — не любить», — трепеща шепчуть юныя уста, а очи то загораются огнемъ счастья и надежды, то омрачаются печалью и слезами.

И доньягъ гадаеть на этомъ цвѣткѣ молодежь, обрывая его лепестки и наивно вѣря въ его предсказанія.

Этотъ цвѣтокъ растетъ повсюду и всѣмъ хорошо извѣстенъ. Онъ называется у насъ ромашкою.

XXVI.

Трилистникъ.

ь очень давнія времена жила на свѣтѣ маленькая дѣвочка.

Это была прелестная малютка, съ румянымъ личикомъ и голубыми, слявшими, какъ звѣзды, глазками. На своей кудрявой свѣтло-русой головкѣ она всегда носила маленькую красную шапочку, — почему и самой дѣвочкѣ дали прозвище — «Красная Шапочка».

Ея родители жили въ деревнѣ. А за деревнею былъ большой дремучій лѣсъ. Много страшнаго и загадочнаго рассказывали про этотъ молчаливый, таинственный, темный лѣсъ.

И немногіе рѣшались заходить далеко въ его чащу, особенно подъ вечеръ. Говорили, что этотъ лѣсъ былъ заколдованный, что онъ населенъ невиданными чудовищами, и что тотъ, кто заблудится въ этомъ лѣсу, уже никогда изъ него не выйдетъ.

Красная Шапочка любила все таинственное и страшное. Этотъ лѣсъ давно уже привлекалъ ѣ манилъ ее къ себѣ. Ей очень хотѣлось побывать въ немъ, посмотрѣть его чудеса и узнать его тайны.

И вотъ однажды она рѣшилась пойти туда. Съ замирающимъ сердцемъ вступила она подъ темные своды зеленыхъ вѣтвей.

Гостеприимно и ласково встрѣтили ее сѣдые лѣсные великаны, и ея маленькимъ ножкамъ пріятно было ступать по мягкому изумрудному ковру, разстилавшемуся передъ нею.

Веселое, неумолкаемое гѣніе птицъ услаждало ея слухъ. Бѣлки рѣзво прыгали по деревьямъ. А на полянахъ, между деревьями, ярко пестрѣли безчисленными красками цвѣты, порхали мотыльки и рѣяли стрекозы.

И вовсе не было въ лѣсу ничего страшнаго...

Время летѣло быстро и незамѣтно. Красная Шапочка уходила все дальше и дальше въ глубь лѣса.

Но вотъ наступилъ вечеръ. Послѣдніе отблески вечерней зари потухли между стволами деревьевъ. Лѣсъ затихалъ и готовился ко сну.

Пора уже было возвращаться домой.

И тутъ только замѣтила Красная Шапочка, что она забыла дорогу обратно и совершенно заблудилась въ лѣсной чащѣ. Она никакъ не могла рѣшить, въ какую сторону ей надо было идти, чтобы выбраться изъ лѣса.

Между тѣмъ, тихо взошла луна, и ночь распростерла свой темный покровъ надъ землею. Въ далекихъ небесахъ засвѣтились кроткія звѣзды. Туманы поднялись надъ болотами. Прозрачная, голубоватая дымка окутала поляны.

И лѣсъ весь преобразился и сталъ неузнаваемъ. Онъ сдѣлался вдругъ волшебнo-прекраснымъ и казался какимъ-то невѣдомымъ, сказочнымъ царствомъ. Глубокая тишина царила теперь въ немъ, но въ этой тишинѣ таинственнымъ образомъ чувствовалась жизнь. И эта жизнь была совсѣмъ не та, что днемъ.

Эта жизнь была сказочная и волшебная, полная чудесъ и очаровани. Прекрасныя и нѣжныя дріады, опоясанныя древесною корою, мелькали между темными стволами деревьевъ. Задумчивыя русалки, съ распущенными волосами, поднялись изъ своихъ тихихъ водъ. Надъ болотами блуждали таинственные свѣтящіеся огоньки. А на цвѣтущихъ полянахъ, озаренныхъ луною, рѣзвились и вели свои веселые хороводы шаловливыя, маленькіе эльфы.

Робко и боязливо озиралась вокругъ бѣдная Красная Шапочка.

И вотъ, въ одеждѣ, сотканной изъ луннаго свѣта, съ сіяющею на головѣ діадемою изъ лучезарныхъ звѣздъ, появилась передъ нею фея-волшебница, царица этого лѣса.

Это была ни злая, ни добрая волшебница. Но у нея существовалъ такой обычай. Всѣмъ, кто осмѣливался проникнуть въ ея царство, она задавала три загадки. При этомъ ставила условіе: кто отгадаетъ эти загадки, тотъ немедленно получаетъ свободный и безпрепятственный выходъ изъ лѣса; а тотъ, кто не сумѣетъ отгадать ихъ, остается навѣки въ ея заколлованномъ лѣсу.

Но онъ не можетъ уже сохранять болѣе человѣчески видъ.

И всѣхъ остающихся здѣсь она превращала или въ деревья,

или въ цвѣты, или въ травы. Та же участь ожидала и Красную Шапочку.

Нелегка три загадки задала ей фея.

«Что дороже всего на свѣтѣ?» «Что прекраснѣе всего на свѣтѣ?» «Что лучше всего на свѣтѣ?»

Затѣмъ она удалилась и оставила дѣвочку одну въ лѣсу.

Бѣдной маленькой Красной Шапочкѣ никогда бы не разгадать было этихъ трудныхъ загадокъ, если бы не помогли ей ласковыя и добрыя нимфы, которыя тотчасъ же окружили ее по уходѣ своей строгой царицы.

И когда на слѣдующую ночь опять явилась величавая фея и потребовала рѣшенія своихъ загадокъ, Красная Шапочка отвѣтила выолнѣ правильно на всѣ три вопроса.

Она сказала ей, что дороже всего на свѣтѣ — правда; прекраснѣе всего — любовь и лучше всего — счастье.

Сильно опечалилась фея, видя, что дѣвочка вѣрно отгадала всѣ ея загадки. Ей очень понравилась Красная Шапочка, и она не хотѣла отпустить ее отъ себя.

Тогда уже, противъ правилъ, загадала она ей еще одну — четвертую загадку: — «Что такое счастье?»

И не могла рѣшить этой загадки бѣдная Красная Шапочка. Не въ силахъ были помочь ей на этотъ разъ и ея добрые друзья веселыя нимфы и жизнерадостные, счастливые эльфы. Они и сами не знали, въ чемъ заключается счастье людей.

Такъ и не получила фея отвѣта на этотъ свой послѣдній вопросъ, — и Красная Шапочка должна была остаться въ волшебномъ, очарованномъ лѣсу, который ей такъ понравился.

Она была обращена въ простой, но красивый цвѣтокъ. Онъ скромно и незамѣтно появился и зацвѣлъ среди густой травы лѣсныхъ полянъ. Однако, онъ тотчасъ же обращалъ на себя вниманіе своею красною шапочкою, выдѣляясь среди зелени.

Такимъ онъ былъ созданъ въ память милой и скромной дѣвочки, носившей имя Красной Шапочки.

А его листья состояли каждый изъ трехъ отдѣльныхъ листочковъ, напоминая о трехъ загадкахъ, которыя были заданы погибшей дѣвочкѣ.

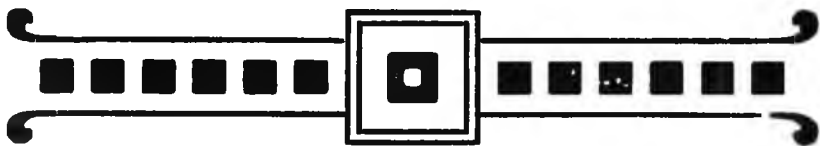
Теперь этотъ цвѣтокъ въ изобилии растетъ повсюду на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ и рощахъ.

Существуетъ преданіе, будто каждый годъ вырастаетъ на землѣ одинъ цвѣтокъ, у котораго одинъ изъ листиковъ бываетъ четверной. И тотъ, кто найдетъ его, будетъ счастливъ.

А что такое счастье, — и до сего времени никто не можетъ разгадать, — да, навѣрное, и никогда не разгадаетъ...

Это растение называется — трилистникъ или клеверъ. Оно является у насъ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ. Его красныя цвѣты извѣстны рѣшительно всѣмъ. Дѣти часто называютъ ихъ «кашкою».

XXVII.

Плакунъ-трава.

Князь Игорь собрался въ походъ на половцевъ.

Давно уже задумалъ онъ объ этомъ крѣпкую думу. Давно уже исполнилось отвагою его храброе сердце. Онъ жаждалъ побѣдою надъ врагомъ добыть себѣ честь и хвалу.

И повелъ онъ свои дружины за предѣлы земли Русской, въ степь, гдѣ стояли вежи половецкія.

Нестобрыя знаменія были въ началѣ похода. Они сулили несчастіе.

Передъ тѣмъ, какъ переходить Донецъ, когда войска стояли еще на русскомъ берегу, явилось первое знаменіе. Солнце померкло среди дня и стояло, какъ двурогнй мѣсяць. Звѣзды проясили на темномъ небѣ. Тьма покрыла полки русскіе.

Поникли головами князья и бояре.

— Не къ добру намъ это, — говорили въ дружинѣ.

Но князь Игорь не послушалъ знаменія солнечнаго. Ему хотѣлось преломить свое копьѣ въ битвѣ съ врагомъ. Ему было испить шеломомъ Донъ.

И онъ перешелъ со своею дружиною рѣку и вступилъ въ необлѣтныя половецкія степи. Онъ держалъ путь на великии, тихии Донъ, въ самую глубь степей, куда доселѣ не рѣшались еще вступать полки князей русскихихъ.

А зловѣщія знаменія продолжались. Все предвѣщало великія бѣды и горе.

Хищныя птицы стаями летѣли вслѣдъ за полками, какъ бы чужа добычу.

Волки выли по крутымъ оврагамъ, словно клича бурю. Звѣриный ревъ и невѣдомые, непонятные стоны раздавались по ночамъ вокругъ стоянокъ. Орлы, носясь надъ русскимъ станомъ, зловѣщимъ клетомъ какъ бы созывали изъ степей звѣрье на кровавый пиръ и кости.

Но уже далеко зашли русскіе въ степь, — и поздно было думать о возвращеніи.

И вотъ на рѣкѣ Сулѣ они встрѣтились съ половцами.

Не выдержали половцы перваго натиска русскихихъ силъ и бѣ-

жали. Русскіе погнались за ними. Опьяненные первой побѣдой, еще далѣе углубились они въ степи.

Наконецъ, насталь день рѣшительной и грозной битвы. День, когда затмилось солнце земли Русской, когда потупились сабли русскія о шелома половчанъ и поломались копыя о ихъ кольчуги.

Красная огненная заря предвѣщала кровавый день. Черныя, мрачныя тучи, низко нависнувъ надъ землею, медленно надвигались отъ моря. Въ нихъ трепетали зловѣщія, рѣдкія молнии и раздавались тревожные раскаты грома.

Это было въ субботу, на Пасхѣ, 27-го апрѣля 1185 года.

На разсвѣтѣ стали подходить враги со всѣхъ сторонъ и отовсюду обступили нашихъ. Словно дремучи лѣсъ окружилъ полки русскіе. Тучи стрѣлъ осыпали ихъ. Съ гиканьемъ и крикомъ понеслись на нихъ дикіе половцы.

И началась страшная, лютая сѣча.

Посреди невѣдомаго поля, въ самомъ сердцѣ половецкихъ степей, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, отчаянно бились русскіе.

Много битвъ было на Руси до этого. Но такой, какъ Игорева битва, еще не видано было отъ вѣка.

Крѣпко бились они весь день отъ зари до вечера. Весь день рѣяли каленыя стрѣлы, гремѣли сабли и съ трескомъ ломались булатныя копыя. До сыта напилась земля крови русской и половецкой.

Настала ночь, а битва все продолжалась.

И на разсвѣтѣ въ воскресенье дрогнули русскіе полки.

Къ полудню палъ червленый стягъ князя Игоря. Самъ же онъ, изнемогая отъ ранъ, былъ взятъ въ плѣнъ врагами.

Не стало у русскихъ больше вина для кроваваго пира,—и полегли они всѣ костью за свою землю на берегахъ далекой степной рѣчки Каялы...

Широкою рѣкою протекла печаль по Руси. Приумолкло веселье. Стихли пѣсни и смѣхъ. Скорбью наполнилась вся Русская земля. Въ полѣ травы поникли отъ жалости, приуныли цвѣты и деревья преклонились въ печали.

А въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, ранымъ-рано, плачетъ Ярославна, молодая княгиня Игорева. Рѣкою льются ея горькія слезы. Она плачетъ и причитаетъ жалобными словами.

Она обращается къ свѣтлому Солнцу, къ буйному Вѣтру, къ широкому Днѣпру.

Она молитъ Солнце не томить своими жаркими лучами въ безводныхъ степяхъ храбрыхъ воиновъ русскихъ. Она упрекаетъ Вѣтеръ, что онъ безжалостно развѣиваетъ ея веселье, какъ ковыль въ степи. Она проситъ Днѣпръ примчать къ ней на своихъ волнахъ ея возлюбленнаго князя.

И въ далекомъ плѣну, въ чужой незнаемой землѣ, Игорь слышитъ горькіи плачъ своей Ярославны. Тамъ печально кукуш-

кой по утрамъ кукуетъ она ему и плачетъ. И въ ея тоскливомъ кукованьѣ слышитъ Игорь рѣчи своей милой.

Она рвется летѣть сюда на быстрыхъ крыльяхъ, омочить въ Каялѣ рукавъ своей собольей шубки и омыть кровавыя раны своего князя.

Прошли года. Князь Игорь вернулся изъ плѣна. Вновь воспрянула земля Русская отъ минувшаго горя. Славными побѣдами она доблестно искупила свой временный позоръ и несчастье.

А въ поляхъ, подъ стѣнами Путивля, гдѣ когда въ несказанномъ горѣ лила свои слезы, горько плача по мужѣ, молодая княгиня, появился небывалый цвѣтокъ.

Онъ былъ ярко-краснаго цвѣта, какъ бы окрашенный кровью, — и напоминалъ о кровавыхъ бояхъ и о томъ тяжеломъ времени, которое пришлось пережить Русской землѣ.

Существуетъ преданіе, что онъ выросъ изъ слезъ, пролитыхъ любящею Ярославною.

Онъ растетъ и понынѣ у насъ на лугахъ. Название его сохранилось отъ прежняго времени.

Его называютъ — плакунъ-трава.

XXVIII.

Астра.

Въ одномъ изъ садовъ Назарета, въ тихій лѣтний вечеръ играли еврейскія дѣти. Среди нихъ находился и Христось, который въ то время былъ еще младенцемъ.

Увлечшись играми, дѣти остались на этотъ разъ въ саду позднѣе обыкновеннаго. Теплая южная ночь незамѣтно спустилась на землю. На темномъ, безоблачномъ небѣ одна за другою зажглись крупныя, яркія звѣзды. Вся природа заснула, — и ни одинъ звукъ не нарушалъ таинственнаго безмолвія ночи.

Торжественная и величавая тишина, царившая кругомъ, невольно заставила смолкнуть и веселые крики дѣтей. Они прекратили свои шумныя игры и тихо шептались, рассказывая другъ другу чудесныя сказки и преданія, слышанныя ими отъ старшихъ.

Небесный сводъ, усыянный звѣздами, въ особенности привлекалъ ихъ внимание. Онъ казался имъ далекимъ и большимъ садомъ. въ которомъ, вмѣсто цвѣтовъ, были тѣ красивыя звѣзды, которыми они издали любовались и которыя такъ загадочно мерцали своимъ переливчатымъ свѣтомъ.

Въ числѣ дѣтей было нѣсколько ангеловъ, которые по волѣ Отца Небеснаго каждый день по утрамъ спускались съ неба. Принявъ видъ дѣтей, они играли и рѣзвились на улицахъ Назарета вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Когда же наступала ночь, и дѣти возвращались въ дома своихъ родителей, ангелы также возвращались въ свои небесныя жилища.

На этотъ разъ они запоздали и дольше обыкновеннаго остались съ дѣтьми.

И вотъ, когда одинъ изъ ангеловъ хотѣлъ покинуть дѣтей, чтобы вознестись на небо. Младенецъ-Христосъ остановилъ его и спросилъ, гдѣ находится его домъ?

— Тамъ, далеко, — отвѣтилъ ангель, — гдѣ сіяютъ эти звѣзды — цвѣты нашихъ садовъ.

Тогда Христосъ сталъ просить ангела принести съ неба нѣсколько звѣздь-цвѣтовъ, чтобы показать ихъ своимъ друзьямъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ ангель, — этого сдѣлать нельзя. Наши цвѣты посѣяны не на землѣ, а въ голубомъ эфирѣ. Они питаются не солнечнымъ свѣтомъ, а сияніемъ, исходящимъ изъ Господнихъ очей. Они такъ велики и ослѣпительно ярки, что никто изъ людей не могъ бы смотрѣть на нихъ.

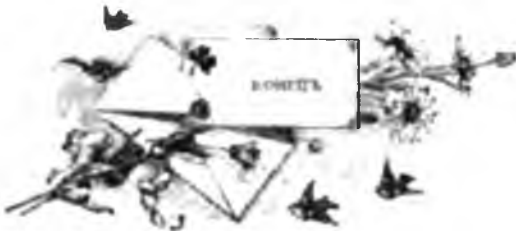
Однако, онъ обѣщалъ принести небольшую пылинку съ одного изъ небесныхъ цвѣтовъ, чтобы посадить ее на землѣ.

На утро, когда ангель опять спустился съ неба, въ рукахъ его было маленькое блестящее зернышко. Младенецъ-Христосъ съ восторгомъ встрѣтилъ его, радуясь, что исполнилось Его желаніе. Они закопали это зернышко въ саду и каждое утро и вечеръ заботливо поливали его.

Всѣ дѣти съ нетерпѣніемъ ждали, когда у нихъ вырастетъ звѣздочка и каждый день приходили смотрѣть, не покажется ли ростокъ.

И вотъ, наконецъ, въ ихъ саду появился красивый цвѣтокъ. Такого цвѣтка еще не видѣли на землѣ. Онъ былъ похожъ на звѣзду, съ длинными узкими лепестками по краямъ, словно окруженный лучами. Дѣти назвали его «небесной звѣздочкою».

Это была астра, что значитъ звѣзда ночи. Звѣзды и астры шепчутъ другъ другу о своемъ близкомъ родствѣ и какъ бы стремятся навстрѣчу, чтобы упасть другъ другу въ горячія, братскія объятія.

СОДЕРЖАНІЕ

I-го выпуска

„Цвѣточнаго Кружева“.

	<i>Стр.</i>
1. Анемоны	1
2. Фиалка	6
3. Ландышъ	7
4. Незабудка	9
5. Гиацинтъ	11
6. Нарциссъ	12
7. Сирень	14
8. Гвоздика	15
9. Роза	17
10. Макъ	18
11. Подсолнечникъ	22
12. Татарникъ	25
13. Кукушкины слезки	27
14. Ленъ	29
15. Аконитъ	33
16. Белладонна	34
17. Вероника	36
18. Василекъ	38

	<i>Стр.</i>
19. Колокольчикъ	41
20. Иванъ-да-Марья	43
21. Мать и мачеха	44
22. Анютины глазки	46
23. Бѣлозоръ болотный	49
24. Одуванчикъ	51
25. Ромашка	53
26. Трилистникъ	56
27. Плакунъ-трава	59
28. Астра	61

Съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволения, послѣ-
довавшаго въ 29-й день января 1910 года,

ОТКРЫВАЕТСЯ

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОДПИСКА

на сооружение въ Петербургѣ памятника
въ Бозѣ почивающему полководцу Генералъ-фельдмаршалу

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

Николаю Николаевичу.

Особый Высочайше учрежденный Комитетъ
обращается съ усердной просьбой принять
участіе въ увѣковѣченіи памяти Великаго Кня-
зя Генералъ-фельдмаршала, побѣдоносно при-
ведшаго нашу славную Дунайскую армию къ
стѣнамъ Царьграда.

Учреждения, части и лица, сочувствующія
цѣли сбора, приглашаются направить деньги
и подписные листы въ Петербургъ, въ штабъ войскъ
гвардіи и Петербургскаго военного округа.

Всякая жертва, какъ бы мала она ни была,
послужитъ къ увѣковѣченію памяти Предво-
дителя нашей славной армии въ побѣдонос-
ную кампанію 1877—78 г.г.

ТАРИФЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ

въ „Свѣточѣ и Дневн. Писателя“:

Авторамъ предоставляется
50 вступокъ

	За журнальнаго текста	Почт журнальнаго текста
1 стр	40 руб.	22 руб.
“ “	25 “	13 “
“ “	12 “	7 “

Сочиненія А. В. КРУГЛОВА.

(Для взрослыхъ)

МОЖНО ВЫПИСЫВ. ИЗЪ ВСѢХЪ СТОЛИЧН. КН. МАГАЗИНОВЪ.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

- Побѣда. Повѣсть. Ц. 40 к.
Въ разные годы. Разказы. Ц. 75 к.
Живыя души. Очерки и разказы. Изд. 2-е. Въ 2-хъ томахъ (т. I: „Негерои“, т. II: „На чужомъ полѣ“). Ц. каждаго тома 1 р.
Свон-чужие. Романъ. Ц. 1 р.
Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Вчера и сегодня. Повѣсти и разказы. Издание 2-е. Ц. 1 р.
Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Издание 3-е. Ц. 1 р.
Господа-земцы. Очерки и картинки. Ц. 75 к.
Провинціальныя корреспонденты. Повѣсть и разказъ. Ц. 75 к.
Въ сѣверныхъ лѣсахъ. Разказъ. Ц. 15 к.
Совѣсть проснулась. Разказъ. Изд. 3-е. Ц. 15 к.
Немудренное счастье. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Кто виновникъ убыли женской души? Этюды. Ц. 20 к.
Литература „маленькаго народа“. Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. 2 вып. Ц. каждаго вып. 85 к.
Стихотворенія. Съ портр. и факсимиле автора. Издание второе. Ц. 1 р. 50 к., въ колленкор. переплетъ 2 р. 25 к.
Старь и новь. Повѣсти, очерки и разказы. Ц. 1 р. 25 к. (Издание распродано.)
Господа-крестьяне. Деревенскіе силуэты. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
Потревоженные. Деревенскіе силуэты. Ц. 50 к.
Вѣчевой городъ. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
Женскій Авоиъ. Очерки историческаго угла. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.
Домна-ректорша. Повѣсть. Изд. 3-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.
Страшный дядя. Разказъ. Ц. 15 к.
Веселыя похороны. Романъ. Ц. 1 р.
Какъ отдыхалъ Иванъ Ивановичъ. Повѣсть. Ц. 50 к.
Старички. Разказъ. Ц. 15 к.
Чудесная свѣча. Изд. 2-е. Сказъ. Ц. 15 к.
Нищие-богачи. Разказы. Ц. 50 к.
За сестру. Разказъ. Ц. 15 к.
Старцы Филимоны. Разказъ. Ц. 15 к.
Высокій гость. Повѣсть. Ц. 35 к.
Десять поэтовъ. — Биографіи, характеристики, портреты. Ц. 50 к.
Любовь и Истина. (Духовные мотивы.) Стихотворенія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.
Вселенскіе учителя:
I. Василии Великій. Изд. 2-е. Ц. 30 к.
II. Григоріи Богословъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к.
III. Иоаннъ Златоустъ. Изд. 2-е. Ц. 45 к.
Св. Николай Чудотворецъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к.
Изъ дневника православнаго мірянина. Ц. 30 к.
Кронштадтскій пастырь. Очеркъ. Ц. 25 к.
Запросы духа. Размышленія православнаго мірянина. Ц. 50 к.
Задушевныя рѣчи. Бесѣды, странички изъ дневника и очерки. Ц. 50 к.
Въ чемъ счастье. Этюды. Ц. 10 к.
Въ Чайномъ царствѣ. Очерки китайской жизни. Ц. 1 р. (Подъ псевдонимомъ Амфилохій Устюжанскій.)